

Н. А. Башев

ЭПОХА АРИТМИИ

Стихи, басни, эпиграммы, пародии, проза

Кемерово
АИ «Кузбассвузиздат»
2018

ББК 84(2Рос-Рус)
Б33

Башев Н. А.

Б33 Эпоха аритмии: Стихи, басни, эпиграммы, пародии, проза / Н. А. Башев. – Кемерово: АИ «Кузбассвуиздат», 2018. – 312 с.

ISBN 978-5-202-01405-5

ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-202-01405-5

© Башев Н. А., 2018

© Оформление.

ООО «АИ Кузбассвуиздат», 2018

A handwritten signature in purple ink, consisting of several overlapping, sweeping strokes that form a stylized, abstract shape.

Николай Алексеевич БАШЕВ родился в деревне Ольговка Яйского района Кемеровской области. Окончил Мариинский сельскохозяйственный техникум, Новосибирский государственный аграрный институт.

Работал ветеринарным врачом, главным зоотехником, заместителем директора по производству, директором в хозяйствах Кемеровской области. В настоящее время работает директором Дома культуры села Колмогорово Яшкинского района. Избирался секретарём Яшкинского райкома коммунистической партии, Народным депутатом Советского Союза, главой поселения.

Первое стихотворение – «Речке Яе» написал в 1972 году, первую басню – «Я и Мы» – в 1980 году.

С 2011 по 2016 год изданы сборники (в год по книге): «Разговор с богом», «Откровение», «И это время со мной...», «Басни», «Про жизнь».

Николай Алексеевич является соавтором сборника стихов «А память прошлое хранит», который издан ко Дню Победы в 2012 году. Сборник назван по строке его стихотворения.

Стихи и басни Николая Башева печатаются в журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Содружество» яшкинской студии «Светлица», а также в местных газетах: «Яшкино» и «Яшкинский вестник».

Член Союза писателей России.

Награждён медалями: «За долголетний добросовестный труд», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения» (Указ Президента Российской Федерации, 2002 год), «За особый вклад в развитие Кузбасса», «За служению Кузбассу», «70 лет Кемеровской области», «За заслуги» от Яшкинского района и другими. Ветеран труда.

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель, представляю на твой суд новый сборник своих произведений. Они, как всегда, пронизаны юмором и сатирой. В большинстве своём представляют собой синтез художественного изображения комического и серьёзного. Обличают людские пороки и несовершенство существующего правопорядка.

Имею ли я на это право? Наверное, да. Из моей биографии следует, что я занимал определённые посты, избирался секретарём райкома коммунистической партии, народным депутатом. Длительное время исполнял обязанности главы поселения. Отсюда можно сделать вывод, что я неплохо разбираюсь в процессах организации производства в разное время, в вопросах самоуправления сельских поселений, даже в вопросах развития и управления такого мощного гиганта, как Советский Союз, развал которого проходил в тот момент, когда я был представителем его депутатского корпуса и выступал на стороне тех, кто боролся за его сохранение. И, конечно, мне известны все недостатки, связанные с выполнением этих обязанностей. Словом, материала для сатирических басен набралось огромное количество.

Видя несовершенство управления изнутри, я ощущал непреодолимое желание вмешаться и всё исправить, но чаще всего натёкался на бюрократическое равнодушие, наплевательское отношение к порученному делу, некомпетентность и манию величия, что в конечном итоге приводило к пагубным последствиям.

Меня поражало и сейчас поражает безумие (которое уже можно назвать коллективным) некоторых моих соотечественников, непостоянство их убеждений, недальновидность и забывчивость.

Давно ли прекратил существование царский режим Николая Второго? Один век. Свежа ещё память о том, как при его режиме расстреливались мирные демонстрации,

о том, что в народе его называли Николай Кровавый. Император, который проиграл войну Японии, при этом был полностью уничтожен русский флот. Аграрные беспорядки, рабочие стачки, студенческие волнения – всё это указывало на недовольство социальным укладом в стране. Теперь, в наше время, он отнесён к лику святых. И довольно почтенные люди носятся с воплями: «Царя! Царя!» Будто каждый из них завтра станет царём. А кто же будет исполнять обязанности холопов?

Нет, я не оправдываю тех, кто распорядился уничтожить царскую семью, и даже не могу этого изверга отнести к роду человеческому, а ведь действия этого негодяя и исполнителей его воли длительное время оправдывались и находили в существовавшем обществе поддержку. Так же, как оправдывалось уничтожение русской интеллигенции во время Гражданской войны. Эта безответственность и безнаказанность способствовали в дальнейшем зарождению такого монстра, от действий которого права советского гражданина были ничтожней прав африканского раба. Имя этому монстру – культ личности.

И. В. Сталин – наш вождь и учитель. Да, никто не отнимает у него заслуги в победе над фашистской Германией. Но какой ценой? Ещё и сейчас историки затрудняются ответить точно на вопрос, сколько погибло: двадцать пять или тридцать миллионов? А этого могло и не быть. Сколько военных руководителей уничтожил Сталин перед войной? Сколько невинных людей сгинуло по лживым доносам в лагерях? Если внимательно разобраться – окажется не меньше, чем погибших в боях. А остались бы они живы, стратегия и тактика войны были бы другими.

Чтобы рассуждать о том периоде, мне не нужны дополнительные сведения, почерпнутые из справочных материалов. Все явления того времени отразились на судьбе моей матери. Её первый муж Дмитрий Ионов был простым крестьянином, работал кузнецом в селе Марьевке (в том самом, где родился великий сибирский поэт Василий

Фёдоров). Так вот однажды этот кузнец, собираясь на работу, завернул свой обед в местную газету, на первой странице которой был изображён наш великий вождь и учитель. В кузне они работали вдвоём с молотобойцем, ещё в тот день к ним заходил бригадир. Кто донёс, до сих пор неизвестно, но спустя два дня к дому Ионовых подкатил «воронок» (автозак) и Дмитрия увезли. Куда? Тоже до сих пор неизвестно. Так поступили с простым деревенским кузнецом, что уж говорить об отношениях власть имущих тех времен к интеллигенции, военной элите – во всех видели врагов народа, держали в ежовых рукавицах.

И что мы слышим сейчас? Напакостят, как блудливые коты, и вопят: «Нам бы Сталина!» Надоело спать спокойно? Или призывающие его думают, что за другими придут, а за ними нет? Придут! Многие вбили себе в голову: «Мне можно, а другим нет». Идёт гражданин по улице, швыряет окурки под ноги, а рядом урна стоит, но он думает: «Урна для других, пусть они в неё бросают, а я один раз кинул, не заметно». А другие тоже так думают, потому и нет порядка.

Много безответственных людей, много. Во всех слоях общества они есть. И чем выше пост, тем сильнее безответственность. Например, президент Ельцин разорил страну, предварительно развалив Советский Союз, довёл народ, как говорится, до ручки, а этот народ, вместо того что бы плюнуть ему в пьяную физиономию, взял и проголосовал снова за него в тысяча девятьсот девяносто шестом году. (Конечно, не все, но большинство.) А теперь его приспешники сооружают ему памятники, создают фонды его имени, музеи. Пройдёт несколько лет – память короткая, и предстанет он в этой памяти спасителем русского народа.

В восемьдесят девятом году я был избран Народным депутатом Советского Союза. На первом съезде депутатов в Москве, нам, сибирякам, не привыкшим к интригам, было видно, как группа поддержки господина Ельцина пыталась всячески выставить в неприглядном виде существующее государство Советский Союз. Использовались различные

методы для его развала. Была создана так называемая межрегиональная группа депутатов, председателем которой являлся Б. Н. Ельцин, сопредседателями были Гавриил Харитонович Попов, председатель Московского городского Совета, и академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Сахаров имел огромный авторитет среди депутатского корпуса, штаб этой межрегиональной группы всячески использовал это в своих целях. Ему ни одного дня не давали передышки, ночью готовили доклады с компроматами на существующий порядок, а утром, ещё до начала заседания, Сахаров, не дожидаясь, когда прозвучит гимн (это обязательная процедура на съезде) выскакивал на трибуну и выплёскивал ночную заготовку в президиум, в зал и на всю страну. Кончилось это тем, что академик не выдержал такой нагрузки и четырнадцатого декабря восемьдесят девятого года, на втором съезде, умер. И даже его смерть была использована против тех, кто стоял за сохранение СССР. Была запущена утка, что он якобы умер оттого, что противники развала захлопывали аплодисментами речи, произносимые Сахаровым.

Я в своих баснях, сатирических стихах, а теперь ещё и прозе, стараюсь сохранить действительные поступки этих индивидов человеческого рода.

Но и среди нашего, пишущего брата, хватает лиц, достойных быть взятыми на сатирическое перо. Спроси любого из нас: «Кто сейчас лучший поэт в этом мире?» – и некоторые, не задумываясь, ответят: « О чём речь, конечно, я!», начнут извлекать из своего поэтического хранилища такие витиевато-высокопарные вирши, что возникает непреодолимое желание написать на них пародию, что я и попытался изобразить в этом сборнике. Уважаемые поэты, без обид, не хотел – бес попутал.

Кроме того, в этот сборник я включил эпиграммы. Знаю, что плохие, но в печать всё-таки сдаю, из упрямства и вредности.

Иногда сатира и юмор рождаются почти на ровном месте, например, на почве бытового несогласия сторон.

Вот есть у меня приятель, тоже писатель, хороший, между прочим. Получил он как-то медаль, а у других их несколько, и он без всякого стеснения начал мне доказывать, что одна медаль – это награда, а несколько – это излишество и неприличное отношение к окружающим (даже на эту тему написал научную статью). А, как оказалось, причина проста: он точно знал, что ещё одну не получит, и, видимо, у него выявили геморрой: больше одной медали поднимать нельзя. Поэтому я решился в этой книге на фотографии предстать в медалях, чтобы доказать, геморроя у меня нет. И я знаю, чем всё это кончится: прочитав данную сатирическую выдержку, он рассердится и бросится писать едкую басню в адрес моей личности, и родится новый баснописец. Так что из всего можно извлечь пользу.

В данном сборнике впервые печатается прозаическая сатирическая повесть «Похождения Петра Петровича Неугомонного».

Да и, конечно, в этот сборник вошли стихи. Хорошие они либо плохие – судить вам. Но напечатаны они как бы для прикрытия, это когда волк напяливает на себя овечью шкуру...

А вообще-то с годами я стал с уважением относиться к священнослужителям. Спокойные люди, знают, что вечного ничего нет, уверены в том, что Земля погибнет в огне (это теперь доказали и учёные; при затухании Солнце расширится и поглотит нашу планету). Они и не суетятся, как мы, думающие, что наши вирши надолго переживут нас и останутся в вечности. Напрасные надежды. Вечного ничего нет!

СТИХИ

* * *

Не пишется: все мысли заржавели,
Я шевелю мозгами еле-еле.
Программу запустить хочу опять
И не могу пароль к ней отыскать.
Но птица в небе вдруг защебетала,
Всё озарив, над лесом солнце встало,
И я нашёл пароль в одно мгновенье,
Мне не хватало просто вдохновенья.

СВИДАНИЕ

Принимай меня, речка родная,
Вновь тебя навестить я пришёл,
Колыбель моей юности Яя,
Я тянулся к тебе всей душой.

Вспоминаются детские годы:
С удилищем и рыбой в садке,
Я, с тобою встречая восходы,
По песочку иду налегке.

Как стрижи, мои годы вспорхнули,
Рассекая туманный рассвет,
Поутру мы однажды проснулись,
Оглянулись, а детства уж нет.

Укатил от тебя я далёко,
За тайгой затерялся мой след,
Без меня стала ты одинокой,
Я грустил, что тебя рядом нет.

А сегодня мы встретились снова,
Ты прекрасной осталась рекой.
Не узнала?! Топчусь бестолково,
Незнакомец, с седой головой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прикоснусь щекой к твоей ладони,
Сердца твоего услышу стук,
Волосы мои легонько тронешь,
Задохнусь от ласки твоих рук.
Затаюсь, замру я на мгновенье,
Не спугнуть бы эту тишину,
Опущусь тихонько на колени
И к руке губами я прильну.
Знаю, виноват перед тобою,
Заплутал на жизненном пути,
Потерялся, зачерствел душою...
Матушка, за всё меня прости!
И за то, что рано поседела,
За морщины на твоём лице,
За тоску, с которой вдаль глядела,
Ожидая сына на крыльце.
Возвратился сын твой непутёвый,
Много в этой жизни повидал,
Приголубь, родная, добрым словом,
Без тебя душою я устал.

* * *

Печалью осень дышит за окном,
Над лесом тучи серые нависли.
И, под холодным съёжившись дождём,
С берёз унылых опадают листья.

Я взглядом в даль промозглую бегу,
Навстречу мне – холмов далёких склоны,
Приземистые копны на лугу
Расселись, словно мокрые вороны.

Капли дождя стекают по стеклу
Холодными осенними слезами.
Лес в благодарность летнему теплу
Прощально машет голыми ветвями.

Меняются местами времена,
За осень зима нагрянет стужей,
За ней весны зелёная волна,
И летний рай нам, несомненно, нужен.

* * *

А календарь всё тоньше и всё легче,
Семидесятый улетел листок,
И безвозвратно в голубую вечность
Уносит его времени поток.

Мне говорят, жалеть о том не надо,
Что промелькнули молнией года,
За это мудрость мне дана в награду,
Судьбу ж не изменить нам никогда.

А я согласен, не моргнув и оком,
Ту мудрость, что сумел я накопить,
На безрассудство юности далёкой,
Без сожаленья, тут же заменить.

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

Внуку моему Егорушке

*И ветру осеннему наперекор
Шагает по улице Башев Егор*

День первый осенний в календаре,
Красивые буквы в цветном букваре,

Тяжёлый рюкзак, приютились в нём книжки,
На плечи взвалил себе шустрый мальчишка.
Он мамин и папин любимый сынок,
Торопится в школу на первый звонок.
К груди прижимает красивый букет,
Той самой подарит, что несколько лет
Учить его будет по школьной программе
И в классе заменит любимую маму.
И тяжесть учёбы ему нипочём,
Он лётчиком станет, а может, врачом,
А может быть, воином умным и сильным,
Защитником нашей любимой России!
Она от него ждёт великих свершений,
Надеется – вырастит будущий гений.
А я пожелаю ему всей душой,
Что б стал человеком он с буквы большой!

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Выпускникам школы посвящая

Годы ласточкой вмиг пролетели,
Как желанный, любимый урок.
Открываются школьные двери,
Я спешу на последний звонок.
Так хотелось скорее на волю,
Распахнув думы-крылья в полёт,
Почему-то с печалью и болью
Сердце в класс меня снова зовёт.
Я люблю эти школьные стены,
Дорог каждый мне здесь уголок,
Ожиданье большой перемены
И звонка, что зовёт на урок.
Помню, как прозвенел он впервые,
В первый класс я с букетом спешил
И, смущаясь, цветы полевые
Своей будущей классной дарил.

С нею длинный мы путь одолели,
Груз учёбы нам был нипочём,
И приблизились к выбору цели:
Быть мне лётчиком или врачом.
Или воином, умным и смелым,
Чтоб Россию свою защищать,
Стал я взрослым, достаточно зрелым,
Чтоб судьбу самому выбирать!

* * *

Отец сказал: «Иди, сынок, пора
Тебе дорогу в жизни выбирать».
Я рано утром вышел со двора,
Всплакнув, перекрестила меня мать:
«Ты дом родной не забывай, сынок,
Здесь грел тебя родительский очаг,
Перед тобою тысячи дорог,
Но помни ту, где сделал первый шаг.
Как жаль, что распадается село,
Работы нет в деревне никакой,
Соседу Косте сильно повезло,
Устроился на свалке городской».
Я мать поцеловал, махнул рукою
И, отвернувшись, быстро зашагал,
Взгляд её глаз, пронизанный тоскою,
А может, ветер слёзы вышибал.
На свалку я, конечно, не попал,
Сказал мне пьяный Костя: «Места нету!».
Но в жизни этой много испытал,
Ложь не приму за чистую монету.
Того, что видел, мне не перечить,
В родной стране, а также за границей,
Но где бы ни был я, считал всегда за честь,
Родным местам приехать поклониться!

* * *

Я женщин не люблю на пьедестале,
С кинжалом в окровавленной руке.
И чтоб они мне горло затыкали,
И я у них болтался на крючке.
Я не люблю у женщин стали в голосе,
Командных ноток и намёков зла
И чтобы меня били ниже пояса
Иль шкуру с меня драли, как с козла.
Так хочется взаимопонимания,
Чтоб можно было душу распахнуть
И поражённым силой обаяния
К щеке или губам её прильнуть.
Мне нравятся спокойные и нежные,
С улыбкою Джоконды на устах,
Ещё меня влечёт к таким по-прежнему,
Кто чести не теряет второпях.

ПРАЗДНИК ДУШИ

Молитвам чудотворным внемлю:
«Христос воскрес, Христос воскрес».
То опускается на землю
Святая благодать с небес.
Перекликаясь с русской песней,
Над Родиною беспредельной
Владеет благовест чудесный
Душой и телом безраздельно.
Христову Пасху перезвоном
Колоколов святых встречаем,
Праздник души, будто с амвона,
Со сцены клубной представляем.
Молитва-песня захватила,
Слеза дрожит, не понимаю,
Откуда в ней такая сила –
Душу на части разрывает?
Затихла песня, зал взорвался
Аплодисментами, восторгом,
Праздник души в сердцах остался,
Мы будем помнить его долго!

РЕЧКА ЧИНДАТ

Меж тальников, в болотистой низине
Струится вдоль размытых берегов,
Сверкая чистотой небесной сини,
Чиндат из глубины седых веков.
Из родников рождённый и ключей,
Снегов, что по весне под солнцем тают,
В речушку превратившийся ручей,
Несёт степенно воды свои в Яю.
Не раз его пытались удержать,
Течение плотиной преграждая,
Но он всегда стремился убежать,
Умело те плотины подмывая...
Любимая река моего детства!
Я, глядя в твои воды, замирал,
Пытаясь в глубину её взглядеться,
И мыслям своим волю я давал:
Коряга проплывала, мне казалось,
Что мимо «Наутилус» вдаль плывёт,
Я – Немо, в том сомненья не осталось,
Фантазия в моря меня ведёт.
Вот водомерка быстро пробежала,
Расходятся круги от её ног,
Чудовищем она мне представлялась,
Я свой корабль спасал как только мог.
В мечтах своих в пирата обращался,
На бордаж летел, поднявши паруса,
И в океан Чиндат тот превращался,
И в космос устремлялись небеса...
Жизнь пронеслась, я вновь на берегу,
Истерзанный житейскими морями,
И фантазировать, как в детстве, не могу
Да и реальности уже не доверяю.

ОЛЬГОВКА

Среди снегов таёжных затерялось
Сибирское старинное село,
На берегах Чиндата основалось
И, процветая, ширилось, росло.

Первопроходцы, что здесь поселились,
Фамилию известную несли,
От княжеских корней происходили,
Жила княгиня Ольга на Руси.

И в память о княгине той великой
Храм божий, помолившись, возвели,
На сходе деревенском, многоликом
Село то Ольговкою люди нарекли.

Я в нём родился, часто вспоминаю
Ту церковь на холмистом берегу,
С друзьями снова в школу я шагаю,
В лапту играю с ними на лугу.

Занятием любимым нашим было
На каланчу пожарную взлететь,
От страха высоты сердце щемило,
А глядя вдаль, хотелось песню петь.

Мы летом за клубникою ходили,
Что на буграх за речкою Удой,
Намаявшись, ведёрко приносили
И по горстям делили меж собой.

Прошли года, и детство пролетело,
Нам нужно было жизнь свою менять,
А в детстве задержаться так хотелось,
Но взрослыми пора нам было стать.

Любимое село мне часто снилось:
Большие улицы, у леса каланча.
В нём два колхоза раньше находилось:
«Победа» и «Заветы Ильича».

С годами все разъехались куда-то,
Иные умерли, хватив лиха до дна.
И от села, великого когда-то,
Осталась только улица одна.

ОЛЬГОВСКИЕ «ГРОМОБОЙЦЫ»

Когда-то в Ольговке крутые парни жили,
По кличке Битюки и Булдаки.
Нередко в рукопашную сходились,
Чтоб почесать об морды кулаки.

Дрались, как звери, бились не на шутку,
Сыпались зубы, проливалась кровь,
Овчинные трещали полущубки,
Кидали их и сталкивались вновь.

И не дай бог кому-то ненароком
Под руку их горячую попасть,
Избит бывал тот человек жестоко,
Чтоб знал, кому принадлежала власть.

Особенно проезжим доставалось,
Чей путь от Яи вёл через село,
Если парням они тем попадались,
Считалось, крупно им не повезло.

И говорили, будто эти парни
Проезжих поджидали под мостом
И, притаившись, словно псы на псарне,
Выскакивали на колёсный гром.

Давно перевелись крутые парни,
Проезжим от преград свободен путь,
Но жители из сёл ближних и дальних
И по сей день нас «громобойцами» зовут.

* * *

*Донскому казаку,
полному кавалеру
Георгиевских крестов
Герою Советского Союза
Константину Иосифовичу
Недорубову посвящается*

На Россию война надвигается,
Жмёт Антанта со всех сторон,
Недорубов на бой собирается,
Защищать будет Тихий Дон.
Нелегка ты, казачья доля,
Конь и шашка твои друзья,
На просторы Великого Дона
Допустить вражью силу нельзя.
И повёл своих верных товарищей,
Он врагам уступать не привык,
Не страшны ему топь и пожарища,
Не берут его шашка и штык.
Возвратился домой с победою
Боевой атаман-офицер.
А за то, что он страха не ведает,
Стал георгиевский кавалер.
Пережил и террор, и восстание,
На родимой Донской стороне,
Заслужил в эти годы признание,
Что не враг он советской стране.
За неё, за Россию советскую,
Воевать ему снова пришлось,
На фашистскую силу, немецкую,
Всё казачество поднялось.
И опять возвратился с победою,
Бил врага и себя не щадил,
Смерть презрел он и, страха не ведая,
Золотую Звезду заслужил.

* * *

Тихо и плавно жёлтые листья
В медленном танце кружат,
Шла мимо осень с оранжевой кистью
И заглянула в наш сад.
Листья бесшумно на землю ложатся
Ярким персидским ковром,
Грустные мысли роем теснятся,
Душу сжигают огнём.
Как незаметно подкралась к нам осень,
Прочно накрыла крылом,
Тщетны попытки объятья те сбросить,
Прошлого мы не вернём.
В воспоминаниях нашему взору
Пройденный путь предстаёт,
Медленно шли, подымаясь, мы в гору,
Спуск уготован нам влёт.

ГРОЗА

Июльская жара,
Пылает небосвод,
Всё замерло с утра,
Лишь солнышко печёт.
Вдруг ветер озорной,
Взмахнув крылом могучим,
Истерзанный жарой,
Пригнал чёрную тучу.
И туча та растёт,
Уж солнца не видать.
И вместе с ней идёт
Прохлады благодать.
А ветер всё сильней
С деревьев листья рвёт,
Метёт траву с полей
И вихрем ввысь несёт.

А туча всё черней,
Чудовищем ползёт,
Причудливых теней
Клубится хоровод.
Совсем отяжелев,
Задела за сосну,
Развёрзся её зев
И молнией блеснул.
Раскатисто гремя,
Вдруг ливнем пролилась
И во всю ширь крыла
С тем ветром обнялась.

* * *

*Жене моей Любови Николаевне
на 50-летие совместной жизни*

Пятьдесят так быстро пролетели,
Вроде не обижены судьбой,
Кажется, ещё вчера сидели
Рядышком за партою с тобой.

Первые шаги по жизни трудны,
Непосильно тяжек сельский быт,
Не сломили серые нас будни,
Огонёк в душе всегда горит.

Многое мы вместе повидали,
Иногда навстречу ветру шли,
Веру в свои силы не теряли,
Мудрость и любовь приобрели.

Наша жизнь стремительно проходит,
Как в реке весной бурлит вода,
Воду острова порой разводят,
Нас судьба связала навсегда.

* * *

*Жене моей
Любови Николаевне*

Слезами дождь осенний по стеклу,
Склонилась голова седая на ладони,
Упрямо память, пробивая мглу,
Страницы жизни пролетевшей гонит.
А жизнь, как птица райская, во сне,
Взмахнув крылом, стремительно промчалась,
Блеснув, словно сосулька по весне,
Лишь сединою на висках осталась.
И будто в кинофильме о былом
Прошедшего меняются картинки:
Вот детство босоногое, теплом
Вдруг на лице разгладило морщинки.
А вот в сознание школьные года
С друзьями вместе быстро промелькнули.
И клятва: «Не забудем никогда» –
Годам тем мы на верность присягнули,
А вот и та, что раз и навсегда,
И нет её желаннее и краше,
Любимая! На долгие года
И горести, и радости – всё наше.
А дальше годы мчатся всё быстрей,
В трудах жизнь пролетает вереницей,
Уже не о себе. Судьба наших детей –
В сценарии том главная страница.
И мысли постоянно об одном,
У бога просим счастья нашим детям.
И сколько на земле этой живём,
Желания и помыслы об этом.
Ночь за окном и в звёздах небосвод,
В глазах усталых искорка мелькнула,
Жизнь не окончена, ещё полно забот,
А рядом ты тихонько прикорнула.

БАБОЧКА

Хотел он прогуляться по траве,
Где копошится серый муравей,
И бабочку красивую поймать,
Любуясь на ладони подержать,
С природой слиться телом и душой,
Чтобы вселенский обрести покой...

Но пулемёт теперь в его руках.
И напряжёнno пульс стучит в висках.
Орудия заговорили вновь,
Струится по броне густая кровь.
Захвачен террористами Кавказ,
Отчаянно дерётся наш спецназ
И шаг за шагом движется вперёд,
Жестокий враг позиций не сдаёт.
И невозможно к небу глаз поднять,
Над головою очередь опять...
Все молодые, хочется им жить,
Но сколько их в сырой земле лежит.
А дома ждёт, истосковавшись, мать:
«Кровиночку скорее бы обнять!».
И не дает покоя мысль одна:
«Кому нужна проклятая война?»
Дым кольцами витает в облаках,
Тревожно отдаётся гул в горах...
...Спокойна только бабочка одна,
Останется непойманной она.

РАССКАЗ ЛЁТЧИКА ШТУРМОВИКА Ил-2

Герою СССР П. Н. Кузнецову посвящается

1

И вот я готов вам, друзья, рассказать,
На разных фронтах мне пришлось воевать.
Не трусил, сражался – страну защищал,
Мой труд оценили – Героем я стал.

2

Сначала на фронте бывало и так:
Числом и сноровкой сильнее был враг..
Над лесом летим на разведку вдвоём
Немецкие доты прощупать огнём.
И вдруг пулемёт застрочил за спиной,
Подкравшийся «мессер» завис надо мной,
А сбоку в атаку заходит другой,
Штурвал на себя – я взметнулся свечой.
«Ио» вынес, но всё ж фюзеляж мой пробит,
Вздохнул с облегченьем: пока не горит.
Ведущий* снижается, видно, подбит,
И «мессер» над ним, словно ворон, кружит.
На помощь рванулся, гашетку нажал,
Враг корпусом вздрогнул и вмиг запылал.
Ведущий поляну в лесу разглядел,
И, шасси ломая, он всё-таки сел,
Рукою махнул мне: «Давай улетай,
Я сам разберусь, ты машину спасай».
Вдруг яркая вспышка – и взрыв за стеклом.
«Конец!» – промелькнуло в сознание моём,
Но в ту же минуту рассеялся дым,
Спускается «Ил» мой – и «мессер» за ним,
В атаку заходит и в ближнем бою
Насквозь прошивает машину мою.
С трудом я пытаюсь к своим дотянуть,
Клубящийся дым отмечает мой путь.
Не помню, как я самолёт посадил,
Пропеллером к небу задрался мой «Ил».
Когда осмотрелся – причина проста:
Мой «Ил» при посадке лишился хвоста.
И только сейчас до сознания дошло:
Смерть рядом ходила, но мне повезло.

* Ведущий – лётчик, самолёт которого летит впереди.

3

Немецкие танки летим штурмовать,
Фашисты пытаются фронт наш прорвать.
Великие Луки горят под крылом,
Зенитки встречают нас шквальным огнём.
Набрав высоту, мы идём на прорыв,
Вдруг справа возник ослепительный взрыв,
Мой друг под зенитный снаряд угодил,
На землю свалился пылающий «Ил».
Сжимая штурвал, я к прицелу приник,
Пикирует с воём с небес штурмовик.
И всюду, где «Ил» над землёй пролетел,
Там груды металла и вражеских тел.
Свой груз смертоносный прицельно кладу,
Фашистские гады горят пусть в аду.
За нас, за страну, за погибших друзей
Расчёты веду я атакой своей.

4

Теряя машины, теряя друзей,
В боях не щадили мы жизни своей.
И вот наконец-то Берлин под крылом,
Горит над Рейхстагом наш флаг кумачом.
Скорбит о погибших родная страна.
Навеки запомните их имена!

ТАНКОВАЯ АТАКА

(Баллада о танкистах)

Я в своём танке уверен,
Тихо рокочет мотор,
Хочет он диким зверем
Вырваться на простор.
Ждёт экипаж, замер,
Скоро пойдём в бой,
Крепко связала узлами
Смерть нас между собой.

Настороже пехота,
Вместе в атаку пойдём,
Адская это работа,
Пронизанная огнём.
И, наконец, в шлемофоне:
«С богом, ребята, вперёд!»
Взвившись, как зверь в погоне,
С надрывом мой танк ревёт.
Сзади бежит пехота,
Спасается за бронёй,
Так умирать не охото
Летней цветущей порой.
Разрывы накрыли поле,
Земля поднялась стеной,
Сжимая в кулак волю,
Несёмся вперёд стрелой.
Пули стучат в башню,
Осколки злобно гремят,
Очистим мы землю нашу –
Ни шагу, ни пяди назад.
Не думаю я о смерти,
Мне просто не до неё,
Дрогнули, драпают, черти,
Падают мордой в жнивье.
Окопы давлю гусеницей,
На дотах кручусь волчком,
Ужас на вражеских лицах,
От смерти уходят ползком.
Пушка стволом водит,
Ищет она цель свою,
Танк мой сбоку заходит,
Я полный газ даю.
Поздно заметили, гады,
Тело их ужас сковал,
Танк мой уже рядом,
Пушку с землёю сравнял.

Гусеницей, пулемётом,
Пушкой врагов убивали,
Со злостью бились, до пота,
Мы их сюда не звали.
Бой завершён. Стали,
Мимо смерть пронесло,
Мы её обыграли.
Сегодня нам повезло.
Победа далась недаром,
Жаль нам погибших ребят,
Охваченные пожаром,
Их танки в поле горят.
Пехоте тоже досталось,
К телу прижав автомат,
Многие, словно устали,
Ничком на жнивье лежат...
Шли мы сквозь боль и муки,
Много изрыли земли,
Для сыновей и внуков
Сделали всё что могли.

А ПАМЯТЬ ПРОШЛОЕ ХРАНИТ...

Посвящается учителям-фронтовикам

Через всю жизнь свою пронёс я в памяти
Деревню, окружённую тайгой,
В сугробах утонувший домик старенький,
Запорошённый снежной пургой.

И комнату с буржуйкой у стены,
Десяток парт, потрёпанную штору,
Плакат в честь окончания войны –
Любимую в глуши сибирской школу.

И первый, и второй, и третий класс –
В той комнате все вместе размещались,
А всё лишь потому, что было мало нас,
Отцы домой с войны не возвращались.

Под скрип пера, потрескиванье дров
Учитель нам заданье доводил,
А после ждал, ответить кто готов.
Хромая, меж рядами проходил.

Он раненым после войны вернулся –
Один из тех немногих, кто пришёл,
И в школьные дела немедля окунулся,
А мы его любили всей душой.

Он голоса не повышал и не сердился,
Когда ответа не могли мы дать,
С любим за парту рядышком садился
И начинал всё снова разъяснять.

Он научил нас азбуке и чтению,
Как правильно слова произносить,
Привил любовь нам к Пушкину, Есенину,
А главное, как Родину любить.

Средь нас авторитет большой имел
Не только потому, что был учитель,
Однажды в День Победы он надел
Весь в орденах полувоенный китель.

Для нас с тех пор дороже стал вдвойне,
Мы поняли, что он героем был
На той жестокой длительной войне,
Не прятался и жизни не щадил.

Давно уж нет ни школы, ни учителя,
И для деревни пробит смертный час,
Но иногда мне хочется мучительно
Хоть краем глаза заглянуть в тот класс.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Ночь опускается на землю,
Тайга под снегом мирно дремлет,

Сияет в звёздах небосвод,
Шагает к людям Новый год.
В лесу на ёлочке ветвистой
Зажглись снежинки, словно искры,
Снег серебрится под луной,
Танцует ветер озорной.
А на поляне старый год
Прощальный водит хоровод,
Звала на праздник детвора,
Но уходить ему пора.
Он честно отработал срок,
Пытался сделать всё что мог
И выдал множество идей,
Чтоб осчастливить всех людей.
Пора на отдых, он устал,
Новому году передал
Мешки со счастьем и добром,
Чтоб он раздал их в каждый дом.
Тот сразу к делу приступил,
Деду Морозу поручил
Всех одарить из тех мешков:
И хитрецов, и простаков.
Вы ждите, скоро непременно
Дед привезёт подарок ценный.
И не завидуйте друг другу,
Получит каждый по заслугам.

* * *

Жил человек, и вдруг его не стало,
Земля по крышке гроба застучала.
Народ толпится молча у могилы,
Рыдают близкие, от горя обессилев.
«Что испытать ему придётся на том свете?
В раю, возможно, родственников встретит,
Чтоб вместе в райских кущах прогуляться
Либо в аду за грех свой рассчитаться. —

Так каждый думал, стоя у могилы,
Взирая на священника уныло, –
Всё, что там будет, он уж точно знает,
Не зря же всем грехи здесь отпускает».
Последнюю молитву тот читает
И взгляды эти сердцем понимает.
И думает: «Ну что же им ответить,
Я ничего не знаю о том свете,
С ушедшими туда я не общался,
Назад ещё никто не возвращался».

ОТКРОВЕНИЕ

Воронья поднялась стая
И закрыла собой небо.
Подлецы свои сети ставят
И плетут про людей небыль.

Разгоню воронья стаю,
Чтобы солнце вновь засияло,
Подлецов замолчать заставлю,
Вырвав их ядовитое жало.

А затем распахну я душу
И раскину руки пошире,
Чтоб покрепче обнять и слушать
Всех обиженных в этом мире.

А они мне расскажут, как твари
Им пытались судьбу искалечить,
А затем в утешение ввали,
Повторяя: «Всё время излечит».

Но и сам я прекрасно знаю,
Что такая боль не проходит,
И душевные раны терзают
Все тебе отведённые годы.

Не могу вас ничем утешить,
Подлецов ждёт удел Иуды,
Но если даже их будут вешать,
Они жили и жить будут.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Я готов любому поклониться,
Кто Россию любит всей душой.
И с любым народом поделиться,
Малый тот народ или большой.
Щедрое народное наследство,
Как красив любимый мой язык!
На якутском говоришь ты с детства,
Я же с детства к русскому привык.
Наш язык – язык труда и света,
Он широк, и ясен, и велик,
Но готов уважить я соседа,
У него другой родной язык.
Жизнь идёт, слова опережая,
Сердце бьётся от избытка чувств,
Мысль свою на русском выражая,
У калмыков многому учусь.
Мы врагов всегда одолевали,
Тех, кто нас пытался покорить,
Все разнаязычные вставали,
Понимая, кто что говорит.
Наш союз – союз великих наций,
На просторах, в каждом уголке
Меж собой привыкших изъясняться
На великом русском языке.

* * *

*К 125-летию со дня рождения
Марины Цветаевой*

Звездой яркою на небесах сияя,
Поэзии на верность присягая,

Любви воспела негасимый свет,
А он ей душу озарил в ответ.

На берегу пустынном повстречала
Земной любви великое начало.
Эфрон, нашедший камень сердолик,
Навеки в сердце нежное проник.

И та любовь ей придавала силы,
Немало строк она ей посвятила,
Но революция в семнадцатом году
На ту любовь накликала беду.

Отшельником скиталась на чужбине,
В поэзии связав себя с рябиной,
Вдали от родины, забытой и чужой,
Рябиной горькою с трагической судьбой.

И встреча с родиной добра не принесла,
Она детей её и мужа отняла...
Уставши от мирских великих бед,
Решила: места на земле ей больше нет...

Могила поэтессы не известна.
Тропа к предполагаемому месту
Да одинокий в поле куст рябины,
Заветный куст Цветаевой Марины!

2017 г.

БАСНИ

НОВЫЕ ВОРОТА

Состарился чабан и ходит еле-еле,
Стал допускать огрехи в своём деле:
Овчарни запустил, кругом прорехи,
Болтаются ворота для потехи.
И через дыры те бараны разбежались,
В овчарне одни овцы лишь остались.
Угроза встала продолженью рода.
Отсутствуют бараны – нет приплода.
Так и погибла б ни за что отара,
Но во время ушёл чабан тот старый.
Хозяин новый, не жалея сил,
Все старые овчарни обновил.
Вычитывая долго в книгах что-то,
Он сделал новые чудесные ворота.
Те обладали неким волшебством:
Коль их баран откроет своим лбом,
Становится не только он сильнее,
Но на порядок вроде бы умнее.
Баранов по степи скорей собрал
И к тем воротам утром подогнал.
До вечера, до пота с ними бился,
Но результата так и не добился.
Уперлись в новые ворота и стоят –
Ни с места, ни вперёд и ни назад.
Пришлось ворота те ломать,
Приплод-то нужно получать.

С баранами прогресса не добьёшься,
Стараться будешь – только надорвёшься,
Всё новое для них всегда преграда,
Им всё равно – ворота иль ограда.

ОСЁЛ И ХРЮШКА

Всем не секрет: Осёл – трудяга,
Работой занят круглый год.
И в холод, и в жару, бедняга,
Он вечно впроголодь живёт.
Свинья ж – совсем наоборот,
Одно лишь знает: ест да пьёт,
Весь день на солнце загорает,
Лежит и жиром обрастает.
Однажды увидав Осла,
Беседу Хрюшка завела:
«Зачем, Осёл, ты жилы рвёшь
И вечно впроголодь живёшь?
Ты посмотри, забот не зная,
Душой и телом отдыхаю,
Хозяин чешет мне за ухом,
Ладонью хлопает по брюху».
Ответил ей Осёл, вздыхая:
«Видать, судьба моя такая,
До пота каждый день тружусь,
На что другое не гожусь.
Хоть мне и нечем восхищаться,
Зато живу я здесь лет двадцать,
На вас же глядя, точно знаю,
Тут каждый год – свинья другая».

У всех свиней судьба такая,
Они блаженствуют, не зная,
Осла спасает тяжкий труд,
Он будет жить, а их сожрут!

КАМЕНЬ И ЗМЕЯ

С времён далёких и поныне
Змея злонравною слыла...
Под камнем средь песков в пустыне
Она приют себе нашла.
От стужи по ночам холодным
Валун Змею ту укрывал,
По знойным временам, безводным –
От солнечных лучей спасал.
Однажды от жары иль ветра
Валун чуть-чуть в песке осел,
Сместившись на полсантиметра,
Он хвост Змее слегка задел.
Змея взметнулась, брызжет ядом:
«Ах ты, подлец! Как ты посмел?!
Не видишь, что лежу я рядом?!
Ты раздавить меня хотел?»
И позабыв, что этот камень
От стужи и жары спасал,
Стала хватать его зубами,
Произнося проклятий шквал.
В бессилье обломав все зубы
И расплескав по камню яд,
На нём свернулась она клубом,
Грозясь устроить сущий ад:
«Мы поменяемся местами,
Лежать хочу я наверху,
Буду покусывать зубами,
А может, превращу в труху».
Недолго месть та продолжалась,
Жара пустыню обожгла,
Змея на камне распласталась
И чёрту душу отдала.

ЧИЖ И СОВА

Чиж в клетке ночью на окне
Соловushкою заливался,
На всю округу в тишине
Он трели выводить старался.
Сова, однажды мимо пролетая,
Спросила: «Что за выдумка такая,
Ты днём молчишь, как истукан,
А ночью веселишься, словно пьян?»
Чиж песню прекратив, ответил:
«Однажды пел я днём и не заметил,
Как пойман человеком был
И в эту клетку сразу угодил.
Теперь гораздо стал умнее
Ловца я обмануть сумею.
Чтоб снова не попасться в сети,
Я ночью исполняю песни эти».
«Поздно, мой друг, пугаться сетки,
Тебя уже закрыли в клетку».
Сова, махнув крылом, сказала
И тут же, словно тень, пропала.

НЕОБДУМАННЫЙ СОВЕТ

Мужик весной поле пахал,
И Конь с трудом соху таскал.
Кобыла по лугам гуляла,
Коня на поле увидала.
Подходит и даёт совет:
«Тебя, Конь, знаю много лет,
С ярмом на шее и сохой,
Коль хочешь жизни ты другой,
Сейчас же откажись пахать,
А будет пахарь приставать,
Ты мужика разок-другой
Лягни по заднице ногой».

Конь внял совету Кобылицы
И ну лягаться и беситься.
Мужик понять никак не может,
Какая боль беднягу гложет?
Коня, святая простота,
Освободил из хомута,
А чтобы время не терять,
Решил Кобылу он поймать,
Что сделал без больших усилий,
И стал пахать уж на Кобыле.

Вот так Кобыла за совет
Пахала пашню много лет.

ВОЛК И КОЗА

Толодный Волк искал добычу,
В округе рыскал, как обычно.
Вдруг над обрывом увидел Козу,
Она щипала травку и лозу.
И видя, что обрыв не покорить,
Решил он ту Козу перехитрить:
«Зачем ты забралась на эти скалы?
Нет водооя и травы там очень мало,
Ты ненароком можешь оступиться,
Сорваться и о валуны разбиться.
Спускайся поскорей сюда в долину,
Не вижу ни одну кругом скотину,
Всё для тебя: и травы, и луга,
Я буду охранять твои рога».
Коза та прожила годов немало
И волчью хитрость сразу разгадала:
«Спасибо, Волк, за приглашенье,
Понятно мне твоё стремленье.

Уж коли ты предложил мне траву,
Спустившись, я и час не проживу».

Не все на хитрость поддаются,
Порою в дураках и волки остаются.

ЛЕВ И ОБЕЗЬЯНА

В ловушку Лев однажды угодил,
За ланью гнался, в яму провалился,
Пытался выбраться, потратил много сил,
Всё бесполезно, как бы он ни бился.
Над той ловушкой дерево росло,
И Обезьяна на сучке сидела,
На Льва она давно таила зло
И радостно над ямой загалдела:
«Ну наконец, допрыгался, урод,
Недолго проживёшь ты в этой яме,
Охотник с тебя шкуру-то сдерёт,
И будут все топтать её ногами».
Вопила, рожи строила она,
Чего бояться: в яму Лев свалился.
Хотелось душу отвести сполна,
Но вдруг сучок под нею обломился –
Свалилась Обезьяна в лапы Льву.
Пришлось, пока летела, измениться:
«Люблю тебя я, Лев, сколько живу,
Сюда свалилась, чтобы извиниться!»

СТРОПТИВАЯ ЛОШАДЬ

Купил садовник Лошадь на базаре,
Чтобы в саду работать с нею в паре.
Но Лошадь та была очень строптива
И возмущалась, встряхивая гривой:
«Нелёгкая в саду твоём работа,
И кормишь меня слишком плохо что-то,

Работать впроголодь совсем я не готова,
Веди меня скорей на рынок снова».
Отправился садовник на базар
И сбыл он поскорее свой товар.
К горшечнику кобыла та попала.
Работы тьма! Вновь возмущаться стала:
«Нет, у тебя работать не хочу,
Болею я, веди меня к врачу».
Горшечник лысину рукою почесал,
Кобылу ту кожевнику продал.
Она же шкуры на заборе увидала
И взвыла: «Горе мне, как видно, я пропала,
Лучше б в саду трудилась день и ночь,
Да и горшки возить теперь бы я не прочь».
Молила так, да поздновато было,
Строптивою была – пошла на мыло!

ОВЦЫ И СВИНЬЯ

Одна Свинья паслась в овечьем стаде,
И жили они все в одной ограде.
Пастух в то стадо часто приходил,
По очереди, по одной овец ловил.
Всё для того, чтобы подстричь бока
Иль надоить для сыра молока.
Овцы к такому обращению привыкали,
Свои обязанности молча выполняли.
Однажды за ногу пастух Свинью схватил,
Стала она визжать что было сил,
А овцы меж собою рассуждали:
«Нас тоже он ловил, но мы молчали,
Всё отдавали: шерсть и молоко,
Без шерсти становилось нам легко».
На что Свинья сквозь слёзы отвечала:
«С меня-то ему нужно мясо с салом».
Глупые овцы так и не поняли,
Коль не было б Свиньи – они б в котёл попали.

ЛОШАДЬ И ОСЁЛ

Осёл и Лошадь по дороге вместе шли,
Тяжёлый груз вдвоём они несли,
Тут неожиданно Осёл стал уставать,
Немного груза попросил Лошадь забрать.
Но Лошадь та строптивою была
И даже не взглянула на Осла.
А он ещё немного протащился,
Вздыхнул разок и замертво свалился.
Груз с мёртвого осла погонщик снял
И Лошади на спину привязал.
Теперь она кряхтела и стонала,
Свою строптивость в мыслях проклинала:
«Ах, если б я послушалась осла
И часть бы его ноши забрала,
Не изнывала бы под тяжестью такой
Да и Осёл остался бы живой».

Правдива басня, как всегда, мудра,
Строптивость не доводит до добра,
Коль Лошадь та упрямой не была,
Она б двойную тяжесть не несла.

СОРОКА И ЛИСА

Голодная Лиса по лесу рыщет,
Чем голод утолить плутовка ищет.
Глядит, на дереве Сорока притаилась.
Лиса под деревом тотчас расположилась,
Решила хитростью свой голод утолить:
«Голубушка, теперь все вместе будем жить,
Спускайся поскорей, по лесу погуляем
И в салочки иль в прятки поиграем.
Бояться нечего, объявлен всем указ,
С сего дня мир главенствует у нас».
«Ну, слава богу, – ей Сорока отвечает, –
А то я слышу, что собаки где-то лают.

Коль без указа – тебе б нужно уходить,
Ну раз теперь уж вместе будем жить,
Бояться нечего, сюда они бегут,
С тобою в прятки поиграют, видно, тут».
Лиса – бежать, прищунив хитрый глаз.
«Куда же ты, Лиса? Ведь вышел же указ!»
Но та – ещё быстрее, лишь лапы замелькали.
«А вдруг собаки те указа не читали!» –
Лиса ответила и скрылась поскорей.
Сорока та лисы была хитрей.

ПОГОСТИЛА!

Однажды мышка полевая,
Хвостом приветливо махая,
С домашней встретилась в упор,
Возник меж ними разговор.
«Вижу, живёшь совсем ты плохо,
По полю собираешь крохи,
Худа, от голода дрожишь, –
домашняя сказала мышь. –
Ты посмотри-ка на меня,
Такого не бывало дня,
Чтоб я колбаски не достала
Или без сыру голодала.
В гости ко мне сейчас пойдём
И попируем за столом.
А после, утоливши голод,
Совсем переберёшься в город».
Пришли, на стол они забрались,
У гостыи глазки разбежались,
Куда б ни обратилась взором –
Везде объедков лежат горы...
Вдруг резко закачался стол,
Хозяин в комнату вошёл
И сразу же что было сил
В мышей ботинок запустил.

Затем руками стал ловить,
Чтобы коту после скормить.
Кой-как в нору они сбежали
И долго, сидя там, дрожали.
«Ну нет, всё это страшно слишком, –
Сказала полевая мышка. –
Уж лучше не всегда быть сытой,
Чем под столом лежать убитой».
Сказавши так, свой хвост поджала,
В родное поле убежала.

КОЗЁЛ И ЛИСИЦА

Однажды в колодец свалилась Лисица,
Козёл подошёл, чтоб водицы напиться.
Увидел лису, над колодцем склонился,
И рядышком с ней в один миг очутился.
Напившись воды, огляделся кругом:
«Что делать, Лиса? Мы теперь пропадём?»
Но та поспешила козла успокоить:
«Мы выход найдём, волноваться не стоит,
На стенку ногами сейчас обопрись,
Копытами задними в днище упрись,
А я по спине, а потом по рогам
Полезу на выход и вмиг буду там.
А после за хвост ты ухватишься мой,
Тебя подниму, и пойдёшь ты домой».
Всё сделали так, как Лисица сказала,
Вот только она от Козла убежала.
Сидит он в колодце, трясёт бородой
И вслух рассуждает: «Какой я тупой,
Твердят все в округе уж множество лет:
Хитрее лисицы в лесу зверя нет,
А я ей доверился, глупый козёл.
О боже! Зачем я к колодцу пришёл?»
Читатель, давай же козла пожалеем,
Поможем колодец покинуть скорее.
Я думаю, станет теперь он умнее,
Не будет лисе подставлять свою шею.

СОБАЧКА И ОСЁЛ

Один человек, проживая в деревне,
Собачку имел и осла.
Собачка пушистая, божье творенье,
Любимицей в доме была.
С хозяином рядом лежала на койке,
Кормилась с его же руки.
За это умела принять она стойку,
Спасала его от тоски.
Осёл, видя это, решил отличиться,
К хозяину в дом забежал.
Забрался на стол и, сумев изловчиться,
Он стойку собачью принял.
Не выдержал стол и под ним развалился,
Бедняга свалился на пол.
Хозяин опешил, затем рассердился:
«С ума ты, скотина, сошёл?»
И вместо ослом ожидаемой ласки
За стойку, что он показал,
Хозяин задал ему крепкую встряску,
Чтоб место своё каждый знал.

Уж если осёл ты, ешь в стойле солому,
Таков твой ослиный удел.
Собачки ручные живут по-другому,
Хозяин твой так захотел!

МЫШИНЫЙ СОВЕТ

Собрались мыши на совет:
«Нам от кота спасенья нет,
Что делать дальше, мы не знаем,
Он каждый день двух-трёх съедает».
Шумели и кричали долго,
Всё бесполезно, всё без толка.
Но вдруг мышонок прибежал
И деловой совет всем дал:

«Беда вся в том, что мы не слышим,
Как кот крадётся к норке мыши,
И чтобы прежде это знать,
Должны коту мы привязать
На шею звонкий бубенец,
Наступит бедам всем конец».
Тут радостно все загалдели,
Мышонка наградить хотели.
Но мышь постарше вдруг сказала:
«Совет хорош, да толку мало,
Чтоб бубенец тот привязать,
Нужно мышам кота поймать.
Из вас кто справится с котом?
Прошу голосовать хвостом!»
Но все от страха задрожали
И под себя хвосты поджали.
Мышонок, что совет давал,
Первым в подполье убежал.

Советы прежде чем давать,
Подумай, как их исполнять.

ЛЕВ И ВОЛК

Однажды Волк овцу украл
У бедняка, тот причитал:
«Я для себя её растил,
Трудился из последних сил,
Чтоб накормить своих детей,
Верни овечку мне скорей».
Но Волк лишь прорычал в ответ:
«До слёз твоих мне дела нет,
Меня в лесу ждёт волчья стая,
И там волчата голодают».
И с этой краденой овцою
Он к лесу двинулся трускою.

Но только в чашу забежал,
Лев тут же на него напал.
Помяв все рёбра подлецу,
Отнял у Волка он овцу.
Побитый Волк сквозь зубы хнычет:
«Нечестно отнял ты добычу,
Я столько силы положил,
С большим трудом её добыл».
На что ему Лев отвечает:
«Как ты добыл её, я знаю.
О какой чести ты бормочешь?
Ещё сказать, наверно, хочешь,
Что с бедняком друзьями были
И ту овцу вместе растили.
Меня разжалобить хотел?
Иди отсюда, пока цел!»

Друзья, нередко так бывает:
Кто трудится, тот голодает.
Кто ж обобрать его посмел,
Тот сам остался чудом цел.
Таков разбойничий удел:
Кто сильный – тот овечку съел.

ВОРОНА, ВОЗОМНИВШАЯ СЕБЯ ОРЛОМ

Орёл ягнёнка из отары утащил,
Имел для этого достаточно он сил.
И, позавидовав орлу, ворона вдруг решила,
Что у неё на это тоже хватит силы.
Когтями в шерсть овце вцепилась,
Поднять же не могла, сколько ни билась,
Хотела бросить, когти отцепила,
Пыталась улететь – не тут-то было.
Запуталась совсем она в шерсти,
Хотя бы собственную шкуру ей спасти,

Подёргалась и выбилась из сил,
Пастух её поймал и в клетку посадил.
Ворона – вся в пуху, её и не узнать,
Сын пастуха спросил: «Как птицу эту звать?»
Отец его в затылке почесал,
Подумал, улыбнулся и сказал:
«Вороною всю жизнь она была,
Но убедить сама себя смогла
И думает, ей верят все кругом,
Что стала она царственным орлом».

Друзья, поверьте мне, всегда в миру так было,
То, что дано орлу – вороне не под силу!

ЗВЕЗДОЧЁТ

Смотрел на звёзды ночью звездочёт,
Созвездьям наводил он всем учёт.
В Большой Медведице все звёзды посчитал,
И в Малой, сколько их, он точно знал.
А наблюдая за созвездием Персея,
Увидел, как к Земле летит Галлея,
Комета с белым ледяным хвостом.
«Недолго, видно, все мы проживём, –
с тревогою подумал звездочёт, –
Планету нашу та Галлея разнесёт».
И с этой мыслью озирая небосвод,
Он кинулся спасать честной народ.
Не глядя под ноги бежал что было сил,
В колодец звездочёт тот угодил.
Но не случилось с ним большой беды,
В колодце этом не было воды.
Комета же та мимо пролетела,
На сей раз Землю, видно, пожалела.
В колодце звездочёта осенило:
«Была бы тут вода, совсем мне худо б было».
И для себя решил теперь он: «Впредь
Не только в небо, но и под ноги смотреть».

КОНЬ И ОСЁЛ

Ослу однажды повстречался Конь,
Закован был он в латы боевые,
Сверкали латы те словно огонь,
В узде сияли бляхи золотые.
Такой же бравый всадник на Коне,
В седле удобном сидя, красовался:
Базука за спиною на ремне,
И вымпел рыцарский по ветру развивался.
Увидев блеск такой, Осёл оторопел,
Завистливо к Коню он обратился:
«Мне расскажи, как ты разбогател
И роскоши такой как ты добился?
Я день и ночь тружусь в этих полях,
Поклажу непосильную таскаю,
Богатство всё – ярмо лишь на плечах,
И клоч соломы на ночь получаю».
Ответил Конь: «Иди, Осёл, за мной,
Поможешь выполнить мне ратную работу,
Нас ждут враги за полем, под горой,
Бой предстоит до крови и до поту.
Останешься живой – трофеи соберёшь,
Тогда уж точно вмиг разбогатеешь,
А коль не повезёт, на поле том умрёшь,
Враги сдерут ярмо с твоей ослиной шеи».
Не отличался храбростью Осёл
И от того богатства отказался,
С Конём на поле брани не пошёл,
С соломой и ярмом своим остался.

Мораль у этой басни не проста:
Мне жаль осла с его ярмом на шее.
И бранная печальна суета,
Коня, хоть он богат, я тоже пожалею.

ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Пришёл Олень к реке воды напиться,
И стоило ему лишь наклониться,
Своё в воде увидел отраженье,
Возникли в голове его сомненья:
«Какие у меня красивые рога».
Но возмутился собственным ногам:
«Какие они тощие, кривые,
Рога-то хороши, да ноги вот плохие».
Пока так рассуждал, тут Лев вдруг появился,
Олень в бега немедленно пустился,
Несутся его ноги, не догнать,
Рога же в сучьях стали застревать,
Бежать мешают. Выбился из сил.
И Лев беднягу скоро завалил.
Олень же перед смертью думал так:
«Какой же оказался я дурак,
Ноги ругал, они резво бежали,
Хвалил рога, они мне помешали».
Мысль эта, несомненно, дорога,
Пришла бы раньше – обломал себе рога.

КАК ЁЖИК ПРЕВРАТИЛСЯ В КОЛОБКА

Случилось Ёжику заведующим быть
В одном лесном зверином клубе,
И рад он был культуре послужить,
Да вот беда – ходил в колючей шубе.
Открыт был клуб до вечера с утра,
Работали в нём классные артисты –
На выдумки большие мастера,
Достойные похвал специалисты.
Авторитет среди зверей большой,
Дипломы, кубки, никакой халтуры,
Но не любила их Волчица всей душой,
Была в лесу она начальником культуры.
Иной раз цапнула б зверюга Ежа в бок,
Да больно шуба у него колюча,

Волчата пробовали вырвать с шубы клоч,
Но Ёж всегда оказывался круче.
Вот почему Волчица никогда
Клубу достойных мест не выделяла,
И славу, что имел тот клуб всегда,
Завистливо совсем не замечала.
Но вот однажды Лев явился в лес,
Глава всему, и свита с ним большая.
Чёрт дёрнул Ёжика, он с жалобой полез
На то, что его клуб не замечают.
А жалобу ту Львица приняла,
Пообещала, что с Волчицей разберётся,
Хвалила Ёжика за прошлые дела
И что сейчас ему всё удаётся.
Недолго результата Ёжик ждал,
На третий день развязка наступила,
Волчица подготовила финал
И в логово культурно пригласила.
И выдала все почести сполна,
Под её лапами в конвульсиях он бился,
Колочки выдрала из шубы все она.
И в колобка наш Ёжик превратился.

Хотелось бы Ежам мне дать совет:
Не нужно головой об стенку биться
И оговаривать Волчицу, проку нет,
В одной конторе служат они с Львицей.

2008 г.

ЖЕРТВЫ ИМПИЧМЕНТА

В одной стране всё процветало,
Питья, еды зверям хватало.
Все дружно жили меж собой,
Здесь каждый зверь ценил покой.
Одна печаль всех волновала:
Соседний край беды немало

Зверям смиренным приносил,
Боролись с ним по мере сил.
В краю том вредном правил Лев
И часто скалил злобный зев
На сопредельную страну,
Призвав на помощь сатану.
Вдруг по миру прошла молва:
Импичмент ожидает Льва,
А претендентом на тот трон
Намечен Африканский Слон.
В мирной стране все ликовали,
Слону победы пожелали
В надежде, что при новой власти
Затихнут, наконец, все страсти.
Глупцы – уже ль они не знали:
Шакалы Львом тем управляли,
И та же участь ждёт Слона,
Политика для всех одна.
И под напором злых шакалов,
Покою в тех краях не стало,
Слон всюду хобот свой совал,
Всем свою волю диктовал.

Тот, кто импичмент затевает,
Он не за мир, друзья, страдает,
В него давно вселились бесы,
Свои в том ищет интересы.

О ВЗЯТКЕ...

Иск на крестьянина помещик в суд подал,
Из-за куска земли произошёл скандал,
Сажал крестьянин по весне картошку
И захватил чужой земли немножко,
Помещичьей, ну, может, пол-аршина.
Тот сразу в суд, мол, разорил детина.
Вот судный день, как водится, настал,
Перед судом крестьянин наш предстал.

Заранее помещик веселится,
Ему судейские давно знакомы лица.
Подкинув взятку им в суму,
Не одного отправил он в тюрьму.
Крестьянин был не робкого десятка
И, не имея средств на взятку,
Кирпич в тряпицу завернул,
Себе за пазуху заткнул.
И думает: «Не радуйтесь, друзья,
Заранее вы веселитесь зря,
Коли к тюрьме меня приговорят,
Огрею кирпичом я всех подряд».
Процесс – к концу, читают приговор,
На подсудимого судья направил взор.
Крестьянин камень из-за пазухи достал
И показал судье, чтоб участь свою знал.
А тот иначе всё растолковал:
«Он золота кусок мне показал!»
И тут же приговор был изменён,
Крестьянин от тюрьмы освобождён.
Помещик возмущён – рычит как зверь.
Крестьянин свёрток бросил – и за дверь.
На свёрток вороном судья тот налетел,
В портфель засунуть поскорей его хотел.
Тряпицу развернул, а там кирпич,
Глаза от злобы вылупил, как сыч,
Рванулся за крестьянином за дверь,
Представить трудно, что с ним сделает теперь.

Вы не трудитесь это представлять,
Не повернуть процесс судебный вспять.
Мы знаем, что крестьянин наш не вор,
Таков был вынесен судебный приговор.
А что касается помещика с судьёй,
Могли бы поплатиться головой,
Спасли их головы судейские догадки –
В тряпицах всех он видел взятки.

САТИРА И ЮМОР

КОШКА

Неважно, какого цвета кошка
У Петрова, соседа по даче,
Случилась беда, не иначе.
Ходит он хмурый, как туча,
Да и соседка не лучше.
Я обратился к Петрову:
«То ль вы с женой не здоровы?
Может, помочь чем-то нужно?
Сделаем вместе всё дружно».
Хмурый Петров мне ответил:
«День потому мой не светел,
Мыши совсем нас заели,
Лезут они во все щели».
«Эта беда небольшая.
Кошку купите, кота ли, –
Я предлагаю Петрову, –
Будете сразу здоровы».
Он же, немного подумав,
Мне отвечает угрюмо:
«Тут вот проблема какая,
Дачу себе покупая,
Мы к экстрасенсу ходили,
Определить попросили,
Кошку какую на дачу,
Чтоб нам светила удача,
Лучше купить на базаре.
Был экстрасенс тот в ударе,

С потустороннею силой
Нам свой вердикт выносил он:
«Кошка должна быть заморской,
С серою гладкою шёрсткой
И с голубыми глазами –
Всё хорошо будет с вами».
Денег мы много отдали,
Кошку такую достали,
Но, видно, там, за границей,
Кошки не любят трудиться
Или, всего же скорей,
Русских не любят мышей».
Понял беду я соседа,
Завтра на рынок поеду,
Русскую нашу, родную,
В общем-то недорогую
Выберу я ему кошку,
Пусть простовата немножко,
Без заграничных затей,
Но зато ловит мышей.

ВАУЧЕР

(Полная версия)

В одной стране сменился президент.
Призвал к себе министров, приказал:
«В кратчайший срок готовьте документ,
В нём каждый житель твёрдо чтобы знал,
Что совладельцем он является казны,
Земных ресурсов и промышленности всей.
Что в нашем государстве все важны.
Мы обеспечим взрослых и детей».
Один министр необычно умным был,
А может, хитрый, рыжий потому,
Раздать народу он бумажки предложил
С названием «ваучер», известным лишь ему.

И тут же весть страну всю облетела,
Что заживут все люди, как в раю,
И тот, кто трудится и кто сидит без дела,
Машину «Волга» будут все иметь свою.
Проходит время, что-то не сложилось,
Машин не видно, и завод уже стоит,
И чтоб задуманное дело прояснилось,
Министров президент позвать велит:
«Ответьте мне, в стране что происходит?
Вы обеспечили народу все паи?»
К трибуне Рыжий Ваучер подходит
(Его такою кличкой нарекли):
«Наш президент, расчёты подкачали,
На всех нам не достаточно машин,
По министерствам все их разобрали.
Остался на заводе хлам один.
Но мы нашли из затруднений выход,
Наш ваучер сумели мы спасти,
Всем на ухо шепнули очень тихо:
«Кто чем владеет, может унести».
Крестьяне разобрали сразу вилы,
Лопаты и литовки со складов.
С крестьян банкиры вытянули жилы,
Забрали трактора и всех коров.
Рабочим раздают из цеха гайки,
Иным достались шайбы и болты,
Сложили они всё в карман фуфайки
И двинулись домой без суеты.
А олигархи, что к Москве поближе,
Заводы, фабрики и шахты замели,
Казну, другого выхода не вижу,
Себе за ваучеры мы приобрели.
А тот, кому товару не хватило,
Свой ваучер на водку променял
И собутыльнику начистил после рыло
Со злости, что богатым он не стал.

Шахтёрам угодить было непросто,
Хотели уголь всем на ваучер раздать.
Они в Москве расселись все у моста,
Забастовали, стали касками стучать.
Но, думаю, не стоит волноваться,
Наобещали им, ведь нам не привыкать.
Не могут горняки без дела шляться,
Поверят, будут уголь добывать».
Министры облегчённо все вздохнули,
Доволен всем остался президент,
В стране большое дело провернули,
Велик тот исторический момент.

Читатель, комментарии излишни,
Всё это было не во сне, а наяву.
Известно всем, из этого что вышло.
Я с вами в этом времени живу.

1995 г.

ПАНЕГИРИК ПРЕЗИДЕНТУ

В двухтысячном году случилось чудо,
Запомним исторический момент,
Очнулся, наконец, в Кремле Иуда,
А мы-то думали, что наш он президент.
Очнулся и отрёкся от престола,
Как видно, протрезвел уж наконец.
Оставил свой народ босым и голым,
Всем подлецам он был родной отец.
Страна моя! Что ты переживала:
Разруху, голод, грабежи, разбой,
А он гулял, нажравшись до отвала,
И издевался над своей страной.
Свиrepствовала стая обезьян,
Ему с родни по крови и натуре,
Стяжали всё в бездонный свой карман,
Ломая все устои и халтура.

Позорил он страну за рубежом:
Частушки пел и ложкой барабанил.
Прославился бесстыдным кутежом,
У Била место скомороха занял.
Теперь его сторонники в эфире,
Те, что страну успели растащить,
Очередной ему готовят панегирик,
Пытаясь этот ужас обелить.
Мол, демократом был непревзойдённым,
С Европой и Америкой дружил.
Борцом за мир являлся прирождённым,
Вообще трудился, не жалея своих сил.
И я ему, конечно, благодарен
За то, что наконец сообразил,
Додумался, что глуп он и бездарен,
И президентский пост освободил.

2000 г.

ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ

Два адвоката встретились случайно,
Возник душевный между ними разговор,
Как защищали обвиняемых отчаянно,
Насколько удалось им снизить приговор.
Один сказал: «Вот случай интересный
Произошёл в одном нашем краю,
Их бывший губернатор, плут известный,
Казну бюджета принял за свою.
Был убеждён – он многого достоин,
Вдруг захотелось жить в земном раю,
Чудесные дворцы себе построил,
Таких не видели в том северном краю.
А к ним дороги – лучшие в России,
Умеют делать, если денег не считать,
А для людей убогие – такие,
Что танки на них можно поломать.

И видя, что никто не замечает
Разгул его фантазий и страстей,
Предела губернатор тот не знает
И с каждым днём становится наглей.
Но наконец-то власти спохватились
И прокурорский перст его достал,
Но, видно, поздно все засуетились,
Он краевой бюджет весь промотал.
Теперь в столице, в камере «томится»,
В ней разместили временно пока,
Он возмущён, ему там плохо спится,
Не хочет есть цыплёнка-табака.
Мы же, коллегия известных адвокатов,
С него решили обвинения те снять,
Настолько подсудимый тот богатый,
Любого может прокурора поломать.
Я думаю, мы своего добьёмся,
Предложит прокурор ему лет пять,
За его деньги в доску разобьёмся,
Условно будет срок он отбывать!»
Растерянно коллега облизнулся
И, не скрывая зависти, сказал:
«А мне паршивый случай подвернулся,
Мой подзащитный денег мне не дал.
Назначили меня вести защиту
Крестьянина из дальнего села.
Хомут украл он, был за то избитый,
Иск на него соседка подала.
Ты знаешь сам, закон мы соблюдаем,
Иск подан, нужно меры принимать,
Статью с прокуратурой подбираем:
За тот хомут сидеть ему лет пять.
Старался я скостить ему полгода,
Но прокурор все доводы отмёл,
Нет алиби у этого урода,
На оправданье денег не нашёл.

И в назиданье вору и бандиту
Пять лет вкатили строгих лагерей.
Коль не имеешь денег на защиту,
Хомут соседский воровать не смей.

Такое вот сейчас в стране творится,
Хапуг у власти много развелось.
Страну ограбив, могут откупиться
И радуются – всё им удалось.
И если ты крестьянин иль рабочий,
Статьи закона должен соблюдать,
Не зря же Дума день и ночь хлопочет,
Ты с губернатором не смей себя ровнять.

2015 г.

АНДРЕЮ МАЛАХОВУ И СТУДИИ «ПУСТЬ ГОВОРЯТ»

«Пусть говорят», – сказал Андрей Малахов
И в студию всех сплетников собрал.
Вот депутат, на теле рвёт рубаху,
Он округ свой недавно объезжал.
И там в селе узнал несправедливость,
Алкашка местная с тремя сразу жила,
Обидела его та похотливость,
На суд общественности вынес он дела.
И студия ревёт: «Ах ты шалава!
Не знаешь, от кого ты родила.
На всю страну пойдёт дурная слава.
Да как же опуститься так могла?!»
«Спокойно, все! – Андрей руками машет. –
Блудницу обсуждаете пока,
Мы выясним сейчас: кто же папаша,
Лаборатория нам выдаст дээнка».
А женщины до пота все устали,
Алкашку удалось им вразумить,
А про себя завистливо мечтали:
«С тремя-то, видно, интересно жить».

НАПРАСНЫЙ ТРУД

Однажды пьяницу решили излечить,
Чтоб от недуга страшного избавить,
Мудрейшим велено то дело поручить
И способ верный без сомнения представить.
Ломали долго голову врачи,
Таблетки предлагали и микстуры,
Пытались клизмами глубокими лечить,
Пульс измеряли и температуру.
Всё тщетно, нету сладу с алкашом,
Таблетки пьёт и клизмы принимает,
Всё пропил, нет копейки за душой,
Микстуры самогоном запивает.
Тут мудрецы советуют врачам:
«Вы ему женщину красивую найдите,
Такую, чтоб не спал он по ночам,
Её прекрасным телом соблазните».
За этим дело долго не стоит,
Красавицу нашли, уговорили,
Придали соблазнительный ей вид
И к пьянице в палату запустили.
Подглядывают в щёлку мудрецы:
«Ну наконец-то, вроде получилось».
«Спасибо вам, спасители, отцы, –
Счастьем лицо у пациента озарилось, –
Красавица, я жду тебя давно
И без тебя испытываю муки,
Ты мне в стакан налей скорей вино,
Сам не могу, трясутся мои руки».

ПРО ДЯДЮ СЭМА

Есть в океане Тихом Штаты,
Под флагом звёздно-полосатым.
Там развелось акул немало,
Щук зубастых много стало.

А их хозяин дядя Сэм,
С ума свихнувшийся совсем,
Решил тех хищников зубатых
Оформить в армию в солдаты
И разослать по всем морям,
Чтоб подчинить себе всех там.
Расположились они вскоре
В богатом Средиземном море,
Там «демократию» творят,
Смерть сеют и разбой чинят.
И распоясались совсем,
Приказ тут шлёт им дядя Сэм:
«Я мыслю, что должны вы вскоре
Все в Чёрное проникнуть море
И разогнать не только рыбу,
Но русских медведей на дыбу
Должны доставить поскорей,
В мире опасней нет зверей».
Вполне понятно хищным всем,
Что приказал им дядя Сэм.
Рванулись к Крымским берегам
В надежде, что не ждут их там,
И устремились к маяку,
Но там все были начеку.
У щук во рту ерши застряли,
Всю пасть колючками порвали.
Медведи же без суеты,
Акулам поломав хребты,
Вновь стерегут свои границы,
Не пролетит там даже птица.
А что же старый дядя Сэм?
На мир обидевшись совсем,
Он вновь акул и щук разводит,
Всем мстить пытается как вроде,
Махнуть бы на него рукой,
Но дорог нам страны покой.

Так хочется, чтоб жили дружно
И мирно, это всем нам нужно,
Но вот беда, злой дядя Сэм
О том не думает совсем.

2015 г.

С ДНЁМ РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ

Концы с концами сводим еле-еле,
Гуляют олигархи в Куршавеле,
Пока мы с вами пели и плясали,
Они нашу страну обворовали.

Вновь объявили санкции вчера,
Исчезла в ресторанах фуагра,
Все господа в истерике рыдали,
Мы ж в это время пели, танцевали.

И ко всему – вдруг нефть подешевела,
Казна, как балерина, похудела,
Дома культуры наши обветшали,
Но нам и раньше денег не давали.

Наша культура пляшет и поёт,
Но жить спокойно НАТО не даёт,
Свою пытается нам волю навязать,
Под её дудку петь и танцевать.

На Крым Обама губы раскатал,
Но Путин ту афёру разгадал,
Пока «Майдан» вершил переворот,
С Россией Крым и пляшет, и поёт.

Событий можно много описать,
Но наше дело – петь и танцевать,
С душою, вдохновенно, без халтуры.
Примите поздравленья с Днём культуры!

* * *

Обидно мне, что я не первый
В толпе огромной стою за справкой,
А были б деньги, и я, наверно,
Купил бы справку себе с доставкой!

* * *

Мелькают быстро леса и пустошь,
И ось планеты перевернулась,
В высоком темпе забралась шустро
Луна на небо и ужаснулась:
От ветра солнце в реку упало,
Спешить не нужно куда попало!

ПЕЧАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

В две тысячи пятнадцатом году,
В июне, двадцать первого числа,
С другими новостями наряду
Программа весть плохую принесла.
Мол, у Чубайса снизились доходы,
Полмиллиона в день стал получать
И с грустью вспоминал былые годы,
Когда валюту было некуда девать.
Тогда он управлял энергоблоком,
Энергией снабжал нашу страну,
Но это управление вышло боком,
Электростанцию сгубил, и не одну.
Убытки понесла страна большие,
И прокурор Чубайсу пригрозил,
Но правосудье всё же не свершилось.
Он ускользнул и деньги прихватил.
А тут в науке совершилось чудо:
Один учёный муху подковал,
Затем блоху на шее у верблюда,
Всё нанотехнологией назвал.

И сразу же Чубайс нам пригодился –
Создатель ваучера, прошлого гроза.
Он в этом институте поселился,
Не привыкать пускать нам пыль в глаза.
Но тут, как видно, Толик просчитался,
Невидимое утащить нельзя никак.
Не мог нажиться, как он ни старался,
Попал с той технологией впросак.
И вдруг сообщенье – дикторы рыдают,
Несут с телеэкрана чушь и бред:
«Спасите, люди, Толик голодает,
Чёрной икры не дали на обед!»
А наш народ зло быстро забывает,
Из жалости готов он всё отдать,
Поэтому нередко и страдает.
Использует то чувство всякий тать*.
Пенсионеры все и инвалиды,
Достав последние гроши, что припасли,
На прошлые махнув рукой обиды,
Сложились и Чубайсу отнесли.

Я был бы рад, коль ложью это было
Иль авторскою выдумка была,
Но, зуб даю, сообщенье поступило,
Июня двадцать первого числа.
Все дикторы тревогу проявили
О том, что олигарх плохо живёт.
Плевать ему на них, чего заголосили,
Радели б они лучше за народ.

2015 г.

* Тать – вор, разбойник.

ГАРДЕРОБЩИК У ПОРТРЕТА АКТРИСЫ

Я замер у портрета на стене:
«Ваши глаза меня остановили,
Алые губы сердце покорили,
Признаться должен, нравитесь вы мне.

Предстали на портрете вы другой.
Мы с вами были рядом постоянно,
Ваш образ поразил меня неожиданно,
Видно, надолго потеряю я покой».

Вдруг в зеркале увидел облик свой:
Седые волосы мочалкой растрепались,
И по лицу морщины разметались.
«Иди уж, старый ловелас, домой».

ГЕННАДИЮ МАЛАХОВУ, ЭСКУЛАПУ, НАРОДНОМУ ЦЕЛИТЕЛЮ...

Коль мешает тебе грыжа
Иль замучил геморрой,
Приходи. Коль хочешь выжить,
Ждёт Геннадий, наш герой.
Он без всяких операций
Грыжу может излечить:
«Вам настойку из акаций
В день три раза нужно пить.
С геморроем нет вам мочи,
Не волнуйтесь вы всерьёз.
Он исчезнет, если ночью
Задом сядете в навоз».
Эскулапа попросили
Дать рекламу, коль не лень,
Гелем «Лошадиной силой»
Трёт суставы каждый день.
У него они в порядке,
Кучу денег получил.

Вы ж бегите без оглядки,
Вас пока не разорил.
Вот Геннадий, словно бляха,
Виден ночью он и днём.
Милый дедушка Малахов,
Двести лет с ним проживём.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Однажды билет лотерейный купил
На почте в селе – сто рублей заплатил.
В субботу был розыгрыш, в восемь часов,
Не спал и к утру я к нему был готов.
Билет извлекаю взволнованно я,
В немом ожиданье расселась семья.
Держу карандаш – очень сильно вспотел,
Квартиру в Москве на халяву хотел.
Мелькают один за другим номера,
Заканчивать розыгрыш скоро пора.
Но нет ни квартиры, ни дачных домов,
От злости расплакаться был я готов.
И вдруг повезло мне, в восторге семья,
Сто тридцать рублей всё же выиграл я.
На радостях быстро из кресла вскочил,
Любимую вазу свалил и разбил.
Китайский фарфор – всё теперь нипочём.
Сказала жена: «Не жалею ни о чём,
Осколки смету, дай билет поскорей,
Пойду получу я сто тридцать рублей».
Я очень доволен: «Как мне повезло,
Совпали все цифры соседям назло».

КОГДА ЖЕ?..

Чёрт, пролетая над Россией,
Мешок заплечный уронил.
С ним долго в небе колесил он
Да, видно, выбился из сил.

К земле мешок тот устремился,
В Москве упал в красивый дом
И прямо в урну приземлился,
Попал в Российский избирком.
В тот день как раз голосовали,
Играл на улицах оркестр.
Губернских глав все выбирали,
Свободных не хватало мест.
А в том мешке зашевелились,
Кто-то шнурок в нём развязал,
На свет субъекты появились,
Никто их раньше не видал.
Все как один – два метра ростом,
Сажень раскосая в плечах,
Сошли с одной колодки просто,
Каждый с программой на устах.
И заявили: «Мы готовы
Судьбу в губерниях решать,
Дела такие нам не новы.
За нас должны голосовать!»
И тут же чёрт во всё вмешался,
Не зря же тот мешок таскал,
Любой, кто в выборы ввязался,
Тотчас за них голосовал.
Ну что тут скажешь, всех избрали:
«Творите добрые дела».
Но только пост они приняли, Их
чертовщина понесла. В бюджетах
деньги вдруг пропали, У тех, кто
выпал из мешка, Те деньги долго
все искали, Не обнаружили пока...
Кругом дороги все разбиты,
Ветшает в городах жильё,
В их экономике – убыток,
В администрациях – жульё.

И тут сыскной отдел сработал,
Потратил он немало сил,
Деньги нашлись – и с плеч забота,
Их губернатор утащил.
Другой огромные брал взятки,
Места на тендер продавал,
Крал из бюджета без оглядки
И бизнесменов обирал.
А чёрт-то дело туго знает,
Губерний много разорил,
К министрам в душу проникает,
Их тоже на грабёж подбил.
В Думе народ собрался шумный,
С коррупцией борьбу ведут,
Хотят принять закон разумный,
Да всё никак не издадут.
Печальна вилка у зарплаты,
Кто миллионами гребёт,
А кто-то ходит весь в заплатах
И чёрный хлеб с водой жуёт.
Вот главный почтальон России,
Письма читает круглый год,
Премию дали не под силу,
Сто миллионов – еле прёт.
А вот Иван – пахал всё лето
И круглый год коров доил,
Две сотни получил за это,
Верхонки новые купил.
Когда же чёрт вернётся в сказку?
Хапуг в мешок свой заберёт?
Иначе ждёт их всех развязка –
Семнадцатый вернётся год!

2016 г.

* * *

Могучий кедр, взмахнув крылами,
Об землю стукнулся стволом.
В конторе, шелестя рублями,
Сидит чиновник за столом.
Он продал бор и душу тоже,
Быстро хотел разбогатеть.
Хозяин местный – всё он может,
Стоит лишь только захотеть.
Тот кедр был символом Сибири,
Орехом радовал народ,
Красавец был – нет равных в мире.
Грел людям душу круглый год.
Не повезло ему, бедняге,
В России поменялся строй:
В небытие ушли трудяги
И бизнесмен теперь герой.
Но каждый год, словно перчатки,
Они меняются в строю,
Вместе с чиновником, за взятки,
Грабят и оптом продают.
И всё, что можно, разорили,
Вцепились в кедр грязной рукой.
Свалился, словно обессилел,
Бор под китайскою пилой.

2016 г.

ИГРА «ПОЛЕ ЧУДЕС»

(И её ведущий Леонид Якубович)

Крутится, словно волчок, барабан,
Цифры проносятся, быстро мелькают,
Каждый игрок без вина уже пьян,
На Якубовича страстно взирают.
«Поле чудес» не в стране дураков,
А на останкинском Первом канале,

Чудо начнётся с врученья цветов
Женщинам тем, что на «Поле...» попали.
Позже настанет подарков черёд,
Каждый игрок отдариться стремится,
Кто-то с завода деталь принесёт,
Кто самогон, чтобы здесь похмелиться.
Шустрый кавказец кинжал подарил,
Плечи накрыл Якубовичу буркой,
Сало с Одессы хохол притащил,
Машет якут драгоценною шкуркой.
Каждый давно позабыл барабан,
Сыплет приветы родным и знакомым.
Тискает бабка тяжёлый баян,
Топчется в пляске старик бестолково.
Дети читают плохие стишки,
Что сочинили родители дома.
Трёт Якубович седые виски,
Давит на мозг его старость и дрёма.
Вспомнили разом, зачем собрались,
Радостно вновь барабан запустили,
В тщетных усилиях все напряглись,
Память отшибло, заданье забыли.
Вдруг игроку одному повезло,
Вздрогнула стрелка, на приз указала,
Пальцы от радости в кучу свело.
«Будет машина» – соседка сказала.
Денег взамен предложил Леонид:
«Тысяч пятнадцать». Игрок крикнул: «Мало!»
«Приз!» – громко зал во всё горло кричит,
«Приз!» – предложенье жена поддержала.
Ящик ведущий открыл и стоит,
Ждёт наивысшего в людях накала,
Замер игрок, в нетерпенье дрожит,
Женщина в обморок в зале упала.
Вот, наконец-то, из ящика приз
Вытащен ловкой рукою,

Вместо ключей от машины повис
Овощ с помятой ботвою.
На игрока просто жалко смотреть,
Зал аплодирует дружно,
Думают все: «Будет знать, дурень, впредь,
Деньги забрать было б нужно».
Чтоб этот казус скорей устранить
И погасить все ухмылки,
Было приказано быстро налить,
Всем по стакану горилки.
Выпили разом, махнули рукой,
Салом хохловским заели,
Сев на кавказскую бурку гурьбой,
Русскую песню запели.
Милым для всех стало «Поле чудес»,
Славно на нём «оторвались»,
Душу хмельную пустив до небес,
С Лёней взасос целовались!

ВСЁ ПО СЦЕНАРИЮ

(Откровение заведующего Дома культуры)

Ура! Бомонд случился к Дню культуры,
Я за наградами работников везу.
От всей души трудились, без халтуры,
Мы в списке – верхние! Уж точно не внизу!
Не тут-то было, не было доклада,
В котором отразился б результат.
По номинациям разбили всех, как надо,
Хотя б нас вспомнили, тому я был бы рад.
Вот номинация «Народных коллективов» –
Наш лучшим был в течение многих лет,
Всё бесполезно, нет тут перспективы,
В сценарии для нас том места нет.
И в сольном, танцевальном пролетели,
Хотя поём, танцуем мы везде,
Те неожиданно награды заимели,
Кто, словно курица, сидят в своём гнезде.

Всех нас по номинациям разбили
Руководители районного звена,
Себя они, конечно, не забыли:
Награда им досталась не одна.
Вот так мы на бомонде побывали,
Наш труд сценарием «оплачен был сполна».
А чтоб работники мои не унывали,
Налили им на посошок вина.

НИГИЛИСТ*

«Не признаю я никакую власть», –
Говаривал сатирик всем знакомым,
И покуражиться над ней любил он всласть,
И называл её надстройкой бестолковой.
«Всяк властелин – никчёмный бюрократ
И уваженья моего он не дожждётся,
В лицо сказать ему я буду рад,
Если удобный случай подвернётся».
Но вот однажды то ли невзначай,
А может быть, в составе коллектива
Сам губернатор пригласил его на чай.
Для нигилиста – масса негатива.
Он в возмущенье высказать готов
Всё то, что против власти накопело.
Дыханье спёрло, не хватает слов:
Одно – болтать, а тут – другое дело.
К тому ж ещё, по случаю, медаль
(Вручали всем) сатирику вручили,
И вдруг иначе засияла даль,
В мозгах программу новую включили.
И сразу губернатор милым стал,
Его помощники, как голуби, воркуют,
Сатирик тут же оду написал
В надежде, что медаль дадут вторую.

* Нигилист – человек, не признающий власть.

ЭПИГРАММЫ

ГЕННАДИЮ МАЛАХОВУ

(Народному целителю)

Лечит грязью и травой
Грыжу либо геморрой.
Испытать готов без страха
На себе лекарь Малахов
Препарат иль яд любой
И поделится с тобой.
Прислонившись спиной к стенке,
Гелем трёт свои коленки,
У него они в порядке,
Может бегать без оглядки
И лягаться, как кобыла,
Гель-то – с «Лошадиной силой».

ПОЭТУ

Хотел я стать крутым атлетом,
Ел много каши, пил компоты,
Но растолстел и стал поэтом,
В общем, стал круглым идиотом.
Теперь пишу стихи ночами,
Компот не пью, балуюсь чаем.
Ношу в мозгах одну идею...
«Возможно, скоро похудею».

ПИСАТЕЛЮ

Рассказы я твои читаю,
Смеяться, плакать ли, не знаю.
Ты, подражая Шукшину,
Порой несёшь фигню одну.
Вдруг Джеку Лондону под статью
Решил рассказы написать,
У Джека лучше получилось.
Не подражай всем, сделай милость.

ИЗБРАННИКУ

Вошёл во власть ты из свинарника,
Свиней кормил вдвоём с напарником.
Сменил во власти имидж свой,
Стал бюрократом и свиньёй.
Одумайся, пока есть время,
Начальства скоро снимут бремя,
И, опечаленный судьбой,
Вернёшься вновь в свинарник свой.

НАГИЕВУ

Включите телевизор, сразу
Нагиев там торчит, зараза.
Вот он в жюри, словно бандит,
В чёрных очках рожу кривит.
И развалившись на стуле,
Раскинул ноги на столе.
Играл он подлецов и гадов
Таких, как хам – прапорщик Задов,
Имидж сменил и всё ж пока
Дошел до роли физрука.
Доволен ролью он такой,
Вновь хамоватый и тупой.
Ведёт он множество программ
И в них такой же дерзкий хам.

ПРЕСТАРЕЛЫМ ЖЕНИХАМ

Богатенькие старички,
Морщинистые, как сморчки,
Набрали в жены молодых,
Забросив бабушек своих.
Но не мешало б, старички,
Вам протереть свои очки
И обернуться хоть разок,
Из вас уж сыплется песок.
А по нему, как «соловухи»,
Шагают ваши молодухи,
На приживалок все похожи,
Исподтишка вам строят рожи.

ЛЮБИТЕЛЮ ЛЕСТИ

Если из лести называют вас орлом,
От радости плясать не торопитесь,
Льстецу скажите правду всю о нём
И сразу в скорпиона превратитесь.
Льстец – лицемер, на всё способен он,
На подлость без сомнения пойдёт,
Окрас меняет, как хамелеон,
И грязью с плеч до пяток обольёт.

ЭСТРАДНОЙ ЗВЕЗДЕ

На сцене лишь два слога повторяла,
И неожиданно звезда та засияла.
Вложил продюсер средств в неё немало,
Она всё в том же духе продолжала,
Вопила что есть мочи: «Ла-ла, ла-ла» –
И так же неожиданно пропала.
И развелось тех звёзд у нас немало,
Такое время звёздное настало!

ЗАВИСТНИКУ

Награды презирал он у других
И очень не любил людей таких,

А сам везде пороги обивал,
Искал, кто бы награду ему дал.
От зависти чуть в петлю не полез:
«Купил сосед немецкий «мерседес»».
От радости он даже загулял,
Когда сосед в аварию попал.

СПЛЕТНИКУ

Он с радостью шептал на ухо всем:
«Жена Петра неверная совсем,
Гулящая жена у Ермолая».
Среди коллег на всю контору лял.
Но в зеркало однажды посмотрел –
Язык отнялся, лоб сразу вспотел,
И отнялась у подлеца нога:
На голове росли ветвистые рога.

ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Решенье вместе с Думой принимают,
Стараются, радеют за народ,
Два миллиона в месяц получают,
Сухая ложка рот их не дерёт.
Народу ж от души дают «поблажку»:
Всем к пенсии – четырнадцать рублей,
То ль в продуктовую корзину, то ли в чашку...
Вари похлёбку – соли не жалеи!

ОППОЗИЦИИ

Если придётся оппозиции с экрана
На всю страну за дело отвечать,
Уверенно, без всякого обмана,
Все будут на себе рубаху рвать.
Мол, мы не зря оппозиционеры,
Правительство грызём уж много лет...
Не верьте им, в их лживые манеры,
Приспособленцы, и зубов у них уж нет.

ВЛАДИМИРУ ЖИРИНОВСКОМУ

(Вождю ЛДПР)

Оратор хоть куда
(Язык же без костей).
Слова – словно вода
На мельницу страстей.
Он в правоте своей
Жесток и непреклонен,
Порой в бреду речей
Он «противозаконен».
Готов всех растоптать
В порыве реваншизма,
Словестно поиграть
Идеями фашизма.
И много лет подряд
Творит свой беспредел,
Всё чаще говорят,
Что всем уж надоел.
Такой вот он артист
И либерал московский,
По нации – юрист,
Владимир Жириновский.

ГЕННАДИЮ ЗЮГАНОВУ

(Лидеру КПРФ)

Угрюм, суров в словесной перепалке,
Чужих идей совсем не признаёт,
Готов всех удивить программой яркой,
Он в коммунизм, как Ленин, нас зовёт.
Но, видно, те призывы устарели
И лидер стар, куда ему спешить.
Чтоб повести народ к великой цели,
Пора бы молодым то место уступить.

2016 г.

МИРОНОВУ

(Лидеру партии «Справедливая Россия»)

Идеи спёр у тех же коммунистов,
С улыбкой их готов произносить,
Наобещает горы, взгляд лучистый,
Народ от этого не станет лучше жить.

2017 г.

ПАРОДИИ

О ПАРОДИИ

Один поэт писал стихи,
Другой писал пародии,
В стихах тех находил грехи,
Журил слегка их вроде бы.
Тому, кто вирши сочинял,
Не нравились пародии.
Однажды он поднял скандал,
В суд обратился вроде бы.
Судья, что б дело рассмотреть,
Стихи читал, пародии,
Не смог обиду разглядеть,
Смеялся даже вроде бы.
Собрал помощников своих,
Стихи им дал, пародии:
«Этого автора среди книг
Стихов не видел вроде я,
О том, что пишет он, узнал,
Лишь прочитав пародии.
Зачем же поднимать скандал?
Известным стал он вроде бы».

Друзья, не жалуйтесь вы в суд
На автора пародии,
Затеял он весь этот зуд,
Что б вас читали вроде бы.

МОЛИСЬ И КАЙСЯ

(Восторженное впечатление от альманаха
«Содружество», с элементами пародии)

**И в каких грехах пред богом каюсь,
За кого так трепетно молюсь...**

В. Азакова

В храм пойду, поставлю свечку Спасу...

П. Варкентин

Я хотел поставить свечку Спасу,
Но не мог пройти к иконостасу.
Не пойму, случилось что-то там,
Переполнен ныне Божий храм.
Присмотрелся, все знакомы лица –
Это же поэты из «Светлицы»,
Держат они книжицу в руках.
Библию? Да нет же, альманах!
Молятся, поклоны низко бьют,
Здравицу редактору поют.
Восхищения звучат в стихах:
«Наконец-то вышел альманах!»
Чтобы не был тот журнал последним,
Отслужить решили все обедню,
Освятить любимый альманах,
Заодно покаяться в грехах.
После освящения журнала
Любопытство сильно разобрало,
Полистал журнал я второпях.
Разницу нашёл в его листах:
У поэтов студии «Светлица»
Ясные и радостные лица,
А поэтов студии «Светлана»,
Видно, сняли утром слишком рано:
Полумраком лица их покрыты,
То ли не умыты, то ль не бриты.

Среди них увидел своё фото,
Мало узнаваемое что-то.
В чём причина, знать мне захотелось,
Я спросил: «Поэты, в чём тут дело?».
Варкентин ответил мне уныло:
«Куда прёте вы с суконным рылом?
Присмотритесь, здесь калачный ряд.
Звёзды из «Светлицы» все сидят».
Понял я: поэты из «Светланы»
В альманах попали слишком рано,
Чтобы не отстать им от «Светлицы»,
Нужно, как Азакова, молиться.

2013 г.

ВСПУЧИЛАСЬ РЯБИНА

**Сквозь проголодь деревьев полыхнёт
Вечерний хлеб... посыпанный звездами.
И дальний лай сентябрьских охот,
И мышь летучая вздымает над домами,
И пучится грибной дымок... Один
Живой старик согнулся в огороде...
От кровоизлияния рябин
Прозрачность мёртвая в природе...**

А. Ибрагимов

Один живой старик согнулся в огороде,
Прозрачно-мёртвый он, грибов наелся вроде.
Как видно, пучится у старого живот,
Хоть впроголодь, но всё ещё живёт.

Хотел вечерний хлеб, посыпанный звездами,
Но в это время мышь летела над домами,
Услыша лай сентябрьских охот,
Украла хлеб, и вот – теперь болит живот.

В дыму увидел дед – меняется природа:
Рябина, что росла среди огорода,
Вдруг вспучилась от кровоизлиянья.
Дед вылупил глаза и потерял сознание.

ПРИЗЕМЛЁННЫЕ МЕЧТЫ

**Отчего же я не голубь мира?
Вот бы мне такую благодать!
Стоя возле платного сортира,
Просто больше не о чем мечтать.**

**Понимаю, в жизни не уместны
Слишком приземлённые мечты.
Хорошо быть голубем небесным,
Чтоб бесплатно гадить с высоты!**

**В. Берсенёв.
«Небесные мечты»**

Отчего же я не бык колхозный
И крутых рогов у меня нет,
Двинул бы, как буфер паровозный,
И разнёс тот платный туалет.

Срочно потянуло к унитазу,
Я в буфете съел два беляша,
Не пускает билетёр, зараза,
Денег не осталось ни гроша.

Знаю сам, что я не голубь мира,
Чтобы не испортить мне штаны,
Удавлю паршивого кассира,
Для меня он хуже сатаны!

ГРУСТНОЕ ВИНО, ВЕСЁЛЫЙ ОГУРЕЦ

В старом парке листвою жестокий,
Всё темней осеннее окно.
И молчу, как дворник одинокий,
Не допивший грустное вино.

Но в ненастье не томлюсь спасеньем
И упорно не включаю свет.
И не прячусь за стихотвореньем,
Как порою прячется поэт.

Л. Котюков

Я не прячусь за стихотвореньем,
Лучше в шифоньере посижу,
И за дверкой я найду спасенье,
Это ведь понятно и ежу.

Бьёт в окошко листвою жестокий,
Потому и не включаю свет.
И молчу, как дворник одинокий,
Ну а может, всё-таки поэт?

Вылезу и в темноте присяду
Я к столу тихонько у окна.
Опрокину три стакана кряду
Грустного, печального вина.

Чтобы не погрязнуть в строфах чёрных,
С тяжким и трагическим концом,
Напишу сонет я для влюблённых,
Закусив весёлым огурцом.

ЗАПЛУТАВШИЙ РЫЦАРЬ

Поведаю людям несведущим,
Но благожелательно внемлющим мне,
О доблестном рыцаре, едущем
По цеху на странном, железном коне.

Г. Шмелин

Я в цехе служил заведующим,
Однажды приснилось мне,
Что рыцарь какой-то несведущий
К нам в цех заплутал на коне.
Железом был конь окованный
И странно ногами сучил,
Гремел он своими подковами.
Я тут же инфаркт получил.
Лежу теперь в медучреждении
И ведаю людям всем,
Чтоб избежать наваждения,
Не спите на службе совсем.

СУХОЙ СКВОЗНЯК

Сухой сквозняк, и осень,
И горький привкус – чай.
Уйди, пока не просят.
И свет не выключай.

К. Стафиевский

Сухой сквозняк, поверьте,
Вчера он был сырой.
В осенней круговерти
Мы встретились с тобой.
Не выключая света,
Мы пили горький чай,
Просил я до рассвета,
Ты не дала. Прощай!

ОБИДА

Как странно: одна в тишине
Живу на таёжной даче,
Никто не приходит ко мне,
Лишь птица какая-то плачет.

Л. Тарасова-Чиделян

Живу на таёжной даче.
Одна живу в тишине.
Порой от обиды плачу:
Медведи не ходят ко мне,
Бегут стороною волки,
Распугивая вороньё,
Боюсь, пойдут кривотолки:
Не любит меня зверьё.
Сочувствует только птица,
На ветке сидит у окна,
Захочется мне прослезиться,
Со мною рыдает она.

ОПЯТЬ ГУДКИ

Опять гудки в застывшем телефоне,
И провода, запутавшие ночь.
Не бойся спать, тебя никто не тронет
И сны твои не сможет уволочь.

К. Стафиевский

Опять гудки, напуганно вскочила,
Гляжу, волочат по полу мой сон,
Вернуть хотела, не хватило силы
И помешал застывший телефон.
Он провода развесил, словно сети,
Как в паутине, мухою в них бьюсь,
Ужасно надоели бредни эти!
Я спать хочу, но не могу, боюсь.

Я – САМОЛЁТИК...

**Я бумажный самолётик.
Я летаю в облаках.
Я летаю, вы живёте
Под покрывкой потолка.**

К. Стафиевский

Самолётом став некстати,
Я в психушку угодил,
И лежу в шестой палате,
Психиатр приютил.
Я дружу с автопилотом,
Вы не можете пока,
Потому, что вы живёте
Под покрывкой потолка.

СОН В РУКУ

**Я заснул беспечным и смелым,
И влюблённым во всё, что блестит,
А проснулся с осмеянным сердцем,
Услышавши, что время свистит.**

В. Ковшов

Я однажды вздремнул ненароком,
Странный сон не к добру увидал,
Будто сердце, страдая пороком,
Закатило мне жуткий скандал.
То оно становилось беспечным
И влюблялось во всё, что блестит,
А то спорило с первым же встречным,
Утверждая, что время свистит.
Я проснулся от странного смеха,
Кто-то громко захлёб хохотал.
Позавидовал, видно, успеху,
Мои вирши, подлец, осмеял.

ВЕРА НАПОКАЗ

**Обучали тех и этих:
Полудиких и раздетых;
Они ж с верой напоказ –
Гибли, бились сотни раз.**

В. Горх

Обучали вроде в меру
Тех и этих сотни раз,
Всё ж они украли Веру
Полудиким напоказ.
Догола её раздели,
На погибель повели,
Изнасиловать хотели,
Долго бились, не смогли.

КАК ДАВИТЬ КЛОПОВ

**Клопов давить нельзя?
Скорее – несподручно.
Ведь у клопов, друзья,
У них убежищ куча.**

В. Берсенёв

Мне нравится, друзья,
Клопов давить на стенке,
Ведь на полу нельзя –
Болят очень коленки.
Убежищ у них тьма,
Залезут во все щели,
Сплошная кутерьма
Пока добьёшься цели.
Сподручней кипятком
Их вытравить на волю

Или огреть стишком
Про их клоповью долю.
И вот когда они
Повылезут наружу,
Смотри, не зевани –
Здесь тапок очень нужен.

ГДЕ ЖЕ СУТЬ?

**Стих, возможно, и прочтут,
Строку, возможно, подчеркнут,
Возможно, даже суть поймут,
О, счастье! – козь слезу утрут.**

В. Горх

Стих прочитав, сижу и плачу,
Готов все строки зачеркнуть.
Вместо Пегаса вижу клячу,
Понять не может она суть.

МЕТЕОЗАВИСИМОСТЬ

**Ах! Мы метеозависим,
Мы за-метео-висим,
Воды вниз из близкой выси,
И – усы у всех такси!**

В. Берсенёв

Что ж, у этого стиха
Рифма вроде не плоха,
В голове лишь кавардак,
Смысла не понять никак.
Покоряя музы выси,
Был он метеозависим,
Автор этих милых строк.
Дождь пошёл, и он промок.

Вдруг отклеились усы,
Зацепились за такси.
Когда дождик этот лил,
В автопарк поэт спешил.
Если б был он на вокзале,
К паровозу бы пристали.
И тогда б на эту тему
Родилась уже поэма.

ОБАМА ПРОМАХНУЛСЯ

Не мог Обама без обмана
Европу под себя «подмять».
Он и Россию, очень рьяно,
Пытался полностью объять.

В. Горх

Обама завладел Европой
И под себя её подмял.
Хотел Россию, черножопый,
Все зубы сразу потерял.

ТЯЖЁЛОЕ ПОХМЕЛЬЕ

**Я сегодня пьяный. Хоть и вторник.
Мы от жизни милости не ждём.
Так устроен мир, что автодворник
Поливает лужи под дождём.**

В. Берсенёв

Я в субботу пил и в воскресенье,
Понедельник, вторник прогулял,
Завладело мною вдруг веселье,
Автодворник я с машины снял.
Повертел в руках, он вдруг водою
Начал во все стороны плескать,
Видно, теперь мир наш так устроен,
Воду стало некуда девать.

Льётся она прямо в карбюратор,
Заливает фирменный салон...
«Посмотри скорее, психиатр,
Что со мной, болезнь это иль сон?
Видно, меня белая горячка
В среду хватанула с утраца,
Ну зачем же прятал я заначку,
Не предвидел глупого конца».

ТЯЖЁЛАЯ ЖИЗНЬ

**Пришлось мне в жизни повстречаться
С коварным замыслом льстецов,
Таких же, как они, – отцов
И с целой группой подлецов.**

В. Горх

Зачем я жил на белом свете.
Прохода нет от подлецов.
Льстецы заняли всё на свете,
Кивая на своих отцов.
Отцы за мной ходили стаей,
Интриги разные плели,
Хотели ногу мне подставить,
Чтоб извалить меня в пыли.

УТРЕННИЙ БРЕД

**Спал тополь, весь разнежась,
И ёжился во сне.
И утренняя свежесть –
Морозцем по спине.**

В. Берсенёв

Спросонья на морозе
Сказал тополь берёзе:
«Какая утром свежесть,
Замёрз я весь, разнежась,

А с солнечным восходом
Пробило меня потом
И в кашле я забился,
Как видно, простудился.
А прочитав стишок,
Совсем я занемог.
Прострел застрял в спине,
Тяжеловато мне».
Берёза же молчала,
Ветвями лишь качала.
Прочитанный стишок
Поверг берёзу в шок.

С МОЛИТВОЙ И МАТОМ

**Атака начиналась с мата,
Им крыли всех и вся;
Поймав же пулю автомата –
К Господу неслись слова.**

В. Горх

Летела пуля автомата,
За ней я быстро побежал.
Не обошлось и здесь без мата,
Поймал её, к земле прижал.
Покуда с пулею возился,
Атака с матом началась,
Я пулю бросил и молился,
Чтобы она не сорвалась.

ЗЛЫЕ КОЗЛЫ

**В наш сад нагрянули козлы.
Козлы, понятно, голодают.
Тогда посадки и страдают –
Козлы прожорливы и злы.**

В. Берсенёв

Ограду я забыл поставить,
В мой сад нагрянули козлы.

Себе не можете представить,
Как необычно они злы.
Посадки вырвали с корнями,
Напал на них кураж и бзик,
Один кидал в меня камнями,
Другой показывал язык.
Все фрукты, ягоды сожрали,
Я пристрелить козлов хотел,
Но всё ж подумал: «Голодали»,
В конце концов их пожалел.
Запал мне в душу этот случай,
Томился долго и страдал.
И больше чтоб себя не мучать,
В стихах всё это описал.

ОДНАЖДЫ СИЛЬНО УГОРЕЛ

**Бывало так, что падал вниз:
От подножки иль удара,
И снова вверх – без всяких виз,
Со злом – без мести, без угара.**

В. Горх

Однажды сильно угорел
И растерял все визы,
Пробраться кверху я хотел,
Но вдруг свалился к низу.
А там мужик меня избил,
Подножки грубо ставил,
Он, видно, мне за что-то мстил,
Со злом лупил, без правил.

РУКОПИСИ ОТСЫРЕЛИ

Рукописи не горят...
Вероятно, отсырели.
Хорошо бы все подряд
Отослать их ноосфере.
Где-то там их сохраняют,
Упорядочив по датам.
И забыть я буду рад
Всё, что написал когда-то.

В. Каганов

Я писал, трубу прорвало,
Вероятно, прогнила.
Ноосфера повлияла,
Потому и потекла.
Отсырели мои вирши,
Как ни бился, не горят.
На балкон я с ними вышел,
Пусть на солнце повисят.
А когда они подсохнут,
Их по датам разберу,
Без страдания, не охнув,
Тут же всё предам костру.
Каюсь, поступил жестоко,
Для чего я всё писал?
Копануть хотел глубоко,
Видно, в тему не попал.
Пепел по ветру развею,
Пусть стихи мои летят.
И про эту эпопею
Позабить я буду рад.

АГЕНТ-НЕУДАЧНИК

Печальный демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей.
Для выполнения спецзадания
Он был направлен в край чужой.

В. Каганов

Я взгляд свой в небо устремляю,
Там грешный демон в облаках,
С крылом поломанным летает,
Американский флаг в руках.
Как видно, Пентагон когда-то
Дал спецзадание ему:
Заснять всех русских бородатых,
Чтоб посадить затем в тюрьму.
К нам прилетел, и дух изгнания
Сковал его в чужом краю,
Не выполнил он спецзадания,
Враги работать не дают.
То пуганут из пулемёта,
А то ракетой саданут.
Сообщил домой: «Печально что-то,
Пусть беспилотник мне пришлют!»

ДОРОГОЙ БУКЕТ

Через годы – в Ленинграде,
Такой же хлопотной порой,
Стоял матрос спиной к ограде,
Букет сжимая дорогой.

В. Горх

Матрос к ограде привалился,
Последний рубль в руке сжимал,
Букет купил и разорился,
Круто на «бабки» он попал.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Голос дождя в диалоге с листвою,
С крышей, с асфальтом, травой,
С телом моим и с моей головой,
Но не со мной, не со мною.

В. Каганов

Странное что-то творится со мной,
С телом моим, с головою.
Вот голова в диалоге с травой,
Шепчется тело с листвою.
Голос дождя по асфальту шумит,
Радостно мне на свободе,
Нет головы, и она не болит,
С крышей уехала вроде.
Тело своё увидал вдалеке,
Хлюпает в луже ногами,
Взвился орлом, полетел налегке
Поговорить с облаками.

ОТ ЖЕНЩИНЫ НЕ СПРЯТАТЬСЯ, НЕ СКРЫТЬСЯ

Прошло с тех пор немало лет,
Подлодка в море уходила,
Пока просматривался след,
С пирса женщина следила.

В. Горх

Средь ночи, погасивши свет,
Подлодка, уходя, виляла,
Но на воде остался след,
Хотя она его скрывала.
По следу, прямо по воде,
Босая женщина ходила,
За той подлодкою везде
Уже давно она следила.

НЕСЛАБАЯ БАБА

Из куколки вылетит бабочка.
Из бабочки вылетит баба,
А вы наблюдайте их, мальчики,
И вам не покажется слабо.

В. Каганов

В свой дом захожу, а там – баба,
Откуда взялась, непонятно.
Чуть слышно, мне кажется, слабо
Вопрос задаю ей, невнятно:
«Что делаешь ты в моей спальне?
Зачем мой халат натянула?»
Она посмотрела печально,
Сказала: «На секс потянуло.
Из бабочки я появилась,
Внутри её долго летала,
Она вдруг взяла, разродилась,
Как видно, бедняга, устала.
А я, на твой профиль взирая,
Что взять с меня, глупая баба,
Тобою займусь. Точно знаю,
Тебе не покажется слабо».
И вдруг я заметил: в окошко
За ней наблюдают мальчишки
И куколок держат в лукошке,
Подмышкой Каганова книжки.

Я УДАРИЛСЯ В ГРЁЗЫ

Мир, сплетённый из реальности и грёз.
Мир живой, магический, чудесный!
Кто я в этом мире – вот вопрос,
Вероятно, самый интересный.

В. Каганов

Я отбросил реальность.
Я ударился в грёзы:

Стихотворец нормальный,
Также балуюсь прозой.
Что нашли вы в Шекспире?
И зачем вам Некрасов?
Лучший я в этом мире,
Не ищите напрасно.
Интерес проявляя,
Не найдёте другого,
Всех собой подавляя,
Объясню вам толково:
Мир построен удачно,
Но довольно он тесный,
В нём поэт, однозначно,
Самый я интересный.

ЛОШАДЬ В ШАПКЕ

Мы же, как лошади в пургу, –
Надвинув шапки на глаза,
Не стонали: «Не могу!»
Хотя кругом тайга, снега.

В. Горх

Смотрим, выпучив глаза,
Лошадь, как лихой казак,
Шапку на уши накинув,
Молча в стойле ест мякину.
Просим: «Отвези в тайгу».
Отвечает: «Не могу,
Не хочу идти в пургу,
Утонуть боюсь в снегу».

ЗВЁЗДЫ ОДИЧАЛИ

Срывая себя, как набросок с подрамника
(А утро в накрапах дождей и берёз!),
С постели, шатаясь, спешу к умывальнику,
Смывать одичалость предутренних звёзд.

В. Бокин

С постели, шатаясь, поднялся едва
И сразу спешу к умывальнику.
С похмелья ужасно болит голова,
Жмут ноги сибирские валенки.
Я вспомнил, как делал набросок вчера,
Эскиз на подрамнике стареньком.
Накрапывал дождик холодный с утра,
Продрог и напялил я валенки.
И чтоб окончательно дрожь ту унять
И выгнать простуду проклятую,
Решил я спиртного рюмашку принять,
Вторую, а после и пятую.
С трудом помню я, как в подрамник залез,
В эскизе берёзки качались,
Вдруг звёзды посыпались кучей с небес,
Наверно, совсем одичали.

ЧУБАТЫЕ ОРЛЫ

**Нелепо замахав руками
И выронив клинки, –
С коней упали они сами:
Чубатые орлы Страны.**

В. Горх

С коня свалились они сами,
Никто их в спину не толкал,
Махали яростно руками.
Конь испугался, убежал.
Упавши, сделались орлами,
И отросли у них чубы,
Нелепо замахав крылами,
С земли взлетели на дубы.

Я НЕ ЛОШАДЬ

Рос способным вьюношей –
Не дорос,
А уже завьючен был –
И повёз.

В. Бокин

С детства я работаю на износ.
Рос способным вьюношей –
Не дорос.
Захватили, изверги, пацаном,
Вьюк на плечи кинули
Белым днём.
С лошадыю попутали, подлецы,
Спасу никакого нет –
Всё, концы.
Потоптался, нехотя пожевал овёс,
Понял, что не вырвусь я –
И повёз.

НЕ КУШАЙТЕ ГРЕЦКИХ ОРЕХОВ

У грецкого ореха
Все зёрнышки на «ять»
И сколько было смеха,
Что как тут не обнять.

В. Бокин

Ел грецкие орехи –
Все зёрнышки на «ять».
Умора и потеха,
Я начал хохотать.
Тут дама подвернулась,
Хотел её обнять,
Она же вдруг надулась:
«Не надо приставать!»

С тех пор грецких орехов
Я не люблю совсем.
Кокосовый, без смеха,
Хоть иногда, но ем.

НЕ ПЕЙТЕ КЕРОСИН

**Я валяюсь на траве
Коркой апельсиновой.
Вспоминаю – в первый день
Сильно керосинили.**

В. Бокин

Сильно керосинил,
На траву упал.
Весь продрог и синим
Баклажаном стал.
Вновь напился сильно
Поборол недуг,
Жёлтым апельсином
Засиял я вдруг.
Как напьюсь, немедля
Поменяю цвет.
Заблистал бы медью,
Фруктов таких нет.

ПРОКАЖЁННЫЕ ЖЁНЫ

**Мои жёны
Прокажёны,
Как зараза, как чума.
Есть у них мужья смущённые,
У меня же есть сума.**

В. Бокин

Где ж я был, когда женился?
Поспешил и поплатился,
Взял себе замужних жён
И теперь я удивлён:

Их смущённые мужья
Не стреляют из ружья,
Не бегут за мной с ножом,
Мой не поджигают дом.
Присмотрелся лучше к жёнам,
Оказались – прокажёны
И ещё больны чумой.
Брошу всё, уйду с сумой.

ТЕЛЁНОК С БЕЛЬМОМ

Гляжу на мир как из пелёнок,
Июль. Жара. Слепни грызут.
У бабки Ганиной телёнок
С бельмом родился на глазу.

П. Майский

Жара. Июль. Пелёнки сохнут.
На мир, в них лёжа, я глядел.
Ждал, слепни, может, передохнут.
По-маленькому захотел.
Нужду справлять мне помешали
И бабка Ганна, и телок.
Поблизости они гуляли,
Не вытерпел я и промок.
Тут подошёл ко мне телёнок
И, замычав, пустил слезу,
Не видел он моих пелёнок,
С бельмом родился на глазу.

КАК СТАТЬ ЭФФЕКТИВНЫМ

На фоне окружающей среды
Уже не так эффективно я смотрюся.
Поскольку мной разлюблена Маруся
И потускнели все её следы.

И. Куралов

Я разлюбил Марусю навсегда,
Поскольку от любви её устал.
Но тут произошла со мной беда,
Не столь эффектным почему-то стал.
На фоне окружающей среды
Решил я вновь Марусю отыскать,
Но потускнели все её следы,
И я не смог эффектным снова стать.
Другую себе тоже не нашёл,
Не подобрался нужный идеал.
Подумал, и в мужской салон пошёл,
Постригся и эффектным снова стал.

ТО ЛИ ЭТО, ТО ЛИ ТО

То ли с кедра, то ли с липы
То ли филин, то ли сыч
То ли бросил, то ль рассыпал
То ли хохот, то ли клич.

Л. Гержидович

То ли я ходил по лесу,
То ли лес вокруг меня.
Вижу, филин, с кедра слез он,
То ли с липы – вот фигня.
То ль рассыпал он орехи,
То ли камни разбросал,
Клич вдруг бросил для потехи,
Стал сычом – захохотал.
Долго б я гадал, наверно:
То ли филин, то ли сыч,
С липы вдруг слетел мгновенно
Прямо в голову кирпич.

В ОБИДЕ Я ОЧЕНЬ ОПАСЕН

**Обидели. Спрячу обиду –
Есть в сердце кладовка обид.
И в поле широкое выйду,
А в поле берёзка стоит.**

В. Паташов

Обидевшись, вышел я в поле,
К берёзке скорей поспешил,
Подумал: «Повесится, что ли?»
Но вспомнил, верёвку забыл.
И вдруг встрепенулась кладовка,
Что в сердце давно у меня,
Как видно, хотела, плутовка,
Обиду скорее отнять.
Я, в общем-то, с нею согласен,
Отдам, пусть она сохранит.
В обиде я очень опасен,
Могу совершить суицид.

ДРАМА В ПИВНОМ БАРЕ

**Когда меня внутри пивбара
Увидит Родина моя
И скажет так:
– Ты мне не пара.
Что ей смогу ответить я?**

И. Куралов

Опять сажу внутри пивбара,
Глушу стаканами вино,
Пью с горя. Нет у меня пары,
Живу я бобылём давно.
Увидев, Родина примчалась,
В табачном утонув дыму,
То ли звала, то ль отрекалась.
Хмель в голове – я не пойму.

Что-то ответить ей пытался,
Но не владел я языком,
Затем от стула оторвался –
И оказался под столом.

КТО ЖЕ Я?

Девчонка эта в мой дом приходила
И говорила, что я – крокодил.
Разинул я страшную пасть крокодила
И девочку милую всю проглотил.

И. Куралов

Как получилось, сам не знаю,
Пришла девчонка ко мне в дом,
Решил я сразу: «Забодаю»,
На миг прикинулся быком.
Она сказала: «Что вы, дядя,
Вы настоящий крокодил».
Поверил и, почти не глядя,
Девчонку взял и проглотил.
Внутри меня она пищала,
Как шар, раздулся мой живот.
И тут понятно мне всё стало:
Не крокодил я, – бегемот.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЗАМАНИХА

Ещё далеко до света,
Осенний разумный покой...
Мне светит чужая планета,
И кто-то манит рукой.

Г. Молостнов

Ещё далеко до рассвета,
Тихонько к окну крадусь,
Гляжу – засветилась планета,
Так близко, что я боюсь.

А эта планета чужая
Летит, нарушая покой,
Там дама стоит молодая
И манит меня рукой.
Я прыгну сейчас с балкона,
Мне нравится очень она,
Послышались охи и стоны,
Проснулась моя жена.
Как жаль, пролетела планета
И женщину прочь унесла,
Ещё далеко до рассвета,
Зачем же проснулась жена?

НЕПРАКТИЧНАЯ ВОРОНА

**Сидит ворона будто бы слепая,
Сидит молчит до вечера с утра:
Ей невдомёк, что осень наступает –
Колхозных свадеб самая пора.**

Г. Молостнов

Обиделась ворона сильно очень,
Сидит молчит до вечера с утра,
Колхозный председатель, между прочим,
Сказал, что свадеб началась пора.
Готовилась заранее ворона,
Потратила немало птичьих сил,
Хотелось хоть глоточек самогона,
На свадьбу же никто не пригласил.
Ворона от обиды голосила,
Ослепла, и ей было невдомёк,
Что осень незаметно наступила
И нужно заготовки делать впрок.

УЧИТЬСЯ НУЖНО!

Как жаром с головы до ног окатит,
Когда письмо...
Не надо ничего!
И целой ночи, знаю я, не хватит,
Чтоб прочитать как следует его.

Ю. Прайков

Какого чёрта плохо я учился?
Читаю только вслух и по слогам,
Ношу с собой букварь:
Он очень пригодился,
Письма читаю с ним я по ночам.
Когда же посчитать мне что-то нужно,
Теряюсь, вдруг захватывает дух.
Мозгами шевелю тогда натужно,
Считать-то научился я до двух.

У ПОРОГА НЕ ЦЕЛУЙСЯ

А женщин баловал немного,
Но как любовь не баловать?
Когда целуешь у порога –
Ну невозможно устоять!

В. Горх

Любовь не баловать нельзя.
Но нужно помнить строго:
Любите всё, мои друзья,
А женщин – лишь немного.
Чуть-чуть любви – и вон скорей,
Пусть топают из дома,
Но берегись, коль у дверей
Возьмёт её истома.

Тогда уж точно целовать
Придётся у порога.
И вам пред ней не устоять,
Любить будете много.

ЗАМЕРЗАЯ, НЕ ПОТЕЙ

**Не суровы в Москве январь,
Не стоят холода у дверей,
Я заглядывал в окна твои
Целый месяц до свадьбы твоей.**

А. Леонтьев

Не суровы в Москве январь,
Всё же мёрз я под дверью твоей
И заглядывал в окна твои,
Ждал, чтоб ты раздевалась скорей.
Ты снимала бельё перед сном,
Как Венера, ложилась в постель,
Волновался я весь под окном
И, как летом, ужасно потел.

АБРАКАДАБРА

**Листок с твоим последним адресом:
Утинобродское шоссе –
Сплетенье слов абракадабристо,
Как «деревенское глиссе».**

В. Лопушной

Про деревенское «глиссе»
Уверен, знаете не все.
И отыскать абракадабристо,
Точно не зная его адреса.

БЛЕСНУВШИЙ ЩИТ

**Он падал рвано – тревожно словно,
В полёте золотом блеснул,
На землю же улёгся ровно,
Как верный щит, и там уснул.**

В. Горх

Упал, слетев с вершины славы,
Тревожно золотом блеснул,
Свалился он на дно канавы.
Был верный щит – и вдруг уснул.
Улёгся ровно, неподвижно,
Что защищал? Трудно сказать.
Порой, стоная еле слышно,
Пытался сам себя порвать.

УТОНУВШИЙ ВОДОЛАЗ

**Утопив себя в тулупе,
Не сомкнув бессонных глаз,
Взял гармонь в большие руки
Наш артельный водолаз.**

В. Ширяев

Наш артельный водолаз
От бессонницы страдал,
Съел таблетки как-то раз,
На гармошке заиграл.
Растянул меха пошире,
Носом клюнул и уснул.
Все моря облазил в мире,
Вдруг в тулупе утонул.

ХВАТИЛ ЛИШНЕГО

Держу в руке бокал вина,
Что пили за победу,
Где было логово врага,
Как раз то было в среду.

В. Горх

Однажды выпил я вина,
То было в понедельник.
Во вторник пил я допоздна,
Такой уж я бездельник.
Заметил пьяный я врага,
Сидел он на балконе,
И тут же выхватил наган,
Мириться с ним не склонен.
Балкон открыл, враг убежал,
Метнулся я по следу,
Догнать не мог, очень устал,
Всё это было в среду.
Ещё вина бокал принял,
Я праздновал победу.
Затем стихи вроде писал,
А может, пьяный бредил.

КЛОУН НЕ В СЕБЕ

Снова с рожей белою
И довольно глупою
Верещу и бегаю
Я под самым куполом.

В. Ширяев

Морду свою глупую
Вымажу извёсткою,
Подвжусь под куполом
Я страховкой жёсткою.

В теле аллигатора,
Верещу я жабою,
Знаю, к психиатру
Обратиться надо бы.

ИЗДЕЛИЯ ЗИМЫ

**Всё небо в серой робе,
Из тучи бахромы.
Складирует в сугробы
Изделия зимы.**

А. Бердюгин

Накинул быстро робу
И двинулся на склад,
Смотрю, а там сугробы
Под крышею лежат.
Вдруг туча налетела,
Взмахнула бахромой,
Изделия хотела
Творить она зимой.

ПРАВИТЕЛИ НЕ ЗАБЫЛИ

**Долго золото мы мыли,
За граммы отдавая жизнь.
Теперь же всё это забыли:
Правители все сверху вниз.**

В. Горх

Начальство сверху вниз бежало,
Мы мыли золото в тазу,
Оно нас сильно обругало,
Ушло наверх, а мы внизу
Делили золото по граммам,
Хотелось больше захватить,
Домой отбили телеграмму:
«Разбогатели, будем жить».

Но тут правительство вернулось,
Велело жизнь свою отдать,
Забрало всё и улыбнулось:
«Мы вас не будем забывать».

СТОЯ ПОВЗРОСЛЕЛИ

На всей земле нас было двое –
Мы были взрослыми детьми:
На пристани прощались стоя
Под одобрение толпы.

В. Горх

На пристани прощались стоя,
Никто присесть не предложил.
Сначала мы стояли двое,
Затем народ вдруг повалил.
И пристань сильно раскачалась
Неадекватными людьми,
Но это нас не напугало,
Мы были взрослыми детьми.

Я ПЛЕВАЛСЯ В ПОТОЛОК

Кто-то стихи пишет ради войны
И расстреливает одиночество.
Я же валяюсь среди тишины
И плюю, и плюю в потолочество.

Мне не стучат, не кричат, всё равно.
Помер мой телефон тамагочейю.
Видел соседей. Прилично давно.
И не видел бы долго воочию.

Д. Филиппенко

Не пишу я стихи про войну
И военных событий поток,
Полюбил я давно тишину
И плевать я люблю в потолок.

Мой сосед раньше часто стучал,
Он не любит, когда я плююсь,
Нет его, что-то я заскучал,
Но воочию видеть боюсь.

Он однажды уже приходил,
Хотел скрасить моё одиночество,
Но плевков мой в него угодил,
Получить мне по морде не хочется.

СТРАСТИ НА УЛИЦЕ ТИХОЙ

На улице Тихой троих застрелили.
Попрятались кошки, собаки не выли,
Все мирные жители спали в квартирах,
Когда убивали семью ювелира.

Убийцы сбежали, никто не услышал,
А в доме покойников плакали мыши.
В соседнем дворе расцвела облепиха.
На улице Тихой по-прежнему тихо.

Д. Филиппенко

В соседнем дворе расцвела облепиха,
За ней притаился, сажу очень тихо.
Смотрю, открываются двери квартиры,
Убили и тащат во двор ювелира.

За ними тихонько, чтоб кот не услышал,
Брели по крылечку и плакали мыши.
Потом побежали и снова палили,
Ещё, злые морды, троих завалили.

Попрятались кошки, собаки стонали,
Они, словно листья, от страха дрожали.
Не выдержал я и вскочил очень лихо
И рысью пустился по улице Тихой.

ВИДНО, СНЯЛ Я С БЕЛЫХ ЯБЛОНЬ ДЫМ

Я за каждый миг могу ответить!

«Всё пройдёт,

Как с белых яблонь дым...»

И душе – ну ничего не светит...

О, как тяжко с именем моим.

Но могу ведь сочинить такое

И такую красоту воспеть,

Что навек обманутся со мною

Все, кто жаждет истину прозреть.

Л. Котюков

С именем моим лишь заморочки,

Ничего не светит, видно, мне,

У Есенина заимствую я строчки:

«Проскачу на розовом коне».

Обмануть всех ничего не стоит:

«Всё пройдёт,

как с белых яблонь дым».

Позже пусть никто не беспокоит:

«Я уже не буду молодым».

И могу потом за всё ответить,

И такую красоту воспеть,

Что Сергей Есенин не заметит,

Как сумел стихи его спереть!

Я ХОТЕЛ РАСКВИТАТЬСЯ СО ВСЕМИ...

Я в лом поквитался с собой,
Сполна расквитался со всеми...
Осыпалось дымной золой
В песок чернозёмное время.

Не ведаю сам, что творю,
Темны ледяные страницы...
Поют мои птицы в раю,
Сгорают в аду мои птицы.

Л. Котюков

Не ведаю сам, что творю,
Сгорели в аду мои птицы,
Виновным, всплыв, говорю:
«Придётся за них расплатиться».

И ломом, как саблей махнув,
Хотел расквитаться со всеми,
Но он, вдруг из рук ускользнув,
Упал мне на голову, в темя.

Воткнулся в песок головой,
Осыпался дымной золою,
И ветер нагнал ледяной
Горой чернозём надо мною.

Вот так расквитался с собой,
Темны ледяные страницы,
Теперь я в раю, сам не свой,
И песни щебечут мне птицы.

ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА НЕУГОМОННОГО

(Сатирическое повествование
с политическим уклоном)

**Небольшое предисловие автора, поясняющее
уважаемому читателю, откуда этому автору
настолько близки события, происходящие
в данном местном самоуправлении**

Я не буду описывать все занимаемые мной должности в процессе прожитых лет, но двенадцать из них мне пришлось исполнять обязанности главы местного самоуправления в селе, в котором я долго жил и, собственно, проживаю и сейчас. Прошло одиннадцать лет с того дня, как я покинул эту должность, но и по сей день удивляюсь тому, как мне удалось двенадцать лет исполнять эти обязанности, существование которых невозможно прописать ни в одном законодательном документе. Служба моя в этих рядах совпала с самым тяжелым периодом жизни нашей невообразимо необъятной Родины, 1994–2006 годами. Производства промышленные и сельскохозяйственные стали разваливаться, как карточные домики, появились новые управленцы с наглыми бандитскими рожами, которые в короткие сроки помогали уничтожить эти годами строящиеся и отлаживаемые высокотехнологичные производства, перепродавая и растаскивая их. При этом всё это проходило совершенно безнаказанно, и даже те, кто обязан был по роду своих обязанностей заниматься защитой материальных ценностей, принадлежащих прежде государству, захотели видеть эти ценности у себя во дворе. Люди в короткие сроки меня-

лись до неузнаваемости, превращаясь из коммунистических праведников в капиталистических монстров.

Вот в это самое время я и стал главой поселения. Денег не было не только на нужды села, но их не было и на заработную плату учителям, медикам, работникам культуры и остальным бюджетникам, которые по долгу местного самоуправления находились под моей опекой. Зарплату не платили по шесть месяцев, с выплатой пенсий происходило то же самое, и, чтобы как-то сгладить напряжение, в администрацию иногда завозили водку либо залежалую колбасу. Всё это стояло у меня в кабинете, и утром, придя на службу, я обзванивал школу, детский сад, Дом культуры с вопросом, кому из их работников и в каком количестве отпустить данных продуктов под заработную плату. И они, учителя, воспитатели, брали водку, чтобы где-то её продать и как-то свести концы с концами. Вот такой был наш «кормчий» Борис Ельцин, который с большим удовольствием и сам употреблял названные мной продукты.

О том, что нужно было ремонтировать бюджетные учреждения, никто из вышестоящего руководства и слушать не хотел. Приходилось падать на колени перед местными предпринимателями, выпрашивать краску, стекло и другие необходимые материалы, хотя бы для косметического ремонта, а ещё нужны были деньги на нужды фронтовиков, тружеников тыла, и предприниматели (*благо их развелось вдруг много, у всех открылся талант торговых работников*), поломавшись малость, помогали. Спасало то, что их дети ходили в детский сад и в ту же школу, которым и требовалась помощь, а фронтовики были их дедами.

А ещё стали помогать капиталисты (*видимо, обрадовались скорому краху нашей страны*), из Германии, Швеции приходили подержанные шмотки, продукты в виде растительного масла, конфет и другой мелочи. И тогда на крыльце сельской администрации толпи-

лась очередь, которая весело шумела в предчувствии обладания заграничной вещью, а в администрации сидели понурые работники в ожидании скандала, который в любой момент мог разгореться по причине того, что желающих было много, а капиталистического товара мало.

Также в обязанности администрации входила операция по распределению приусадебных земельных участков и сенокосных угодий. Процесс этот был не так прост, как казалось на первый, некомпетентный взгляд, в то время ещё не было электронных измерительных приборов и отвод производился самодельным деревянным приспособлением под названием сажень. Специалист администрации, под моим контролем, этим инструментом производил обмер отводимого участка, а я метил отмеренную землю деревянными колышками. Естественно, идеальной точности при таком отводе не получалось, что в дальнейшем способствовало раздору между соседями, а процесс их усмирения тоже входил в мои обязанности. Поэтому весной, почти весь май, я этим и занимался, а если учесть то, что ссора иногда доходила до рукоприкладства, выполнение этой обязанности было не только непростым делом, но и довольно опасным. Иногда кончалось в зале суда, где я выступал в роли так называемого третьего лица, подтверждая либо отрицая законность данных операций.

Ещё в обязанности местных управленцев входил сбор земельного налога. Из-за отсутствия средств у населения оплачивался он мелкой монетой и тут же складывался в специальный мешок, который вечером запирался в сейф, произведённый ещё во времена царя Гороха. Но не было ни одного случая кражи этого мешка, видимо, потому, что поднять его, набитый медью и серебром, у местных расхитителей не хватало сил.

При администрации работали паспортный и военно-учетный столы и проходил процесс бракосочетания, под звуки свадебного марша Мендельсона, который был записан на граммофонную пластинку. Специалист, проводивший свадебный обряд, обязан был облачиться в специально предназначенное для этого платье и через плечо повязать ленту с надписью «Семья – ячейка советского общества».

Самое интересное по своему народному беспределу проводимое мероприятие – это был сельский сход, который законодательно был утверждён, как демократическое самоуправление местного населения. На нём решались вопросы санитарного состояния села, пастьбы скота, принадлежащего населению, благоустройства и другие. На сходе, как обычно, все костерили главу, его администрацию, тяжёлую жизнь, в общем, выпускали пар. Затем обсуждали поставленные вопросы и принимали по ним решения, за исполнение которых в конечном итоге должна была отвечать администрация: и за пастьбу частного скота, и за уборку территории у частных домов, за трудную долю каждого. Никто ответственность взваливать на себя не хотел.

Но самое сложное в этой работе было то, что в этот период (развала советского общества) не стало парткомов и профкомов, куда люди обращались за решением многих житейских вопросов, и они, униженные свалившейся на них новой жизнью, двинулись с этими вопросами в администрацию, к которой перешли функции не только сельских советов, но и профкомов и парткомов. И в то сложное время на многие вопросы ответа найти было невозможно, однако достаточно было поговорить, посочувствовать, погоревать вместе, обнадёжить и человек преобразался, чувствуя, что он не один в таком положении, а вместе в любой беде легче. Помню один случай. Прихо-

дит как-то старушка, назовём её Наталья Петровна, плачет. Спрашиваю: «Что, Наталья Петровна, случилось?» «Ой, сыночек, обокрали меня, всё вытащили, приходи, посмотри!» Я пообещал, что найду участкового, и мы скоро придём к ней на помощь. Примерно через час приходим в дом обокраденной. Наталья Петровна собрала на стол, чисто одетая сидит в ожидании нашего прихода. Спрашиваем: «Что, бабушка, украли?» Она, виновато улыбаясь, в ответ: «Простите меня, сыночки, ничего не украли, посидите со мной за столом, а то я всё время одна да одна, старик умер, детей рядом нет, вот я и соврала, иначе бы вы не пришли». Посидели, поговорили. Наталья Петровна прямо помолодела лет на десять. Уходя, я пригласил её, чтобы при надобности она без стеснения приходила ко мне в кабинет, и она часто заглядывала в административную поговорить про жизнь, пока не заболела и не умерла.

По истечении некоторого времени в моём сознании эти события переродились и представляются несколько иначе, в другом свете с оттенком юмора и сожалением о тех сложных временах, унесших несколько лет отведённой мне жизни, которые уже никогда не вернуться. Поэтому я решил попытаться воспроизвести в рассказах некоторые моменты, взвалив ответственность за всё на плечи вымышленного Петра Петровича и дополнив их художественным вымыслом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. По сложившимся обстоятельствам

1

Село, о котором пойдёт речь, было большое и перспективное, располагалось на берегу красивой реки и было окружено непроходимой тайгой. И несмотря

на мрачное название – Пожарище (*когда-то давно, ещё в деревянном исполнении, оно выгорело дотла*), имело ряд магазинов, парикмахерскую, бытовое обслуживание, большую птицефабрику «Петушок – золотой гребешок», которая в свою очередь имела скотобойню, и на её балансе стояли: школа искусств, детский сад, общеобразовательная школа и Дом культуры. И, конечно, в селе имелась местная администрация, которая, кроме налогоплательщиков, не имела ничего. Здание этой администрации почему-то располагалось поперёк улицы. Но мы не будем заходить туда и подробно рассматривать изнутри, речь пока пойдёт не об администрации, а о птицефабрике и скотобойне, упомянутых выше. Именно они должны были обеспечить перспективу развития данного населённого пункта. Птицефабрика расширялась и в скором времени должна была перерасти в племенной репродуктор республиканского значения, а скотобойня, соответственно, – в комбинат по переработке мяса птицы. В общем, учитывая всё это, село неуклонно стремилось передовым отрядом ворваться в коммунистическое общество. Поговаривали, что его скоро переименуют, бумаги уже были направлены в Москву (а как же иначе, без неё, матушки, никуда...), и будет оно якобы называться «Путь к коммунизму». Но дальнейшие события перевернули всё, отбросив птичье производство на второй план и выдвинув на первый ту самую администрацию, в которую мы заходить не стали и, как будет видно далее, наверное, зря.

В стране случилась ПЕРЕСТРОЙКА. Бывший комбайнёр с подачи огромного количества демократов, собравшихся во Дворце съездов, стал президентом Великой страны, а кому, как не капитану корабля хлебных полей, с мостика видна вся необъятная ширь этой, с позволения сказать, ГРОМАДИНЫ. Одно только было не совсем удобно, а именно: с комбайна нужно

было пересесть на паровоз, который всегда у нас стоял на революционных рельсах. И комбайнёр, окрылённый доверием такого большого количества демократов, взял и пересел и под революционную песню: «Наш паровоз вперёд летит, в коммуне остановка...» так разогнал этот паровоз, что он, не доехав до коммунизма довольно длинный отрезок пути, неожиданно свалился с рельсов и разбился вдребезги, раскидав все четырнадцать вагонов в разные стороны.

Конечно, он не учёл того, что паровоз это не комбайн, который идёт медленно по широкому полю и с его мостика всё далеко видно. А паровоз, наоборот, мчится быстро по узкой колее и на дорогу глядеть некогда, нужно бросать в топку уголь. И всё же виноват был не совсем он, так как в каждом из четырнадцати вагонов сидел свой вагоновожатый и потихоньку расшатывал сцепки. Они постепенно ослабли, распатались и порвались. И всё же, раз ты назвался президентом, ты уже не комбайнёр и должен был заметить слабые места во вверенном тебе составе. Он, кстати, остался жив и, ошастливленный этим, не оглядываясь, так рванул с места произошедшей катастрофы, что, запыхавшись вконец, остановился только лишь в Германии и, отдышавшись, тут же создал фонд собственного имени, всё-таки, видимо, он спёр часть членских партийных взносов, св... А разбитая машина досталась строителю, построившему огромное количество панельных домов, за что он тоже был допущен в Большой Кремлёвский дворец, где его отловили демократы с хитрым намерением всучить ему этот паровоз. Строитель, в свою очередь, поспешил стать президентом и начал разбирать паровоз на запчасти, чтобы построить новый, но в связи с тем что у него постоянно тряслись руки (*любил приложиться к «Столичной»*), ни хрена у него не получалось. А вагоновожатые попытались свои вагоны катать вручную, пред-

варительно поставив их на подвернувшиеся рельсы, кто на европейские, а некоторые добрались и до американских, результат был такой же, как и у любителя «Столичной».

Вы спросите, а при чем здесь местная администрация? Отвечаю: «Да при том, что она-то, бедная, в конечном итоге пострадала больше всех. Так как в стране начался хаос, каждый старался хапнуть всё, что плохо лежит, и захватить ещё припрятанное на складе. И птицефабрика стала приходить в упадок. Новый директор Хапугин понял, что если он будет содержать котельную, детский сад, школы и клубы, то ему самому утащить будет нечего, и добился в области передачи всех этих объектов в сельскую администрацию, поговаривали, что там у него была лохматая рука, которую он периодически смазывал. Глава администрации Тихонина, привыкшая жить, как говорится, тише воды, ниже травы, услышав об этом, тут же сбежала (и не куда-то в другую область, а сразу за границу, где у неё оказались глубокие корни). Участковый милиционер, поняв, что теперь нужно будет не только писать протоколы, а и наводить порядок на свалившихся на голову объектах, последовал её примеру, напросившись в командировку в Чечню. От чего раньше категорически отказывался, мотивируя свой отказ выпадающей из пупка грыжей. Как оказалось, справка, выданная сельским фельдшером, была куплена за бутылку самогона, то есть липовая. Может быть, они и правильно совершили данный поступок, потому что денег вместе с переданными объектами на их содержание не дали ни копейки.

Может, и не за что их осуждать и сетовать на их непартийное поведение, но к тому времени и многие партийцы, как говорится, смазали лыжи, прихватив с собой часть членских взносов. Но вот администрация осиротела, так же, как село. Лужи на дорогах ста-

ли шире и глубже, частный скот стал бродить по деревне из стороны в сторону, всё пожирая и стаптывая на своём пути, благо, что общественный скот к тому времени уже перерезали за долги и на смазку лохматых рук. Мусор лежал горами у общественных мест, мешая общественникам исполнять свои прямые обязанности. И некому было указать начальствующим перстом на всё это безобразие.

А тут как раз подошло время московскому министерству рассмотреть вопрос о смене наименований населённых пунктов по всей стране, и когда дошла очередь переименования села Пожарища в село Путь к коммунизму, председатель данного сборища, нервно дёрнув головой вспылил:

– Какой к дьяволу Путь к коммунизму! Забыть пора уже и про коммунизм, и про социализм. Наш путь лежит в Европу, навстречу капитализму.

Членам комиссии то ли жаль было денег, затраченных на переименование, то ли лень было возиться с этим. Взяв за основу слово «забудьте» из речи председателя, добавили к наименованию села слово «забытый». И оно приобрело новое звучание, соответствующее текущему времени: Забытый путь к коммунизму Цементно-Шиферного района Энской области. Да, именно там оно и располагалось. И экстренной почтой это странное решение было доставлено в сельскую администрацию, но в связи с отсутствием руководящего эшелона возмутиться было некому и обжаловать данное решение – тоже, а посему оно прочно обосновалось в этих краях. И как бы ни было печально, мне в дальнейшем придётся пользоваться этим наименованием.

2

Пётр Геннадьевич Леваков возвращался в район из областной администрации. Вы спросите: «Кто такой

Пётр Геннадьевич?» Отвечаю без всякой утайки. Леваков – это бывший первый секретарь коммунистического райкома партии Цементно-Шиферного района Энской области. Когда произошла катастрофа с коммунистическим паровозом, он быстренько переписал заявление в другую партию, например, демократическую либо ещё какую, и стал главой администрации всё того же Цементно-Шиферного района. Осуждать его за это не будем, тогда почти все поголовно переписывали какие-то новые заявления, некоторые неоднократно.

Настроение Петра Геннадьевича было ужасное, он по старой привычке, сохранившейся от секретарской работы, поехал в областную администрацию чего-нибудь выпросить для поправки дел во вверенном ему районе.

Но областной «администратор» Михаил Борисович Кислый на его просьбы недовольно ответил:

– Послушай, Леваков, ты зачем припёрся, это тебе не обком партии и не старые времена. Меня самого взашей из Москвы турнули, чтобы я не попрошайничал. Нет у меня ничего для тебя, так что вали в свой район и выискивай внутренние резервы! – и ехидно добавил: – Тут тебе не там!

Пётр Геннадьевич вышел из обл администрации хмурый, как грозовая туча. Ни за что обругал шофёра, тяжело рухнул на сидение автомобиля и, нахохлившись, как мокрая курица, всю дорогу от города вплоть до первого села вздыхал, иногда повторяя:

– Резервы, резервы, чёрт бы тебя побрал вместе с этими резервами!

А первое село на пути главы района как раз было с тем странным именем, которым его нарекли московские прощелыги. То есть Забытый путь к коммунизму. Это была боль Петра Геннадьевича. Проезжая по его улицам, он видел, что лужи всё увеличиваются в

размерах и начинают зацветать, мусорные кучи у общественных учреждений разрослись до невероятных размеров. И общественники уже с большим трудом, на четвереньках, пробирались к своим общественным обязанностям, а бродячий скот до того обнаглел, что готов был запрыгнуть в автомобиль районного главы. И не было до сих пор руководящего перста, указующего на данные недостатки. Никто не хотел занимать покинутое местной властью место.

– Что б вы провалились! – выругался Пётр Геннадьевич, видимо, адресуя эти слова сбежавшим главе местного самоуправления и участковому.

Была и ещё одна причина, по которой так нервничал Леваков: в этом селе много лет назад родился он сам, а его матушка до сих пор жила здесь, и Левакову при встрече было стыдно смотреть ей в глаза. За такое состояние родного села всю вину матушка складывала на неудавшуюся перестройку и на сына, считая его непосредственным участником этого безобразия.

Настроение Петра Геннадьевича окончательно испортилось, и он приказал шофёру остановиться у первого ларька, благо их теперь было полно, они представляли так называемый малый бизнес, дал ему червонец и велел купить бутылку водки. Про закуску я умалчиваю, так как знаю: в таком настроении лучшей закуской является сигарета. Стукнув по дну бутылки, выбил пробку, налил полный стакан и с лёту, без передышки маханул водку до дна, глубоко затянулся сигаретой, услужливо приготовленной шофёром, и, откинувшись на сидении, почувствовал, как сопровождаемое благотворным теплом умиротворение растекается по его жирноватому телу.

Вопреки ожиданиям его не развезло, и мысль с небывалой ясностью заработала в голове Левакова.

«Ну нет, не бывать тому, чтобы я не решил этот вопрос в ближайшее время! – восклицал его разгорячён-

ный выпитой водкой мозг. – По-моему, Колотозов Павел Иванович хвастался недавно тем, что у него отличный заместитель по производству. Мол, без всяких указаний берётся за любое дело, и не было ещё случая, что бы он его не выполнил».

Кто такой Колотозов Павел Иванович? Здесь никакой тайны нет! Павел Иванович занимал должность директора птицефабрики «Золотое яйцо» и был одновременно, не отрываясь от производства, другом Петра Геннадьевича. Но, как говорится, друг другом, а табачок-то врозь. Согласится ли он отдать такого ценного специалиста? На этом месте мысли Левакова стали путаться и, не преодолев наркотического воздействия спиртного и никотина, окончательно отключились.

Шофёр подъехал к дому матери своего шефа, взвалил шефа на плечо (он давно работал с Леваковым, к данной процедуре привык), знал, что его в таком состоянии жене лучше не показывать, в противном случае доставалось и шефу, и его шофёру.

Мать, увидев сыночка в бессознательном состоянии, попыталась разбудить его для принятия пищи. Но поняв, что попытки тщетны, уселась рядом, сложив руки крестом на груди, запричитала:

– Господи, прости его душу грешную, вишь, как умаялся с этой проклятой перестройкой!

Пётр Геннадьевич спал, как говорится, мертвецким беспробудным сном, но во второй половине ночи ему приснились бродячие коровы, которые с остервенением раскидывали кучи мусора рогами, а огромный бык, с красными от ярости глазами, грозно промывчав: «Где внутренние резервы?» – ринулся на него. Леваков вскочил, безумный взгляд его метнулся по тёмной комнате, выискивая, из какого угла выскочит бешеный бык. Леваков, поняв, что это всего лишь сон, вытер обильный пот со лба и, обрадовавшись, ти-

хонько, чтобы не разбудить мать, пробрался на кухню, выхлебал целую кастрюлю щей. Затем снова лёг и начал вспоминать фамилию Колотозовского спеца, которого он хотел заполучить, помнил, что она напоминала что-то такое шустрое, но окончательно не поддающееся его угнетенному спиртным сознанию.

Он, как люди, считающие баранов, чтобы поскорей заснуть, стал перечислять в уме созвучные с «шустростью» фамилии, в надежде отыскать нужную: «Прыгунов, Торопыгин, Скачков, Бегунов, Шустри...» Он опять погрузился в тяжёлый похмельный сон.

3

Павел Иванович Колотозов, директор птицефабрики «Золотое яйцо», сидел за столом своего кабинета и пытался исполнять свои директорские обязанности, но в голову лезли иные мысли, совсем не связанные с его непосредственной работой.

Вчера он ездил в трест «Ни пуха, ни пера», который объединял все птицефабрики области, хотел поговорить с директором треста Мукомоловым за жизнь, так как не мог приспособиться к новым условиям управления производством, без указующего перста компартии. И очень расстроился, потому что при разговоре заметил, что директора треста мало волнуют дела птицефабрик, а всё больше интересуется вопросом состояния финансов на них и возможность изъятия этих финансов без составления отчёта.

«Всё понятно, грабить собирается, сволочь, – подумал Павел Иванович, – хочет из треста в олигархи выпрыгнуть. Ну, нет, с моего хозяйства он и копейки не получит!»

С этими мыслями покинув кабинет директора треста, двинулся на своём газике домой, в посёлок Цементно-Шиферный, где на окраине располагалась его детище – птицефабрика «Золотое яйцо». Как вы

понимаете, и ему не удалось объехать уже известное вам село Забытый путь к коммунизму, а всё потому, что в этот район другого пути не было.

Павел Иванович, вспомнив проезжаемое вчера село, брезгливо поморщился. «До чего же довели, паразиты, деревню, когда-то, совсем недавно, она была самой красивой в районе. А всё этот выскочка, Хапугин, директор птицефабрики «Петушок – золотой гребешок». И на птицефабрику он, поговаривают, попал по благу, якобы сам губернатор Кислый являлся его давним приятелем. Поверить было можно, так как сам Хапугин постоянно к делу и по пустякам напоминал об этом, и ещё потому, что глава района Леваков его побаивался. А ещё, говорят, – размышлял в уме Павел Иванович, – что Хапугин раньше был директором дома престарелых, чему тоже можно поверить, так как однажды Колотозов попытался подсказать что-то Хапугину по птицеводству, на что тот ответил: «Я как-нибудь сам разберусь, старух потрошил, не пропал, а уж куриц ободрать смогу и без подсказки».

Павел Иванович и сам передал все бюджетные объекты с баланса птицефабрики на баланс местной администрации, но в отличие от Хапугина постоянно помогал ей чем мог.

«И всё-таки Леваков, хоть и друг мне, но размазня, – продолжал думать он, – не может прижать распоясавшегося хапугу, который скоро обанкротит хозяйство. Полгода не может найти главу в этот Забытый путь к коммунизму, чтоб ему пусто было». К кому относилось последнее выражение, трудно было определить, да и некогда. На столе директора Колотозова Павла Ивановича зазвонил телефон.

– Аллё, Павел, привет, – раздался в трубке сиплый голос Левакова.

– Привет, Петро, – пробасил Павел Иванович, а про себя подумал: «Лёгкок чёрт на помине».

– Слушай, ты сильно занят? – продолжил разговор Леваков.

– Работы-то полно, да твои дела мне покоя не дают.

– При чём тут мои дела? – удивился глава.

– Да вот ехал вчера по району, вижу, хозяина в нём нет.

– Ну ты в мои дела не лез бы, – отпарировал Пётр Геннадьевич, но вспомнив, что Колотозов – член районной коллегии, имеет большой вес в области, и, кстати, благодаря этому будет легче осуществить задуманное, миролюбиво просипел: – Вот и помоги, если ты такой умный. Я сейчас к тебе приеду, поговорить нужно, но только не в кабинете, давай выедем в лес, на нашу поляну.

Такая поляна у них была, на ней они обсуждали особо важные дела, сопровождая иногда эти обсуждения обильным возлиянием крепких, качественных напитков.

– Ты ничего не бери, я сам всё привезу, – добавил Леваков и положил трубку.

И потому, что голос главы района был вкрадчив и слегка взволнован, и потому, что поляну собрался накрывать он, чего раньше никогда не было, Павел Иванович понял, что разговор состоится серьёзный.

Встретившись, пожали друг другу руки, Павел Иванович внимательно посмотрел в глаза Левакова, тот быстро отвёл взгляд.

«Понятно, сейчас вывалит какую-нибудь фортель», – подумал Колотозов и нетерпеливо потребовал:

– Ну давай выкладывай, что ты придумал?

– Ты бы уж, Павел, как-нибудь полегче, не гони копей, я всё-таки как-никак голова. Давай для начала махнём по сотке, как говорится, для связки слов.

Был июнь, погода стояла прекрасная, Павлу Ивановичу никак не хотелось омрачать день выпивкой, но раз уж съехались, деваться было некуда. Выпили

коньячку, зажевали копчёной курицей (а как же: директор птицефабрики – и без курицы?), и Леваков начал осуществлять свою затею издалека:

– Ну ты, Павел, сам видишь, какая наступила тяжёлая жизнь, ни черта нет, последнее всё растаскивают, работать никто не хочет, на должности все плюют, хотят быть предпринимателями.

– Ты что, мне должность приехал предлагать, что ли? – иронизировал Павел Иванович. – Так у меня она отличная, и ничего другого я не хочу.

– Не перебивай, – обиделся Леваков. – Ты вот утром поддел меня, что я плохой хозяин, и я знаю почему, видимо, вчера ехал через этот чёртов Забытый путь к коммунизму. Я и сам вчера там был, с горя надрался и сегодня ещё в глазах синие огни, вот выпили с тобой, и полегче стало. Давай ещё по одной, – он знал, что Колотозов становился с каждой выпитой рюмкой процентов на пять добрее.

Выпили и закусили ещё, после чего Павел Иванович нетерпеливо спросил:

– Ну, а я-то каким боком к твоему Забытому пути к коммунизму?

– Сейчас всё скажу, ты только выслушай и не возмущайся, войди в моё положение. Я вот весь район перевернул в поисках кандидатуры на пост главы поселения в этот Путь..., будь он не ладен, не могу никого подобрать, наотрез все отказываются, а тех, кто просится, и за версту в администраторы подпускать нельзя, там, правда, брать нечего, но они и стены растащат.

– И всё-таки я не могу понять, от меня-то ты что хочешь? – нетерпеливо спросил Колотозов.

– Да не спеши ты, давай ещё по одной маханём, – предложил Леваков в надежде на окончательную и бесповоротную доброту своего друга.

Павел Иванович, уже слегка подогретый выпитым, предложение принял беспрекословно. Выпили,

загрызли куриной косточкой, и Пётр Геннадьевич, шкурой чувствуя, как добреет его товарищ, уже смелее пошёл в атаку со своей идеей:

– Павел, только ты можешь помочь мне в решении данного вопроса.

– Это каким же образом? Взять шефство, что ли, над этим селом? Так у меня своего хватает.

– Да нет, шефства брать не нужно. Помнишь, ты говорил, что у тебя есть заместитель, который может без указки решать любые вопросы?

– Да ты с ума сошёл! – догадался Павел Иванович, в чём дело. – А я, по-твоему, что без него должен, сам по фермам бегать, он же, кроме того что заместитель, ещё и ветеринарный врач. А тут ещё директор треста какую-то хитрость задумал – олигархом хочет быть, а ты меня хочешь один на один оставить с этими проблемами? Ещё друг называется!

И окончательно раздосадованный, отшвырнув зажатый в руке пустой стакан, двинулся к своей машине.

«Вот, дьявол, поспешил, недобрал, как видно, Павел доброты, надо было ещё по одной врезать», – горестно думал Леваков. Оставался последний козырь в его колоде, он был постыдный, но делать было нечего. Павел Иванович, как настоящий мужик, не переносил женских слёз, и они (в основном жена, но может, ещё две-три любовницы), зная об этом, как говорится, вили из него верёвки при надобности. Вот этим и решил воспользоваться Леваков, он догнал уже садившегося в машину Колотозова и потянул его за рукав, тот хотел отмахнуться, но в последний момент обернулся – и замер: по широкому лицу главы района катились две крупные, величиной с горошину, слезы. Павел Иванович растерялся, не переносил-то он женских слёз, а тут на тебе – здоровенный детина ревёт. У него возникло двойственное чувство, одно было за то, чтобы как следует врезать по этой слезливой физи-

ономии, другое, которое росло ежесекундно, подогреваемое выпитым коньяком, – чувство непреодолимой жалости к приятелю. Второе победило. Он взял Левакова под руку, и они вернулись к насиженному месту. И чтобы сгладить как-то растущее чувство неловкости, выпили по полному стакану коньяка.

– Ну что ты нюни распустил? – миролюбиво пробашил Павел Иванович. – Мне и самому не по нраву беспорядок в этом Забытом пути... Едешь и думаешь, что сейчас свиньи, которые развалились во всех лужах, выскочат из них и перевернут машину. Но почему ты докопался до моего заместителя, у него и фамилия не подходящая для этой должности, – попытался привести последний аргумент для отмазки Колотозов, – какой-то Неугомонный, был бы Председателев или Бюрократов – другое дело.

– Самая что ни на есть подходящая фамилия, – вытерев слезу и чувствуя, что приятель постепенно сдаётся, выпалил Пётр Геннадьевич, – туда и нужен как раз неугомонный человек, там не придётся рукава жевать. Ну что, отдаёшь? А я тебе за это... – но вспомнив, что в районе ни черта нет и дать при всём желании нечего, замолчал на полуслове.

В этот момент коньяк окончательно сделал Павла Ивановича добрым, и, не взяв ничего взамен, он согласился и сдал Неугомонного Петра Петровича, заместителя и ветеринарного врача, окончательно и безвозвратно.

Приятели пожали друг другу руки, выпили ещё по стакану, спели «Реве та стогне Днипр широкий» и начали собираться по домам. Но если уважаемый читатель обладает крепкой памятью, то он должен помнить, что жена Левакова не терпела мужа в таком виде, и он, сев в машину лицом к окну, натянув тёмные очки, приказал вести его к матери, то есть в Забытый путь к коммунизму.

Людам, встречающимся на его пути, казалось, что глава внимательно смотрит в окно автомобиля на свои муниципальные владения (*этот момент желатель-но тоже запомнить*), но Леваков, довольный исходом дела, умиротворённо спал и во сне видел, что он нашёл, в конце концов, эти проклятые внутренние резервы и так вцепился в них, что у него онемели руки.

Павел Иванович последовал его примеру, направился домой, но в отличие от приятеля, улёгшись дома в постель, долго не мог заснуть, обдумывая совершённый им поступок, а хмельные мозги отказывались окончательно домыслить его деяния. И он, в конце концов, погрузился в тяжёлый сон. Во сне ему снилось, что он с ветеринарной сумкой бегаёт по птицефабрике за крупным петухом, чтобы дать ему витамины, но догнать никак не может. И когда уже Колотозов, выбившись из сил, выронил из рук пакет с витаминами, петух вдруг остановился и, обернувшись, прокукарекал: «Ну что ты натворил, куры-то теперь передохнут». И с размаху долбанул своего преследователя в темя.

Павел Иванович закричал и проснулся, липкий пот заливал глаза, в ушах звенело, за окном брезжил хлипкий рассвет. Он вытер пот, натянул штаны и, отмахнувшись от вопросов жены, двинулся на птицефабрику: а вдруг что-то не так с курами, проклятый петух растревожил воображение директора.

4

И вот, уважаемый читатель, наконец-то настало время познакомиться с главным героем нашего повествования, то есть с Петром Петровичем Неугомонным.

Соответствовала ли его фамилия действиям Петра Петровича, мы ещё неоднократно проверим по мере развития происходящих событий и убедимся, оправдывает ли она своё звучание либо нет.

Что же касается визуального наблюдения за данной фигурой, скажу прямо, что она, фигура эта, не отличалась какими-то выдающимися особенностями. Пётр Петрович был человеком среднего роста, достаточно широк в плечах и прилично упитан. Обладал живым умом, иногда умел мыслить нестандартно и тогда получал замечание либо очередной выговор (не мысли нестандартно без указания партии, так как она наш рулевой и честь и совесть наша). Лицом был приятен и женщинам, несомненно, нравился, особенно дояркам и птичницам, но он предпочёл своё сердце отдать экономисту Вареньке, причина выбора нам не известна. Да и бог с ней, не в этом дело. На птицефабрике «Золотое яйцо» работал ветеринаром, отдавая, как говорится, всю душу курам, иногда петухам, в зависимости от настроения. И как он думал, его безупречный труд удовлетворял директора птицефабрики Колотозова, так как тот сделал Петра Петровича своим заместителем и полностью доверял ему. Ан нет, как мы видим, доверие оказалось неполным, но бедный ветеринар пока об этом не знает, и мы будем молчать. Пусть эта печальная весть придёт к нему от других.

В тот день, когда Колотозов встречался с Леваковым, Пётр Петрович запряг в дрожки мерина Рыжку и двинулся в соседнее село Забытый путь к коммунизму, будь оно не ладно. Зачем его туда понесло? Да всё очень просто, по ветеринарным делам. У него кончилась вакцина, которую должны были завезти скоро в хозяйство, но так как он был неугомонный, решил поехать на птицефабрику «Петушок – золотой гребешок» к своему приятелю Тришкину, чтобы взять эту злополучную вакцину взаимы.

Приятель Тришкин очень обрадовался приезду Петра Петровича, купил ящик пива, и они, вспоминая студенческие годы, под пивко, которое иногда, между делом сдабривали водочкой, развели длитель-

ные дружественные переговоры, как говорится, дебаты. Но сколько не дебатируй, а всяким речам приходит конец, и новые на ум не идут, поэтому Пётр Петрович, погрузив в дрожки занятую в долг вакцину, дёрнул вожжи, и Рыжка засеменял в родной Цементно-Шиферный посёлок. А надо сказать, что путь-то для лошади был неблизок – около тридцати километров, это не то что на машине: нажал на газ – и уже дома, а лошадка топ-топ – и всё как бы на месте. Но долго ли коротко, половину пути преодолели, и тут пиво, выпитое у друга, начало проситься наружу, как раз место для его освобождения подобралось подходящее. Дорога спустилась вместе с лошадыю под гору и впереди торчала такая же гора. Пётр Петрович покинул дроги и занялся естественным изгнанием лишней жидкости из организма. Что интересно, Рыжка, хоть он и не употреблял пива с водкой, начал подражать хозяину. И всё уже подходило к концу, как вдруг чёрная «Волга» вылетела из-под горы и понеслась прямо к виновникам естественного процесса.

Я просил вас, уважаемый читатель, запомнить, что с поляны переговоров шофёр повез главу администрации района Левакова к матери, в село Забытый путь к коммунизму, прямо навстречу Петру Петровичу. Встреча, будь она трижды неладна, произошла в такой морально неприглядной обстановке.

Ветврач Неугомонный остолбенел: «Волга» не лошадь, она так стремительно летела, что Пётр Петрович не успел отвернуться, и ему показалось, что взгляд главы внимательно и с укором смотрит прямо на него, а ему ещё никогда не приходилось показывать непотребные места своего тела высокому начальству, сердце ветеринара ушло в пятки. Рыжка тоже, словно почувствовав неладное, съёжился и взбрыкнул. Мы-то с вами знаем, что Леваков спал, а бедные Неугомонный и Рыжка – нет!

Дальше они передвигались как в бреду, с трудом вспоминали потом, как добрались до дома, как Пётр распяг Рыжку, придя домой, отказался от ужина, на уговоры и расспросы Вареньки не отвечал, всю ночь не спал, бродил по комнатам, повторяя: «Я пропал, я пропал, какая же я скотина, не мог потерпеть! После такого конфуза как я буду жить в этом районе!» Варенька так ничего от него не добила, а он, лишь только забрезжил рассвет, пошёл на птицефабрику прощаться с курами и петухами, а может, с птичницами, кто знает.

В это время директор птицефабрики Колотозов, как мы помним, тоже пошёл на птицефабрику, чтобы убедиться, что с курами ничего не случилось, а заодно уличить приснившегося ему петуха во лжи. Проходя мимо первого попавшегося на его пути птичника, Павел Иванович увидел, что дверь в него открыта. «Воры», – первое, что пришло ему на ум. И он, взяв обрезок трубы, валявшийся у двери, двинулся тихонечко в птичник с твёрдым намерением ахнуть этой трубой вора по его бессовестной голове.

Но заглянув внутрь, замер, открыв рот от удивления. На полу сидел ветврач Неугомонный и, держа на коленях большого петуха, кормил его витаминами, по щекам его катились крупные слёзы. *«Не многовато ли слёз в этом повествовании?» – спросите вы. Отвечаю: «А как быть иначе, такая вот вредная жизнь у жителей данного района!»* Петух был тот самый, что приснился Колотозову во сне, и Павел Иванович, убедившись, что петух не умеет разговаривать, а молча пожирает витамины из рук ветврача, тихонько прикрыл дверь, бросил трубу и медленно двинулся в контору, размышляя по дороге: «Какая же тварь успела рассказать Неугомонному, что я его так подло пропил?» Он и не подозревал о случившемся на дороге.

Пётр Петрович погладил ещё раз любимого петуха, вытер горючую слезу и тоже двинулся в контору, в отдел кадров, с твёрдым намерением быстро уволиться и уехать подальше – к киргизам, например. Но по дороге заглянул на конный двор, чтобы проститься с любимым конём Рыжкой, и эта задержка все замыслы Петра Петровича свела к нулю.

Пока он гладил морду своего коня (заметьте, про слёзы я умышленно умалчиваю), в отдел кадров поступила депеша из районной администрации, которая предписывала ветврачу Неугомонному немедленно явиться к главе района Левакову Петру Геннадьевичу. Инспектор отдела кадров кинулась на поиски Петра Петровича, а он тут, как и был, собственной персоной устремился навстречу ей. Услышав предписание, побледнел и хотел упасть, но инспектор была крепкой женщиной и, подхватив ветврача за талию, накрепко прислонила его к стенке.

«Не успел, – горько подумал Пётр Петрович», – и, понуриив голову, пошёл запрягать Рыжку, до районной администрации путь был неблизким.

5

Приехав на административную площадь, Неугомонный убедился, что районная бюрократия не спит, кругом стояли чёрные и белые «Волги», «УАЗы» в новом исполнении, под названием «Патриот», что уличало их в бессовестной лжи, так как это слово было выведено крупными английскими буквами, и было ясно, что для России они уж точно не патриоты. Машины презрительно взирали своими вылупленными фарами на Рыжку, на что ему было глубоко наплевать, его этими фарами напугать было нельзя, он привык видеть технику покрупче: К-700, например, либо комбайн, поэтому он тоже презрительно фыркнул на них и стал поедать брошенное Петром Петровичем пря-

мо на крыльцо администрации сено, прихваченное именно для этой цели.

Пётр Петрович же, опустив понуро голову, как подневольный рекрут, стал медленно подниматься на второй этаж, где располагался кабинет районного главы. Открыв дверь в приёмную, он увидел районного начальника милиции Михаила Михайловича Горохова, который, как видно, только что вышел из кабинета Левакова, лицо Горохова было потным, руки тряслись, ноги подкосились, и он, не имея сил идти дальше, упал на стул в приёмной, секретарша Лидочка отпаивала его водой.

Пётр Петрович поздоровался со всеми. С Гороховым – за его трясущуюся руку. Они были знакомы довольно давно и, как говорится, близко, их связывала общая тайна. Об этом нельзя не рассказать. Есть надежда, что вы её сохраните тоже. Однажды птицефабрику ограбили, и Неугомонный как заместитель по производству обратился в районную милицию, непосредственно к начальнику, и, надо сказать правду, не всегда милиция бездействует, уже через несколько часов украденные яйца вернулись на прежнее место, а воры отправились в КПЗ.

Горохов лично сопровождал похищенное, и Пётр Петрович, обрадованный таким исходом дела, решил отблагодарить начальника милиции. Пригласил его в свою ветеринарную аптеку, где у него в значке стояла литровая бутылка спирта. Горохов по сравнению с Неугомонным выглядел как Илья Муромец в сравнении с Алёшей Поповичем, но это было не главное, а вот как он умел пить и закусывать, на это нужно было посмотреть. Спирт девяносто шести градусов он пил неразведённым и сразу по полному стакану. Если учесть то, что Пётр Петрович на каждый выпитый Гороховым стакан выпивал один глоток (а через два часа бутылка опустела и три жареные курицы

тоже были отправлены в утробу начальника милиции), то можно себе представить, в каком состоянии он был. Уже плохо соображая, Горохов, видимо, представил, что он на задании и командует взводом милиционеров, выкрикивая команды. Он выхватил пистолет и, размахивая им, стал метаться по аптеке, разбрасывая медикаменты и переворачивая муляжи различных органов животных, предназначенные для обучения животноводов.

«Всё, конец», – подумал тогда Пётр Петрович и, закрыв голову руками, упал на пол.

К счастью, патронов в пистолете не оказалось, видимо, зная свой крутой нрав, начальник на такие встречи их не брал. Вместе с шофёром Горохова, который не принимал в попойке участия, Пётр Петрович кое-как усадил Горохова в машину, и тот покинул территорию птицефабрики.

Но на этом история не закончилась. Рано утром Неугомонного разбудил телефонный звонок, в трубке послышался взволнованный голос Горохова:

– Пётр, мой пистолет у тебя?

– Нет, я к твоему пистолету не прикасался, – озадаченный таким вопросом, ответил Пётр Петрович.

– Ну всё, мне конец, – послышался в трубке (уже плаксивый) тон начальника милиции.

– Да подожди ты впадать в панику, приезжай, посмотрим в аптеке, куда он денется!

– Еду, – несколько бодрее выпалил Горохов.

Обыскали всё, пистолет как сквозь землю провалился, обессиленный начальник милиции повалился на стул, тяжело дыша, чувствуя свой близкий конец. За потерянный пистолет можно не только лишиться должности, но и загреметь по соседству ко вчерашним ворам. И тут его взгляд упал на безобразный муляж.

– Это что за гадость? – раздражённо спросил он.

– Это муляж детородных органов коровы, – кротко ответил ветеринар.

Горохов с отвращением взял эту штуку в руки и заглянул внутрь. Вдруг он, радостно вскрикнув, хотел поцеловать муляж, но, вовремя одумавшись, плюнул и, улыбаясь, вытащил из него пистолет.

Вот такой случай вспомнил Пётр Петрович, увидев в приёмной Горохова, и спросил:

– Что, опять потерял?

– Опять, – понуро кивнул тот головой, – вот с работы выгоняют к чёртовой матери, так мне, дураку, и надо!

У Петра Петровича внутри всё оборвалось.

«Ну раз Горохова выгоняют, значит, и меня попрут из района, видимо, сегодня в администрации день такой, зачистка виновных идёт», – горестно подумал он.

И тут секретарша Лидочка пригласила Петра Петровича Неугомонного в кабинет Левакова, то есть на голгофу, как подумал он.

6

Пётр Петрович трясущимися руками приоткрыл двойную тяжёлую дверь и, можно сказать, медленно просочился в образовавшуюся щель.

– Здравссти... – выдохнул он и, оглядев огромный кабинет, уселся на первый стул, стоящий у самой двери.

Расстояние между собеседниками было достаточно большое. Леваков хотел пригласить будущего коллегу поближе, но вспомнил, что устойчивый перегар от выпитого вчера коньяка ничем не удалось погасить, подумал: «Пусть сидит там, а то ещё подумает, что я пьяница». Честь конторы Левакова научила блюсти партийно-секретарская должность.

В свою очередь Неугомонный подумал: «Хорошо, что далеко сажу, а то несёт перегаром со вчерашне-

го». Честь конторы его никто не учил блюсти, но животные, которых он лечил, не переносили запах перегара.

– Здравствуй, здравствуй, Пётр Петрович, – хотел бодро провозгласить глава, но двухдневное угнетение организма спиртными напитками позволило этому организму лишь угрюмое сипение, после которого Неугомонный зябко съёжился.

Исходя из такого состояния организма Леваков решил, как говорится, не тянуть кота за хвост, а сразу приступить к делу:

– Ты в селе Забытый путь к коммунизму давно был?

– Да был как-то, – ещё на что-то надеясь, неуверенно прошептал Пётр Петрович.

– Понастроили ларьков, нажрутся водки и пива, а потом гадят где попало, – зло просипел глава, имея в виду общее состояние обсуждаемого объекта.

Пётр Петрович же принял этот неприглядный факт на свой счёт и тихо, почти шёпотом, попытался оправдаться:

– Я не виноват, это всё Тришкин, давай да давай, а тут ещё пиво с водкой, вот и пришлось останавливаться на полпути, а Рыжка тоже не виноват, он ведь конь и, глядя на меня, произвольно...

«Что он там шепчет? – думал Леваков. – Под дурачка, что ли, косит? Вот, Колотозов, паразит, решил меня провести, научил, видимо, этого архаровца, мол, представься дурачком, от тебя и откажутся. Ну нет, меня не проведёшь», – а вслух сказал:

– Я вот тут долго размышлял, где мне найти хорошего руководителя, чтобы без лишних указаний мог, проявляя инициативу, навести порядок в этом селе, и лучшей кандидатуры, чем твоя, не нашел.

«Издевается», – подумал про себя Неугомонный, потом опять просительно пролепетал:

– Вы уж простите, Пётр Геннадьевич, я больше не буду!

– Хватит придуриваться! – гневно выпалил Леваков. – Эти ваши придумки с Колотозовым не пройдут, завтра увольняйся – и в село Забытый путь к коммунизму! Будешь там главой!

Пётр Петрович никак не мог понять, о каких придумках идёт речь, но то, что он получает новое назначение, до него стало доходить. И тут же от сердца отлегло, плечи расправились сами собой, и он заулыбался.

«Вишь, как власть-то любит», – подумал Леваков и ошибся, Пётр Петрович ненавидел партийно-профсоюзную и другую общественную деятельность. *(Почему? Об этом я постараюсь рассказать вам в следующей главе.)*

Реакция же на предложение была естественная, а как же, человек шёл в кабинет в твёрдой уверенности, что его изомнут, размажут и выбросят за пределы данного района, а тут такой поворот. И ещё толком не осознав происшедшее, он твёрдо сказал:

– Я согласен, – и, подумав, добавил: – А можно, я Рыжку с собой заберу?

– Ну вот и хорошо, – удовлетворённо сказал Леваков, – а то начал тут дурака валять, я замыслы Павла Ивановича сразу раскусил. А конь тебе там не нужен, в администрации «москвич» имеется.

Петра Петровича весть эта не обрадовала, что ему был этот «москвич» – куча железа, а вот Рыжка – это настоящий друг.

И лишь покинув кабинет главы районной администрации, Пётр Петрович осознал, куда он засунул свою несчастную голову. Рыжка тоже, почувствовав неладное, понуро опустив голову, не спеша двинулся в сторону птицефабрики. С горя ветврач завернул к пенсионерке Лукинишне, у которой недавно кастрировал боровка, и выпил кружку самогона.

Павел Иванович, директор птицефабрики, узнав, что Неугомонный дал согласие, открыл сейф и, налив стакан водки, опрокинул его в широко раскрытый рот, видимо, тоже с горя, что лишился ветврача.

Пётр Геннадьевич, глава района, тоже открыл сейф, достал бутылку коньяка, налил полный стакан, видимо, с радости, что удалось так хитро повернуть задуманное. Но вспомнив, как он унизился перед Павлом Ивановичем, пустив слезу, налил ещё полстакана и отправил его вдогонку за первым, видимо, от стыда.

И они, не сговариваясь, все трое, одновременно произнесли в сердцах: «Чтоб он провалился, этот Забытый путь...!»

Но это было сказано от обиды и никак не со зла, так как каждый из них хотел, чтобы в этом селе высохли вонючие лужи, свиньи бы перестали бросаться под колёса, а бродячий скот – нападать на «Волгу» главы района.

Глава вторая. Прощание. Напутственное слово главы района

1

На следующий день все описываемые в первом повествовании действующие лица, несколько угнетённые выпитыми спиртными напитками, кто как мог избавлялись от остаточных явлений действия этих самых так называемых напитков. Глава района Левakov Пётр Геннадьевич, как вы догадываетесь, опять ночевал у матушки, по известной нам всем причине, и теперь ему предстоял неприятный (*и это мягко сказано*) разговор со своей любимой женой. Матушка же опять сварила вкусный борщ, и вот он-то, съеденный в объёме полуведёрной кастрюли, помогал Петру Геннадьевичу справиться с этими вредными остаточными явлениями.

Павел Иванович Колотозов под монотонное ворчание жены, на которое он не обращал внимания, выпил десять больших чашек кофе, однако от паршивого настроения не мог избавиться никак. В голове его постоянно крутился свершённый им подлый по отношению к Петру Петровичу поступок. Он проклинал выпитый им вчера коньяк, село Забытый путь к коммунизму и своего друга Левакова, но было уже поздно, сделанного назад не вернёшь.

И лишь одна Варенька, жена Петра Петровича, узнав всю горькую правду о случившемся, налила большую кружку огуречного рассола и, пока её Петенька пил этот божественный в таких случаях напиток, сочувственно гладила его по взлохмаченной голове, нежно шептала на ухо:

– Ничего, друг мой, мы с тобой нигде не пропадём, я за тобой хоть на край света!..

И то ли рассол, то ли сказанные слова любимой жены благотворно подействовали на одурманенную вчерашним самогоном голову Петра, она просветлела, сердце стало биться ровно. Он почувствовал, что с такой женой ему, и правда, море по колено. И лишь одно сейчас мучило Петра Петровича, как он с запахом перегара будет прощаться с мерином Рыжкой, тот ненавидел этот дрянной запах.

И вот тут, мой дорогой читатель, глядя на страдания этих в принципе не плохих людей, я хотел бы дать тебе дельный совет (хотя заранее знаю, куда ты меня пошлешь): «Никогда не пейте этой дряни – так называемых спиртных напитков, особенно если это водка, а того хуже – самогон, ну разве что граммов сто коньячку. Хотя, если сказать правду, это такая же дрянь, после которой можно натворить таких неприглядных дел, что не хватит жизни, чтобы отмыться от позора! (Ух, вот это я дал! Даже у самого мороз по коже!..)

Пётр Петрович допил рассол, нежно поцеловал Вареньку и, окрылённый её словами, уверенно двинулся в контору птицефабрики, чтобы получить расчёт и проститься с товарищами по теперь уже прошлой работе. На конный двор он решил пока не заходить, подумал: «Пока получаю расчёт, перегар может и выветриться».

Прежде всего он зашёл в кабинет директора Колотозова Павла Ивановича. Тот сидел угрюмый, но при виде Петра Петровича несколько просветлел. А вот в глаза своего зама, чувствуя свою вину, он посмотреть не смел. Но как-то так само по себе случилось, постепенно разговорились, как в прежние времена, и стало ясно, что всё произошло по стечению непредвиденных обстоятельств. Достаточно было Петру Петровичу отказаться от предлагаемой должности, и всё бы осталось по-прежнему (*в общем, всё как обычно, всегда крайний стрелочник*). Пока шли прощальные переговоры, секретарша оформила все необходимые документы для перевода на другую работу ветеринарному врачу Неугомонному Петру Петровичу и, вручая их, сочувственно вдохнула, то ли она жалела, а может, как и птичницы, втайне любила его, что, в общем-то, почти одно и то же, нам это неизвестно, да и не обязательно знать.

На прощанье директор наговорил массу добрых слов своему бывшему заместителю, что убедило Петра Петровича поверить в то, что он действительно был дорог Колотозову, так как тот ещё никогда и никому не говорил столько лестных слов. В конце разговора Павел Иванович позвал своего шофёра и наказал отвести Неугомонного до пункта нового назначения. Но тут, растроганный таким обращением, Пётр Петрович понял, что в эту минуту ему ни в чём отказа не будет, и попросил:

– Павел Иванович, а можно я для поездки возьму мерина Рыжку?

Обрадованный тем, что хоть что-то может сделать доброго на прощание для своего, как оказалось, любимого заместителя, Колотозов с радостью выпалил:

– Конечно, если хочешь, можешь вообще оставить его себе, пусть это будет тебе премия за хорошую работу.

Уважаемые читатели, вы бы видели, как обрадовался этот самый мерин Рыжка, каким-то чутьём догадавшийся, что разлука с другом откладывается на неопределённое время. Глаза его сияли, он, простив запах перегара, облизал своим шершавым языком лицо Петра, для него он был просто Пётр без всяких отчеств и званий. Поверьте мне, бывшему ветеринару, что нет преданней и ласковей друга, чем полюбившее тебя животное, они не могут совершить подлость, продать тебя за понюшку табака, бросить в трудную для тебя минуту либо обобрать до нитки. Жаль, что нет такой школы, где человек мог бы научиться настоящей дружбе у младших своих братьев – животных. Но это всё лирика.

2

Пётр Петрович запряг в дрожки Рыжку и поехал в администрацию Цементно-Шиферного района получить письменное распоряжение о своём назначении. На площади всё так же стояло скопище лупатых машин, глядя на них, Рыжка презрительно фыркнул, хотел лягнуть ближайшую «Волгу», но вовремя вспомнил, что она железная, и оставил её в покое: «Чёрт с ней, где-нибудь на ухабе сама развалится».

Пётр Петрович тем временем поднялся на второй этаж и распахнул дверь в приёмную главы района, по привычке ожидая увидеть там начальника милиции Горохова, но его не было.

«Уволили», – подумал Неугомонный и попытался открыть дверь в кабинет Левакова Петра Геннадьевича, но секретарша Лидочка, выпятив свою тощую грудь, намертво перекрыла путь в апартаменты своего шефа.

– Петра Геннадьевича там нет, – взвизгнула она, – распоряжение о вашем назначении подписано, и я сейчас вам его выдам, под подпись, – уже более ровным голосом сообщила Лидочка.

И в это время из кабинета раздался грубый сухой кашель.

Лидочка врала и по тому, что она это делала без смущения, Пётр Петрович понял, что врать ей приходилось часто.

А врать естественно её заставлял шеф, вот и сегодня, заходя в кабинет, строго наказал:

– Меня сегодня ни для кого нет!

И сделано это было по двум причинам.

Первая – это царапина на лице Левакова и бурый фингал под его левым глазом, видимо, прежде чем пойти на работу, шеф района наконец-то повстречался с женой.

Вторая – это беспомощность районного руководства. Попав в новые условия переходного периода, они практически потеряли всё. И власть над различными структурами управления (при райкоме партии эта власть была неограниченной). И финансовую поддержку (новое руководство страны под управлением строителя господина Ель-Цина довела эту страну, как говорится, до ручки), работники бюджетной сферы месяцами не получали заработную плату, а пенсионеры пенсию.

«Вот сейчас заявится Неугомонный, нужно будет что-то врать про оказание помощи в работе, а какую помощь я могу оказать, самому кто бы чего дал, – угрюмо перекатывалось в голове Левакова. – Лозунги

ему мои не нужны, так что пусть едет на место, встретимся как-нибудь позже».

Но Пётр Петрович был не из робкого десятка и, услышав кашель, оттолкнув Лидочку, вошёл в кабинет. Увидев вновь испечённого главу, от неожиданности Леваков поперхнулся и закашлялся ещё сильнее.

За спиной Неугомонного маячила Лидочка и верещала:

- Я не пускала, он сам, хам какой-то!
- Выйди вон! – взревел Леваков.
- Это вы мне? – вспыхнул Пётр Петрович.
- Нет, вот этой свиристелке!

Лидочка кубарем выкатилась в приёмную, захлопнув за собой дверь.

Глава района, глядя на Петра Петровича, сразу остыл, почувствовав, что этот, казалось бы, по его разумению, какой-то ветеринаришка, не позволит орать на себя «Выйди вон», и, опустив голову, чтобы не видны были следы встречи с любимой супругой, спокойно спросил:

– Чего тебе, распоряжение получай и езжай в свой Забытый путь к коммунизму, нечем мне тебе помогать, нет ничего в районе лишнего, – и, вспомнив недавнюю встречу с губернатором Кислым, добавил: – Изыскивай там, на месте, внутренние резервы.

Пётр Петрович, обескураженный такой встречей с новым шефом, понял, что он теперь остался один на один со всеми проблемами этого неизвестного для него села Забытый путь к коммунизму. Выехав из Цементно-Шиферного и направив Рыжку к новому месту назначения, задумался о своей не совсем удачной прошлой жизни и о том, почему он ненавидел партийно-профсоюзную деятельность, которая неоднократно меняла его судьбу не в лучшую сторону.

Глава третья. Думы о прошлом. Любовь к научному коммунизму

1

День был солнечный, несмотря на плохое настроение Петра Петровича, прекрасный, и, прислушавшись к ровному цокоту копыт, пригревшись на солнышке, он постепенно успокоился, мысли о прошлом потекли широкой рекой.

Уважаемый читатель, давай и мы окунёмся в эту реку, не спросив на то позволения у владельца мыслей, в связи с тем, что мы разошлись с Петром Петровичем во времени их воспроизведения.

Пётр Петрович иногда задумывался и не мог найти ответа на вопрос: «Почему в любом учебном заведении либо на службе ему обязательно навязывали выполнение общественных поручений? Может, потому, что он был довольно общителен и быстро находил ответы на многие поставленные вопросы. А может, лицо у него было такое, что доверием его невозможно было обойти, а может, и то и другое вместе взятое. Ну, в общем, не суть важно. А выполнять общественные поручения было нужно, и он выполнял их по-своему, иногда вразрез с мнением вышестоящего руководства.

В школе он начиная с шестого класса был избран на совете пионерского отряда редактором стенной газеты, видимо, за то, что неплохо рисовал. И в первом же номере нарисовал Ирочку Иванову. На одной карикатуре – с большими ушами, примкнувшими к замочной скважине, на другой – с длинным языком, которым она на ухо доносила очередную клевету классной руководительнице, а в связи с тем что классной руководительницей была её мать, Петю Неугомонного понизили в должности, он стал простым членом редколлегии.

В ветеринарном институте его неожиданно избрали старостой мужского (*хорошо, что не женского*) общежития. Хотя он был лишь второкурсником, а были ещё третий, четвёртый и пятый курсы. И, как ни странно, он нашёл общий язык со всеми, в общаге, говоря студенческим языком, был порядок. Все неприятности от общественной деятельности начались позже, когда Пётр Петрович приступил к основной трудовой деятельности, то есть был назначен ветеринарным врачом, допустим, фермы № 2 совхоза «Бесеребряный» села Орловки Чудовского района.

Надо сказать, распределение в данное село ему не понравилось сразу, и не потому, что везде была непролазная грязь, и даже не потому, что ферма была заражена бруцеллёзом, а по двум другим причинам. Первая – что единственным развлечением в селе (*не считая деревянного полуразвалившегося клуба*) была пьянка. В праздничные дни скотники и доярки, загуляв, по два-три дня не выходили на работу, и тогда приходилось коров кормить вдвоём с бригадиром, а когда выходили на работу доярки и скотники, в запой уходил бригадир, и тогда приходилось уже работать и за него.

Вторая причина – это конкуренты. Их было двое: первый – санитар Берегуля Афанасий Семёнович, он окончил ещё до революции, видимо, месячные курсы коновалов и считал себя докой в ветеринарном деле.

Второй была Анна Филипповна Бинидиктова, она имела уже более устойчивую квалификацию, окончила полугодовые курсы санитаров.

И так бы бог с ними, санитары, они, конечно, необходимы, но дело в том, что между ними велась жестокая битва за оказание помощи животным частного сектора. Их вызывали жители села, у которых заболел домашний скот, либо нужно было делать кастрацию боровков или бычков (*уважаемый читатель,*

для тех, кто не знает, что это такое, поясняю: кастрация – это избавление самцов от всего, что находится ниже пояса и мешает танцевать).

Лечение проводилось соответственно полученным знаниям и приобретённому опыту. Афанасий Семёнович не признавал никаких медикаментов, после проводимой кастрации он плевал на зияющую рану и засыпал её золой, и при этом нашептывал: «У медведя боли́, а у борова или бычка (*зависело от того, кого он подвергал этой экзекуции*) заживи». После чего выпивал положенную ему за это бутылку водки и медленно удалялся восвояси.

Если у коровы возникал мастит (*поясняю для тех, кто ни разу не болел маститом – это воспаление находящихся на груди выпячиваний, на которые одевается лифчик. Мужики, не ломайте голову, вас это не касается*), Афанасий Семёнович нагревал в печи два кирпича и заставлял хозяев растирать этими кирпичами выпячивание, попросту говоря, вымя у коровы. (*Представляю, если бы он женщин заставил горячими кирпичами растереть озвученное выше место, от Афанасия Семёновича осталось бы только мокрое место.*)

У Анны Филипповны всё было ещё проще, кастрацию она проводила более-менее по правилам, а всё остальное лечила водкой. Заболела, к примеру, свинья воспалением лёгких, Анна тут же ей вливала стакан водки внутрь, два себе, и, пока ей не давали вторую бутылку, она не уходила. Процент выживаемости был очень мал. Но люди, приглашая Анну, исходили из того факта, что он всё-таки был.

И получалось так, что после таких лечебных мероприятий все прибегали к Петру Петровичу за помощью. Ему потом приходилось долго лечить этих животных. Но, что самое странное, так это упорная тупость местного населения, люди почему-то сразу не обращались к Петру Петровичу, хотя он

неоднократно доказал свои компетентность и старание, а бежали к нему лишь доведённые до отчаяния некомпетентными лекарями. И в конце концов ему это надоело. После очередной неудачной операции, проведённой Афанасием Семёновичем, Пётр Петрович на вызов не пошёл. Животное отдало, не знаю кому, но отдало душу, в общем, приказало долго жить.

Петра Петровича за этот случай начальство пожурело слегка, но в общем поступок признало правильным. А местное население с тех пор, кроме как Петра Петровича, никого признавать не хотело, даже если это был самый главный ветврач района. А что же конкуренты? А они, потеряв спрос на свою деятельность, забыв распри между собой, объединились и начали вынашивать идеи мщения новому светилу ветеринарного дела.

2

Но первые неурядицы, понизившие авторитет Петра Петровича, всё-таки были не от них. Вот тут-то как раз и подвела общественная деятельность. Как только он приступил к выполнению ветеринарных обязанностей на данном участке трудового фронта, его немедленно пригласил к себе парторг совхоза «Бессеребряный» Владимир Васильевич Идеиный и задал несколько классических партийных вопросов:

– Товарищ Неугомонный, вы, надеюсь, член Ленинского Комсомола?

– Да, – гордо ответил Пётр Петрович. Он внимательно и с большим удовольствием изучал в институте «Научный коммунизм» и беззаветно верил в его светлое будущее. Почувствовав в словах собеседника решимость бороться до победного конца за идеалы коммунизма, парторг облегчённо вздохнул. Сама по себе фамилия Идеиный предполагала

зарождение огромного количества идей в его голове, но, к сожалению, он вынашивал лишь одну, до предела плоскую, и заключалась она в том, что он никак не мог найти человека, который бы возглавил комсомольскую ячейку фермы № 2 села Орловка. А тут вот он – готовый вожак передового отряда молодёжи.

– Вы имеете намерение вступить в ряды Коммунистической партии? – был поставлен ребром следующий вопрос (*а может быть, и не ребром, поднапряг память Пётр Петрович, нет, всё-таки, ребром. Дунувший в открытое окно ветер плашмя повалил этот вопрос на застывший партийными билетами стол*).

– Несомненно, давно мечтаю! – горячо воскликнул любитель научного коммунизма.

– Вот и хорошо, – обрадовался Владимир Васильевич, он всё больше проникался доверием к этому будущему общественнику. – Вот тебе бумага и ручка, пиши заявление в кандидаты.

Он тут же пригласил присутствующих в конторе коммунистов, и они единогласно проголосовали за нового кандидата в их ряды.

«А чего время тянуть, куй железо, пока горячо, – подумал парторг, – кто его знает, а вдруг он изменит своё мнение через некоторое время». Всё-таки червь сомнения в устойчивой идейности членов своих ячеек в голове парторга присутствовал.

– Поздравляю вас, товарищ Неугомонный, – торжественно произнёс он, – должен вам сразу сказать, что быть кандидатом – это не только почётное право, но и тяжёлая обязанность, связанная с воспитанием членов и укреплением веры в идею коммунизма.

– Я готов, – вскочив со стула и приняв стойку, отчеканил вновь испечённый кандидат.

– Да ты сядь, – неожиданно перешёл на «ты» парторг, – вот тебе первое поручение. На ферме № 2, где

ты работаешь, давно нет комсомольского вожака, вот и возглавишь передовой отряд будущих коммунистов, это и будет твоя кандидатская работа.

– Спасибо за доверие, товарищ Идеальный, – обрадованно воскликнул Пётр. Пока он ещё не догадывался, что натуральные борцы за идею коммунизма не совсем такие, о которых написано в учебнике «Научный коммунизм».

– Да, вот ещё что, там твои две комсомолки тоже являются кандидатами в члены партии, ты присмотришься к ним, помоги выйти в передовики производства. Их фамилии Окунева и Ершова, они обе работают доярками.

– Хорошо, – коротко ответил Неугомонный и воодушевлённый двинулся на ферму делать передовиков производства, благо не надо далеко ходить, так как будущие передовички работают рядом.

Комсомольская ячейка села Орловка состояла из пяти комсомольцев, трое из них были трактористами и постоянно находились в поле, поэтому приходилось рано утром перехватывать их по дороге на работу, чтобы пронизать идеями светлого будущего. Но то ли оттого, что они не успевали отмыться от мазута, накрепко въевшегося в их головы, то ли от шума в ушах, который навсегда поселился там от рёва трактора, по их равнодушным лицам было видно, что проникновения идеями в их мозговом аппарате не происходит. Но просвечивалась на их лицах озабоченность другим, а именно тем, что если они займутся обдумыванием идей и не будут выезжать в поле, то строители коммунизма просто останутся без хлеба. А они, трактористы эти, твёрдо знали с детства, что ХЛЕБ – всему голова. Пётр Петрович и сам был трудяга, как говорится, спал со штанами в руках, чуть что не так – он уже на ферме либо оказывает помощь частному владельцу, не успевшему сдать свою скотину

в колхоз. (Это называлось кулачество, ужасные пережитки прошлого, правда спасшие в своё время сельское население от поголовного вымирания). Но «Научный коммунизм» накрепко вошёл в голову теперь уже вожака сельской молодёжи, и он не понимал тех людей, которые не разделяли его идеи.

Первое знакомство с Окуновой и Ершовой посеяло массу сомнений в голове Неугомонного в том, что ему удастся сделать из них не только передовых доярок, но и подтянуть показатели их труда хотя бы к среднему результату. Пётр Петрович судил о людях, обслуживающих скот, не по внешним данным, а по состоянию обслуживаемого ими скота, куда деваться, на то он и ветеринар.

Так вот, группа коров, обслуживаемая дояркой Окуновой, отличалась сильной истощённостью организма, несмотря на то, что все коровы в коровнике получали одинаковые корма.

Группа же коров Ершовой отличалась своей неумытостью. Не то чтобы коровы сами не хотели умываться, но в связи с отсутствием возможности самоумывания, им никто не помогал это делать (*господи, что я плету, попросту нечищенные и немытые*). И в то же время напротив группы её коров было вывешено множество вымпелов с различными девизами, например, «Победителю в однодневном соревновании», «Ударнику по ударному доению коров», «Лучшему из лучших» и тэ дэ и тэ пэ.

Своими сомнениями Пётр решил поделиться с бригадиром, который, к счастью, из-за отсутствия праздников, был трезв и находился там, где и должен был находиться: в бригадном домике при ферме, строго озирая вверенное ему стадо крупного рогатого скота в окно.

– Василий Афанасьевич, – так звали бригадира, – а не соизволишь ли ты объяснить мне вот эти, не

соответствующие правильному содержанию скота, моменты?

На что бригадир, понизив голос и оглянувшись во круг, ответил:

– Поясню, конечно, с превеликой готовностью, сам весь извёлся по этому поводу. У Окуневой коровы худые потому, что она три раза в день таскает домой по десять килограммов комбикорма. (*Уважаемый читатель, я не могу оставить тебя в неведении, что же такое комбикорм, – это крупно размолотая зерновая смесь из разных видов зерна, очень вкусная. Но всё же я тебе не советую его есть, потому что он вкусен только для животных, но если тебе приспичит, то немного можно, лучше варёный.*)

– Так, а ты что же ничего не говоришь ей?

– Попробуй скажи, она тут же бежит в контору жаловаться парторгу на то, что её кандидатские права нарушаются.

– А почему грязные коровы у Ершовой?

– А когда ж ей мыть их? Председатель профкома Производителей каждый обеденный перерыв и каждый вечер привозит новые вымпела, и ей приходится их завоёвывать.

Пётр с большим недоверием отнёсся к словам бригадира, потому что «Научный коммунизм» иначе осуждает поведение кандидата в свои ряды, и поэтому он решил проверить всё сам.

В обед, когда доярки двинулись домой, Пётр пошёл вместе с Окуневой, благо им было по пути. Со стороны печени у Окуневой выпирала больших размеров опухоль.

«Никак цирроз, – сочувственно подумал ветврач, – и плечи-то как перекосило, бедная, как же она дояркой работает, а бригадир ещё про неё гадости говорит».

– У тебя печень болит, Окунева?

– Болит, проклятущая, – сморщившись, ответила она.

– А что же ты в больницу не обращаешься?

– Так некогда, Петрович, у меня дома три коровы, кто ж комбикорм им будет та... то есть давать?

И вдруг на дороге перед ними предстал ухаб. Пётр подхватил Окуневу под руку, чтобы помочь преодолеть его, и потянул на себя. И тут же вскрикнул от ужаса – печень Окуневой гулко шмякнулась на дорогу. Сомнения в словах бригадира по отношению к данной персоне рухнули, на дороге лежал увесистый мешок комбикорма. Пётр плюнул под ноги кандидатки и быстро зашагал в сторону дома Ершовой.

Около её дома стоял «газик» профсоюзного совхозного лидера Производителя. В окно было видно, как он широко ходит по избе из угла в угол, размахивая новым вымпелом перед дояркой Ершовой, доказывая, видимо, как трудно было уговорить профком на вручение ей очередной награды. Походив некоторое время и осознав, что в ходьбе не может убедить Ершову в том, в чём хотел убедить, он швырнул её на кровать и улёгся рядом, видимо, посчитал, что в таком положении легче будет доказать свою правоту. Но расстроенный Пётр Петрович не стал дожидаться конца диспута, плюнул ещё раз и твёрдо решил, что он не позволит извратить постулаты научного коммунизма. Решил, что он изведёт негативные явления в своей комсомольской ячейке, и стал ожидать очередного партийного собрания, на котором Окуневу и Ершову будут принимать в партию.

На собрании он, разволновавшись, сбивчиво стал рассказывать и про печень, и про комбикорм, и про Производителя, который метался по избе и затем падал на койку (*уважаемый читатель, не забудь, он ведь первый раз выступал на партийном собрании*). Эффект был ошеломляющий.

Первой взяла слово доярка Зубова, она была коммунистка с большим стажем:

– Да как ты смеешь, щенок, позорить нашу партийную организацию, – шипела, как змея она, – и кто тебе разрешил заглядывать в чужие окна? Подумаешь, председатель профкома прилёт на кровать, а может, он устал махать вымпелом перед Ершовой и прилёт, а может, ему плохо стало и Ершова ему оказывала первую помощь. Попробуй-ка потаскайся по совхозу с этими вымпелами. Поневоле рухнешь, – свирепствовала со знанием дела Зубова, будто сама всю жизнь бегала по ферме с вымпелами.

Вторым выступил конюх Бурков, родной дядя Производителя:

– Ишь, какие витинары пошли, печень от мешка с комбикормом отличить не могут. Гнать его в таком случае из совхоза надо, едри его пень! У человека печень вздуло до невозможности, а он со своим комбикормом пристаёт, не иначе самогону надрался.

– Я не пью, – попытался оправдаться Пётр.

– Ну тады тебе совсем опроверданиев нет, – не унился Бурков.

В конечном итоге решили, что гнать его рано, дали на первый раз устный выговор, чтобы отличал действительность от учебника.

На прощание парторг Идеиный предупредил:

– Если ты, Неугомонный, будешь и дальше так себя вести, кандидатский стаж не пройдёшь!

И всё же доброе зерно в этом деле тоже родилось, трактористы-комсомольцы поняли, что Пётр – настоящий мужик, и стали сами его перехватывать по утрам на дороге. Окунева стала таскать комбикорм только один раз, в обед, и её коровы быстро поправились, а Ершова помыла, наконец, своих животных и вышла замуж за Производителя (*а куда ему было деваться после такого скандала*). И коровы, вымытые до

блеска, радостно мычали на их свадьбе, все вымпелы они унесли к себе домой и диспуты проводили уже мирно, не швыряя друг друга на койку.

3

И вот, воодушевлённые тем, что их основной конкурент потерпел фиаско на общественно-комсомольском поприще, его конкуренты Берегуля Афанасий Семёнович и Анна Филипповна Бинидиктова решили его добить.

Пётр Петрович в то время не пил ещё спиртных напитков, мало того, он презирал тех, кто чересчур увлекался этим гадким, по его разумению, делом. (*Жаль мне его, он ещё не понимал, что без этих самых напитков у нас в России ни одно серьёзное дело не решается. Ну да бог с ним, его ещё клонет петух в одно всем известное место.*) Зная сей факт, санитар Берегуля Афанасий Семёнович решил разыграть эту карту.

Однажды Пётр Петрович оказывал помощь корове в отёле, то есть в появлении маленького телёночка на свет. А я уже выше упоминал, что ферма была поражена бруцеллёзом. (*Страшная болезнь, и если вы про неё ничего не знаете, я вам рассказывать не буду. Не хочу вас пугать.*) И, естественно, ветврач, соблюдая все санитарные нормы, работал в перчатках. Афанасий Семёнович оказывал ему посильную помощь.

И вот когда работа была закончена и телёночек увидел белый свет, санитар порвал снятую с руки перчатку Петра и истошно завопил:

– Ну всё, Петрович, если ты сейчас не произведёшь обеззараживание организма, обязательно заболеешь бруцеллёзом.

– Это почему? – заволновался ветврач. И как тут было не волноваться, уж кому, как не врачу, знать о последствиях этой заразы.

– Как «почему», ты же в дырявой перчатке работал, – и показал порванную перчатку.

Неугомонный от неожиданности и серьёзности ситуации забыл, что он всегда тщательно проверяет перед работой средства защиты и что перчатка точно была целая, тревожно спросил:

– Что же теперь делать?

– Выход один – внутреннее обеззараживание, – ликуя в душе, ответил санитар.

– Как это?

– Просто: сто пятьдесят граммов этилового спирта внутрь, и тогда уж точно всё будет в норме.

За спиртом далеко ходить было не нужно, его выдавали каждый месяц по двадцатилитровой канистре, учитывая санитарное состояние по инфекционным заболеваниям данного хозяйства. Бутылка спирта стояла тут же, на кухне в телятнике, Пётр всегда после проведённой работы обеззараживал руки. Когда он это делал, на Афанасия Семёновича жалко было смотреть, как он переживал о том, что спирт идёт не по назначению, он признавал только внутриутробную дезинфекцию.

Быстро, пока Неугомонный не одумался, Берегуля набурил две третьих гранёного стакана девяностошестиградусного спирта и преподнёс ветврачу со словами:

– Быстро, промедление смерти подобно!

– Как? Прямо вот так и пить? – ещё не хлебнув, уже сморщился Пётр.

– Нет, туды его в ребро, через трубочку, – сердито пошутил санитар, недовольный тем, что процесс затягивается.

Пётр Петрович никогда не пробовал чистый спирт и лишь примерно догадывался, что это такое, но сложившаяся ситуация, подогреваемая санитаром, поставила его в безвыходное положение. Он, закрыв

глаза и затаив дыхание, опрокинул содержимое стакана в рот. Дыхание спёрло, по горлу как будто кто процарапал большим гвоздём, из глаз полились крупные «горючие» слёзы. Потом всё возвратилось на свои места, но ноги стали очень слабыми, и Пётр присел на край большой квадратной ёмкости, в которой было разведено пойло телятам, смесь того самого комбикорма с молоком и обратом. Затем мимо него медленно поехали стены телятника, санитаров сначала стало двое, а потом появились ещё двое. Стены ехали всё быстрее и быстрее, и вот когда их скорость достигла того, что он не мог сосчитать количество санитаров, бежавших вслед за стенами, всеми уважаемый ветеринарный врач с дипломом о высшем образовании, комсомольский вожак Неугомонный Пётр Петрович опрокинулся в ёмкость с разведённым пойлом для телят...

4

Люди, столпившиеся у магазина, на некоторое время прекратив сплетничать, обратили внимание на лошадь, запряжённую в сани, на которых скотники на ферме возят навоз, но на этот раз на санях не было навоза, а прислонённый к их передку восседал ветеринарный врач Пётр Петрович в каком-то странном положении. И хотя праздника никакого не было, в его фигуре усматривалась торжественность. Из-за лёгкого морозца замёрзшие молоко с обратом и прилипшими звездочками комбикорма сделали из ветеринара Санта-Клауса.

Идущий рядом с санями Берегуля Афанасий Семёнович, подёргивая вожжи, немедленно разоблачил тайну этого не понятного для простых людей заезда.

– Вот вам и непьющие, – орал он во всё горло, – не пьют на свои, а на чужие как дорвутся – пока в помой не свалятся, не остановишь.

И хотя до дома, где жил Пётр Петрович, был прямой путь через переулок, санитар его вывез на главную улицу и хотел ещё повозить по другим, но люди, уважающие Петра, не дали ему это сделать.

А бригадир Василий Афанасьевич отобрал вожжи и пристыдил наглого пройдоху:

– Забыл, как сам свалился в цистерну с патокой?

Он отвез Неугомонного домой и сдал с рук на руки расстроившейся Вареньке.

На другой день Пётр Петрович на работе не появился. Во-первых, опьянение никак не хотело его отпускать. Варенька всячески пыталась помочь любимому, отпаивала чаем, сварила хороший суп – всё бесполезно. Как только он подымался на ноги, пронесившиеся мимо стены опять валили его на постель. Во-вторых, возвращающееся постепенно сознание напоминало, какому позору подверг себя Пётр.

«Всё, надо куда-нибудь уезжать», – думал он про себя.

К вечеру пришёл бригадир Василий Афанасьевич.

– Ну, живой? – с порога радостно загудел он. – А я тебе похмелиться принёс.

При упоминании о спиртном Петра передёрнуло:

– Ну уж нет, больше вообще в рот не возьму. Слышь, Василий Афанасьевич, я хочу уехать отсюда подальше, стыдно-то как, надрался вчера, но ведь иначе было нельзя.

– Да брось ты с отъездом, наоборот, тебя в деревне больше уважать будут, а то далёк ты от народа со своими принципами. А что касается вчерашнего, так Берегуля уже всем растрепал, как он тебя «обул». Да и не он всё это придумал, а Анна Филипповна, у него на это ума не хватило бы. С ним недавно тоже случай неприятный произошёл, за неделю до твоего приезда к нам. Хочешь, расскажу?

И хоть Петру было не до этого рассказа, но чувствуя, что бригадир всячески хочет поддержать его, он согласился.

– Так вот, привезли к нам на ферму пятидесятикубовую цистерну патоки, для повышения надоев у коров. (*Уважаемый читатель, я, как всегда, не могу тебя оставить в неведении, что же такое патока. Так вот, это густые жидкие отходы от производства сахара. Сладкие, но если они вам повстречаются, вы их не кушайте, а сварите из них лучшие самогона.*) Поставили между коровниками, чтобы скотникам ближе было её брать. На деревне как узнали об этом, все самогонщики по ночам на ферму ринулись, и двух недель не прошло, как патоку почти всю растащили, коровам меньше досталось, чем селянам. Остался в цистерне на дне слой сантиметров на восемьдесят, и то только потому, что слой этой патоки оказался ниже крана, через который её можно было брать. Иду я как-то утром рано на ферму, подхожу к коровнику и слышу: кто-то как будто из-под земли кричит: «Помогите, спасите!»

Перепугался я, не знаю, что делать, вроде не с похмелья был, чудиться ничего не должно было. А всё же страшно, пошёл я в коровник, сел в комнате отдыха, а вскоре и доярки со скотниками подошли. И они, вижу, тоже волнуются. «Василий Афанасьевич, ты ничего не слышал?» – спрашивают. «Слышал, – говорю, а сам думаю: «Слава богу, не одному мне послышалось, а то уж решил, что белая горячка настигла». Пошли все на двор, слышим крик приглушённый: «Помогите, погибаю!» Тут пошли разные догадки, один говорит: «В навозе какой-то дебил тонет». Обошли все навозные ямы – нигде никого нет. Тут кто-то говорит: «Неужели кто на водокачку залез да в бак с водой свалился». Полезли на водокачку – никого, шестом обшарили дно бака – никого. Слезли, стали гурьбой, стоим, а из-под земли: «Спасите, помогите!» Совсем растерялись, прямо на

важдение какое-то. И тут появляется Фрося-лаборантка, а с ней собачонка маленькая, эта собачонка прямоком к цистерне с патоккой и давай на неё лаять, бегаёт кругом и лаёт. «Дык вот игде собака закопана», – сказал сторож Митрич. Ну кто бы мог подумать, что кого-то нечистая занесёт в эту цистерну, да и как в неё попасть. И тут вспомнили, что на её верхней части есть крышка – люк очень узкий, как раз в человеческое туловище. Стало светать, обошли цистерну, стоит лестница. Понятно всё стало, залезли два скотника наверх и заглянули внутрь, ничего не видно. Нашёлся фонарик, осветили: стоит человек, весь покрытый патоккой, увязший по пояс в ней, и рыдает: «Братцы, спасите, помогите!»

Принесли две длинные верёвки, скинули вниз, человек обвязался. Начали тянуть, не тут-то было, засосала патока и не отпускает. Залезли ещё двое, потянули, вроде пошло. Дотянули до люка, дальше не идёт, заглянули, а человек держит в руке ведро с патоккой, вцепился и не отпускает, ему говорят: «Отпусти». Всё бесполезно. Тогда один из скотников слегка тюкнул его по голове, рука разжалась, и ведро хлопнулось в патоку. Когда спустили человека на землю, им оказался Афанасий Семёнович Берегуля. Стоит, с него медленно стекает патока, а он плачет навзрыд. Спрашиваем: «Теперь-то чего рыдаешь, вытащили ведь». «Ведро с патоккой жалко, выходит, я зря там всю ночь проторчал».

В общем, полез он за патоккой для самогона и сорвался в цистерну. Повезло, что её там было мало, а то бы ты и не успел с ним познакомиться, – заключил рассказ Василий Афанасьевич. – Ну, ты похмеляться-то будешь?

Когда Пётр отказался, налил себе целый стакан, залпом опрокинул, закусил поданным Варенькой огурцом и направился домой, кинув на прощанье:

– Ну ты не дури, выходи завтра на работу, тебя люди уважают, всё простят.

На другой день Пётр рано утром огородами, чтобы ни с кем не встречаться, двинулся на ферму. Однако вскоре почувствовал, что его кто-то догоняет, деваться некуда, остановился. Местные трактористы-комсомольцы улыбаются, рот до ушей.

– Ну что, Пётр, с крещением тебя, – и видя, как тот смутился, успокоили: – Да ты не дрейфь, всё нормально, у нас тут и не такое бывает. Вот проведём уборку урожая, тогда уж вместе отметим.

И хотя Неугомонный дал зарок больше в рот не брать спиртного, но за такую поддержку пообещал принять участие в обмывании урожая. К его удивлению, никто и на ферме никаких шпилек в его сторону не выбрасывал. Он понял, что местное население, если уж не считает такие события нормой, то и претензий никаких к их виновнику предъявлять не собирается.

Однако до директорского кабинета парторг Идеинный данный факт донёс, приукрасив его настолько, что казалось, прощения Неугомонному ни в коем случае не должно быть. Директор Медведев был тёртый мужик, сам был иногда не прочь выпить, правда, в телячье пойло не падал, но, учитывая его средний возраст, отрицать того, что с ним этого не случится, нельзя. Жизнь, судя по его упитанному лицу, у него завтра не закончится.

– Ну-ну, ты, Идеинный, как всегда, приукрасишь, унизишь человека, тому хоть в петлю лезь. Не трогай его, человек старается, молодой. Подумаешь – пойло, не в навозную жижу, и то ладно.

– Попомните моё слово, он ещё и не то выкинет, он ещё принесёт урон хозяйству, самое время от него избавиться, – не унимался Идеинный, видимо, никак не мог простить Петру его выходку с кандидатами.

И урон, действительно, был нанесен, только не хозяйству, а опять же партийной организации совхоза

«Бессеребряный». Случилось это через год после телячьего пойла.

Мы вместе с Петром Петровичем в своих воспоминаниях забыли представить тебе, уважаемый читатель, ещё один персонаж, он на первый взгляд хоть и кажется промежуточным, но, тем не менее, является важной персоной нашего повествования. И как ты думаешь, дорогой читатель, кто же это может быть? Не утруждай себя, я немедленно тебе его представлю. Не понимаю, как я мог забыть такую персону, без которой не обходилось когда-то ни одно село нашей страны, потому что эти персоны всегда стояли в первых рядах строителей коммунизма. Так вот сбрасываю завесу тайны с данного индивида. Это – парторг партийной ячейки села Орловка Чигряй Ольга Петровна. Но речь в наших воспоминаниях пойдёт вовсе не о партийной ячейке Орловки, а об огурцах, и не в общем об огурцах этого села, а именно огурцах в огороде Чигряй Ольги Петровны. Ты спросишь, уважаемый читатель: «А при чём тут огурцы?» – и я, не таясь, отвечу: «Да при том, что Ольга Петровна любила огурцы до безумия, она, конечно, любила партию, но иногда ей казалось, что огурцы она любит больше. В любом их виде: свежие, маринованные, солёные и тэ дэ и тэ пэ.

А для того, чтобы вовремя эти огурцы уродились, нужно что? Правильно, теплица. А вспомни вместе с нами те годы, о которых идёт речь (1970–2000). Много было в магазине этих теплиц? Конечно, нет. И вот, чтобы не нанести урон собственному хозяйству, Ольга Петровна, по совету санитарки Анны Филипповны (что, я думаю, было сделано не без злого умысла), наняла за литр водки конюха, который привёз ей окна из коровника местной фермы. (Тот, кто работал когда-то на ферме, знает, что на летний период для проведения ремонта и дезинфекции в коровниках, а также затем чтобы их

не спёрли, окна изымались и складировались в укромном месте.) И Чигряй, не задумываясь, потому что Анна Филипповна сказала ей, что эти окна лишние и никто искать их не будет, быстро соорудила вместе с мужем теплицу и вставила в эту теплицу дверь, которую привёз конюх вместе с рамами, на двери была прикреплена массивная цепь, что, несомненно, было, кстати: повесил на цепь замок – и ни один тать, то есть вор не проникнет в теплицу. Огурцы, конечно, уродились на славу, все односельчане, которые проходили мимо дома парторга, завидовали ей, а местная партячейка гордилась своим вожаком и предлагала отправить ящик огурцов на выставку достижений народного хозяйства, но в это время на этой самой выставке достижений армяне и азербайджанцы торговали яблоками. Тогда их отправили на выставку в областной центр, и там они завоевали медаль «Лучший партийный садовод-огородник нашего века».

Видите, как хорошо всё складывалось, до тех пор, пока животноводы не пригнали скот с летних пастбищ для того, что бы поставить его в коровники на зимовку. Хватились, а большого количества окон нет, а без окон – сквозняки, а без окон – маститы. И вот все животноводы гурьбой кинулись по селу на поиски пропавших окон. Все бегают, шумят, а толку мало, как сквозь землю провалились. Ну кто бы посмел искать эти окна во дворе партийного вожака. А один дурак, но, может, и не совсем дурак, но, как обычно, ему больше всех надо. (*И ты, конечно, так же, как и я, сразу догадался, кто это.*) Пётр Петрович Неугомонный вылупил глаза – и напрямик к дому парторга, глядь, теплица и вроде ещё что-то очень знакомое. Присмотрелся – окна, вот они, собственной персоной, выстроились в ряд и прикидываются теплицей. Ветврач через забор – и к рамам. Тут Ольга Петровна его заметила, кричит:

– Ах ты ворюга, ты куда полез?

– Это ещё надо разобраться, кто ворюга! – кричит в ответ Пётр.

Дальше – больше, Чигряй никак не признаёт, что окна с фермы, да и как признать: позор-то сразу ляжет на всю местную партячейку. Надо же – вожак не чист на руку! Кто-то позвонил в центральную контору, парторгу Идейнному, тот захватил профорга Производителева (*как будет видно дальше, зря*) – и во весь опор в село Орловку. Прилетели, столпотворение. Правда, это столпотворение на дороге у дома Ольги Петровны, все боятся войти к ней во двор. А как же – идол, божество. И лишь один Неугомонный мечется в огороде местного вождя и пытается развалить теплицу Чигряихи.

– Опять ты, – ехидно прошипел Идейнный, – проваливай отсюда! – Как видно, он уже был в курсе случившегося. – Ты чего прицепился к незащитной женщине? Ты видишь, эти рамы не с фермы, они покрашены в разные цвета.

«Уже и до фермы успел доехать», – подумал Пётр, а вслух сказал:

– Покрасить можно в любой цвет, а другой фермы за тридцать километров не сыщешь.

– Отцепись, видишь, они на два миллиметра шире, чем на ферме, – не сдавал своих партийных позиций Идейнный.

– Хорошо, давай будем мерить, – не унимался и Пётр.

– Товарищи, да он опять пьян, – выдал весомый аргумент Идейнный.

И хоть все присутствующие давно поняли, что рамы с фермы, и теперь понимали, что Неугомонный не пьян, но разве против плотных рядов партии попрёшь.

– Ладно, Пётр, пойдём делать новые рамы, – позвал бригадир Василий Афанасьевич, – плетью обуха не перешибёшь!

Но в это время к месту событий стали подтягиваться работники фермы, которые бродили в разных направлениях по селу в поисках пропавших окон. Они, конечно, уважали партию и её лидеров, но очень не хотели, чтобы их любимые кровы болели маститом, поэтому, не вступая в переговоры, решительно двинулись к теплице, чтобы, разобрав её, вернуть рамы на исходные рубежи.

Но и представители партийного аппарата были не лыком шиты, они стремительно метнулись внутрь теплицы. Производителей накрепко завязал дверь висевшей на ней цепью. Если бы это сделал кто-нибудь другой, возможно, осаждённые и удержали свои позиции, но увидев Производителя с цепью в руках, Пётр соединил в уме эти два предмета и понял, кому принадлежала эта злополучная цепь.

«Это же цепь и дверка из клетки быка-производителя Иртыша с нашей фермы», – вспыхнуло в сознание ветврача.

– Хорошо, я вам сейчас докажу, кто прав, – бросил он и устремился на ферму.

Уж кому, как не ему, было знать, какая дверка и цепь в клетке Иртыша. Бык никого, кроме Петра, не подпускал к себе. Ветврач кормил его комбикормом и витаминами и следил за его санитарным содержанием. И Пётр знал, как бык ненавидит эту цепь, которая ограничивает его свободу, именно этим он и хотел выиграть неравный бой с местной (да нет, уже с совхозной) парторганизацией. Добежав до фермы, Неугомонный быстро запряг коня в дрожки, насыпал в ведро комбикорма и вывел быка-производителя Иртыша. Иртыш очень любил комбикорм (а что я тебе говорил раньше, некоторые животные настолько его любят, что совершают необычные поступки), и поэтому свирепый великан смиренно последовал за дрожками, на которых было установлено ведро с комбикормом.

Осада теплицы безуспешно продолжалась, когда Неугомонный, сопровождаемый быком Иртышом, достиг, наконец, поля боя местного значения. Люди при виде быка быстро ретировались на безопасное расстояние. Пётр снял ведро с дрожек и закрепил его на заборе так, чтобы Иртыш, поедая комбикорм, мог увидеть злополучную теплицу. Народ замер в ожидании ужасных событий. Осаждаемые, почувствовав недоброе, заволновались. Но ничего не происходило, бык, дорвавшись до желанного комбикорма, пожирал его, не подымая головы. Время шло, и работники фермы, удручённые поражением, начали было расходиться, а осаждаемые, видя, что ничего не происходит, осмелели и начали кидать в адрес Петра Петровича обидные реплики. *(Зря они так поспешили.)*

Докушав, наконец-то, комбикорм, Иртыш медленно поднял голову и посмотрел в сторону теплицы. Так просто посмотрел, безо всякого умысла.

И тут его взгляд упал на ненавистную цепь и столь же нелюбимую дверку, которые лишали его свободы. Ноздри его расширились, глаза налились кровью, и он, как танк стволом, поведив рогами из стороны в сторону *(ты видел когда-нибудь, как делает это танк? Нет! Я тоже не видел. Но это сейчас не так важно)*, ринулся к теплице, сломав при этом прочный забор, как спичку. Никто не успел заметить, как осаждаемые, выскочив из теплицы, оказались на крыше сарая, стоявшего невдалеке.

Иртыш неистовствовал, разбив в дребезги дверку и далеко отшвырнув рогами цепь, начал топтать грядки с огурцами. При этом умудрялся не повредить ни одной рамы, видимо, и до него дошло, что без рам в коровнике будет сквозняк, а он очень любил своих коров и не хотел, чтобы они болели маститом.

Члены коллектива осаждаемых, сидя на крыше сарайчика, при приближении бычка весом в восемьсот

килограммов начинали неистово креститься, хотя в бога, видимо, не верили, так как недавно провели диспут на тему научного атеизма, на котором твёрдо решили, что членам партии категорически не рекомендуется ходить в церковь. Но на диспуте не присутствовал бык Иртыш, а тут – вот он. Сарайчик хлипкий, не дай бог, этот хлипкий сарайчик опрокинется, всё, как говорится, хана.

– Уберите быка, – кричала руководитель местной партячейки, – я признаю, что рамы эти с нашей фермы.

Но всё обошлось, бык Иртыш переусердствовал, он так яростно крутился на грядках, что в конечном итоге накрутил на себя огромное количество огуречной ботвы, запутался и, тяжело дыша, свалился на грядки. В этот момент Иртыш напоминал шахида, готового в любой момент произвести самопожертвование. Огуречная ботва, словно бикфордов шнур, обвивала тушу быка, а ядрёные огурцы, свисавшие с его боков, напоминали невзорвавшиеся ещё пока гранаты.

Видя то, что бык Иртыш никому не может нанести вреда, обе противоборствующие стороны начали зачищать поле боя. Доярки и скотники, воодушевлённые победой, быстро разобрали теплицу и, высоко подняв отвоёванные рамы, торжественно удалились на ферму, где их ждали пока ещё не заболевшие на сквозняке коровы.

Пётр Петрович размотал огуречную ботву с быка Иртыша, и тот, уставший, не видя так нелюбимых цепи и дверки, спокойно и с достоинством последовал за дрожками, на которых, лукаво улыбаясь, восседал ветврач Неугомонный. *(Зря он так улыбался. Правильно сказал бригадир о том, что плетью обуха не решибёшь.)*

Идейный и Производителей, отдышавшись и уняв сердцебиение, помогли Ольге Петровне собрать оставшиеся неповреждёнными огурцы. Вспотевшие

от пережитого, сели в машину и удалились восвояси. Всё то время, пока ехали до центральной усадьбы совхоза, Иде́йный проклинал Неугомонного за нанесённое унижение и позор, какими покрыл тот партячейку фермы № 2 совхоза «Бессеребряный».

На следующий день Неугомонного Петра Петровича пригласил к себе в кабинет директор совхоза Г. Д. Медведев. *(Ни к чему теперь уже расшифровывать его инициалы.)*

– Ну что, Пётр Петрович, выкинул ты крендель, никакими зубами не разгрызёшь! Я понимаю, что в принципе ты прав, но против ветра... то есть против партии я пойти не могу, сам понимаешь, без работы останусь. Так что, как говорится, трудовую книжку в зубы – и свободен. Да, Иде́йный просил передать, он с тобой встречаться не хочет, что кандидатский стаж ты не выдержал, поэтому исключён из этих самых кандидатов.

Вот так закончилась эпопея с общественно-политической деятельностью Петра Петровича Неугомонного...

И всё же автора книги «Научный коммунизм» мы корить не будем, он просто не учёл того, что некоторые кандидаты имеют собственных коров (*бог их знает, почему они их не сдали в колхоз*), а эти коровы иногда хотят покушать комбикорма. А другие кандидаты любят, чтобы перед их носом председатель профкома размахивал вымпелами. Он также не предвидел то, что некоторые секретари партячек огурцы любят больше, чем научный коммунизм. А другие секретари, с такой звучной фамилией, как Иде́йный, не могут выработать больше одной плоской идеи, хотя автор этой научной книги надеялся на лучшее. И уж, конечно, он не предвидел, что комбайнёр, став президентом, разобьёт паровоз, так горячо любимый пролетариатом и интеллигенцией средней руки.

Ну да Бог с ними со всеми.

Глава четвёртая. Думы о прошлом.
Профсоюзники тоже люди

1

Пётр Петрович не мог ни минуты оставаться без работы и, получив в отделе кадров трудовую книжку, тут же бросился... Да нет, уважаемый читатель, что ты, не под паровоз! Что он – Анна Каренина, что ли! Он бросился к телефону и начал звонить своему приятелю Тришкину, с которым когда-то учился вместе в институте. Тот работал ветеринарным врачом на птицефабрике «Петушок – золотой гребешок» в селе Забытый путь к коммунизму Цементно-Шиферного района и часто приглашал Петра перейти работать на любую птицефабрику треста «Ни пуха, ни пера» Энской области.

Естественно, дозвонился, и уже через неделю Пётр работал ветврачом куриного цеха на птицефабрике «Куручка Ряба» Энского района Энской же области. (*О, господи, замотал я тебя, уважаемый читатель, с этими птицефабриками, прости!*)

И Петру сначала показалось, что он попал в рай, рабочий день на птицефабрике был всего лишь восемь часов. Не нужно было спать со штанами в руках, так как по тревоге никто не будил и не поднимал. Не нужно было делать родовспоможение курам, так как цыплята рождались вдали от матери, в инкубаторе. Не нужно было бояться бруцеллёза и конкурентов в виде санитаров. А главное, не надо было ходить на вызова к местному населению, у них был свой ветврач. Всего лишь нужно было следить за соблюдением санитарного режима в корпусах и за своевременной дачей витаминов и других необходимых для куриного поголовья ингредиентов.

Но прошло недели две, и Пётр заскучал, для него этой работы было мало. Он начал метаться по пти-

цефабрике в поисках дополнительной нагрузки и однажды попался на глаза директору Дикому Титу Владимировичу.

Тит Владимирович позвал к себе начальника цеха Лысого Александра Владимировича и задал прямой вопрос:

– Скажи мне, товарищ Лысый, а почему это ветврач твоего цеха товарищ Неугомонный П. П. мечется по птицефабрике в рабочее время, вместо того чтобы сидеть за отведённым ему столом и думать о повышении продуктивности кур-несушек?

– Уважаемый Тит Владимирович, ветврач Неугомонный П. П. привык в совхозе круглые сутки метаться и тут всё ещё не может остановиться. А думает он в отличие от нас на ходу.

– Ладно, иди на место, – сказал Тит Владимирович, а про себя подумал: «Надо к этому врачу присмотреться. Надо же, додумался до того, чтобы думать на ходу».

Прошло определённое время, какое, теперь трудно вспомнить, но Тит Владимирович снова вызвал к себе в кабинет начальника цеха Лысого и спросил прямо в лоб:

– Ну что, товарищ Лысый, мечется ли ветврач Неугомонный по птицефабрике или перестал?

– Уважаемый Тит Владимирович, отвечаю тебе, то есть вам, без всякой утайки: мечется.

– А продолжает ли он думать на ходу? И придумал ли он что-нибудь для повышения продуктивности кур-несушек?

– Думает на ходу, подлец, и придумал, продуктивность повысилась на двадцать процентов.

– И что же он придумал, умный человек? – спросил довольный директор.

– А придумал он проверять птичник, когда они уходят после работы домой, и изымать яйца из их сумок

и пакетов, а виновных в хищении лишать месячной премии. И вот – результат на лицо, как говорится.

– А почему же ты, сидя за столом, не додумался до этого, товарищ Лысый? Значит, думать на ходу гораздо лучше, чем сидя в конторе, – строго сказал директор Дикий и пригласил в кабинет инспектора отдела кадров.

– Скажи мне, инспектор, кем является по образованию товарищ Лысый А. В.? Ветврачом? Отлично, пиши приказ. Поменяй местами Неугомонного и Лысого. С сего дня Неугомонный будет начальником цеха, а Лысый – ветврачом, пусть и он помечется, может, и ему какая добрая идея придёт в голову на ходу. А Неугомонный, может, наконец угомонится за столом начальника. *(Как видишь, уважаемый читатель, и здесь конкуренция не обошла нашего героя.)*

Так, сам того не подозревая, Пётр Петрович нажил себе врага своим метанием по территории птицефабрики.

И опять пролетел определённый отрезок времени, казалось бы, пора привыкнуть думать сидя за столом, отведённым тебе должностным положением, но не такой был Пётр. Он, как и прежде, продолжал метаться по птицефабрике, и иногда ему приходили в голову хорошие идеи.

И вот в одно из таких метаний Неугомонный был замечен председателем фабричного профсоюзного комитета товарищем Зырянкиным А. Б., который тут же побежал к директору Дикому с предложением:

– Уважаемый Тит Владимирович, а не взвалить ли нам на Неугомонного П. П. общественную нагрузку по линии профсоюза, глядишь, и в этой области ему придёт в голову добрая мысль.

– А почему бы не взвалить, давай взвалим, – оживился Тит Владимирович, – а то в профсоюзных рядах чувствуется какой-то застой. Пусть он будет твоим заместителем по совместительству, то есть не

освобождённым от основных обязанностей начальника цеха.

(Ты видишь, уважаемый мой читатель, что и здесь нашего героя настигло бремя общественной деятельности, только теперь по профсоюзной линии, посмотрим, что из этого выйдет.)

Трудовой коллектив птицефабрики на девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента состоял из членов профсоюза, а где же эта одна сотая процента потерялась? А потерялась она именно в цеху, возглавляемом Петром Неугомонным. И этой одной сотой был слесарь-сантехник Волкогонов Василий. Все – профсоюзники, а он один – нет. Какая-то ошибка. И вот с этой ошибки начал свою профсоюзную деятельность Пётр.

«Работает Василий хорошо, хищением продукции не занимается, не дебоширит и в пьянке замечен не был. В чём причина?» – думал вновь испечённый заместитель председателя. И начал активно пробивать путь Волкогонову в профсоюз, а как же иначе, всем профсоюзникам положены льготные путёвки на курорт, а Василию нет, всем скидки в столовой на пятьдесят процентов, а Василию нет.

И не знал Неугомонный причину, по которой слесарю-сантехнику не давали рекомендацию в профсоюз. А бывший начальник цеха Лысый знал. Это он не давал этой самой рекомендации, но, затаив злобу на Петра, не сказал ему об этом, а наоборот, подхваливал Волкогонова. И вот, когда уже по рекомендации Петра слесарь-сантехник Василий Волкогонов был принят в тесные ряды профсоюза, вся его подлая сущность, глубоко затаённая внутри сантехнических мозгов, выплыла в один день наружу, не без помощи бывшего начальника цеха Лысого А. В.

Оказывается Волкогонов Василий был несусветный пьяница и, когда уходил в запой, мог натворить

всё что угодно, не приведи, как говорится, господь тебе это видеть, а в данное время на пять лет закодировался. Вот почему Пётр и не видел его пьяным. Но вот так уж получилось, что как раз последний день кодирования совпал с днём приёма данного индивида в профсоюз. И бывший начальник цеха Лысый, зная об этом, подговорил другого слесаря – Сволочного Захара, чтобы тот предложил Волкогонову отметить два события сразу. Профсоюзник? Да! Раскодировался? Да! Ну и поехали, чего тянуть кота за хвост. И этот новый профсоюзник Волкогонов, видимо, сильно сокучившийся по своему хобби, тут же, не отходя от сантехнических принадлежностей, согласился принять стопочку со слесарем Сволочным З.

Ну а там – где стопочка, там и другая, третья и пошло-поехало. Ехало, ехало, и вдруг у Волкогонова кончились деньги, а душа, измаявшись за пять лет, просит ещё, и так просит, что прямо некуда деваться, хоть в петлю лезь.

И тогда, видя такую канитель, слесарь Сволочной делает предложение слесарю Волкогонову.

– Слушай, профсоюзник Вася, вот если ты пройдёшь от слесарного цеха до проходной птицефабрики голый, зуб даю, куплю ещё литр водки, – глаголит слесарь Захар (*не иначе Лысый научил, хотя до такой пакости он и сам мог додуматься*).

И что ты думаешь, читатель? Вася обиделся? А вот и не угадал. Василий, ни минуты не сомневаясь, скинул старенький комбинезон и, оставшись в том, в чём его родила мать (зная, что рожает, она бы подумала, делать это или нет), распахнул дверь слесарки и двинулся в сторону проходной, а это почти через всю фабричную территорию. Был обеденный перерыв, народ валом валил в столовую, где собирался откусать вкусную пищу с пятидесятипроцентной профсоюзной скидкой. В их желудках уже закипал желудочный

сок в предвкушении наслаждения от приёма творчества рук столовых поваров.

И вдруг, как обухом по голове, – наперерез проголодавшимся профсоюзникам прёт громадный детина, с гордо поднятой головой и совершенно голой фигурой, непроходимо обросшей волосами, ну и, естественно, со всеми прочими принадлежностями. Желудочный сок, обиженный таким зрелищем, перестаёт кипеть, а закипает уже возмущение видом такого гигантского ничтожества. Правда, надо отметить, что такой процесс происходил не у всех, некоторые смотрели с присущим только им одним юмором, но находились и такие (*из разряда птичников*), которые взирали на данный театральный акт с удовольствием. Кончилось тем, что основная масса слесарей и птичников вместо столовой кинулась по своим рабочим корпусам, чтобы не видеть этого хамства, так и не отведав приготовленной для них пищи. Некоторые слесари хотели начистить физиономию вновь испечённому профсоюзнику, но им стыдно было подойти к этому обезьяноподобному голому телу. Вызвали милицию. Пока доблестные опера ехали на птицефабрику, Волкогонов обошел её территорию три раза. Но обещанной водки ему выпить не удалось, выходит, весь процесс происходил зря. Опера его быстро скрутили и за неимением другой одежды упаковали слесаря-сантехника в большой мешок, завязав этот мешок верёвкой в районе пустой головы, в таком виде доставили в КПЗ.

Кончилось это происшествие довольно прозаически: слесарю-сантехнику Василию Волкогонову дали пять лет строгих лагерей. Слесарю Сволочному Захару за подстрекательство – три года условно. Начальника цеха Неугомонного Петра Петровича за выданные рекомендации Волкогонову освободили от должности заместителя председателя и перевели в простые члены этого же фабкома, а бывший начальник

Лысый остался с носом, так как он надеялся на то, что Петра теперь снимут с должности начальника цеха и вернут её Лысому. Не вышло! Держи карман шире, товарищ Лысый!

2

Оставшись простым членом профсоюзного комитета, Пётр, однако, обороты активности не сбавлял, и вот на очередном заседании он предложил поставить на обсуждение вопрос: «О соблюдении санитарных норм на птицефабрике». Остальные члены его поддержали единогласно. Конечно, на территории этой самой куриной фабрики была идеальная чистота, в её корпусах – тоже, и это, отчасти, благодаря стараниям самого же Неугомонного. Но так как столовая находилась за территорией, то есть за забором, в административном, как сейчас говорят, офисе (*а попросту – в конторе*), то некоторые профсоюзники, чтобы не делать крюк через проходную, наделали дырок в заборе и бессовестно лазали через них туда и обратно.

Были разные предложения.

– Давайте заколотим эти дыры горбылём, – внёс предложение один из членов.

– Это бесполезно, – не поддержал его другой, – уже забивали, только горбыль зря потратили, на второй день дыры зияли снова, да ещё и горбыль спёрли.

– Тогда давайте обратимся к совести наших профсоюзников, – сделал предложение председатель Зырянкин, – давайте напишем плакаты со словами: «Лаз для свиней» и развешаем их над этими дырками. Глядя на них, может, и пробьёт эта самая совесть членов нашего коллектива.

На том и порешили. Но Пётр Петрович, не надеясь на эту самую совесть, не посоветовавшись с остальными членами комитета, взял ведро солидола (*если ты не знаешь, дорогой читатель, что такое солидол, поясню:*

это густая смазка, которой любители конной езды смазывают оси в дрожках, чтобы они не скрипели) и, густо намазав им бывшие дыры, а теперь «лазы для свиней», прикрепил прямо к солидолу бумажные ленты с напечатанным на них текстом: «Бог шельму метит». И всё бы было хорошо, но случилось непредвиденное.

На птицефабрику приехал директор треста «Птицепром» Мукомолов Юрий Иванович. И приехал он как раз поговорить об укреплении санитарного порядка, так как в соседней области вспыхнуло заразное заболевание кур. Все работники цеха собрались в бригадном домике и точили лясы в ожидании большого начальства. А начальство в это время наслаждалось обеденной трапезой в профсоюзной столовой птицефабрики. Плотно пообедав, товарищ Мукомолов, поглядел на часы и с криком: «Ох ё..., опаздываю!» – метнулся на территорию. До проходной нужно было делать крюк метров двести, при его комплекции это будет потеряно ещё минут двадцать, и тут директор треста увидел дырку в заборе. Быстро огляделся: «Никого» – и юркнул в дырку, не обратив внимания на то, что это не простая дырка, а «лаз для свиней». И хотя он был чрезмерно откормлен, но, тем не менее, на свинью похож не был, пока чуть-чуть не дотягивал.

Увидев приближающегося директора треста, все быстро заняли свои места в надежде на то, что Мукомолов выдаст им рецепт спасения от надвигающейся из другой области беды. А он долго рассказывал о необходимых мерах спасения, и в том числе о санитарном состоянии. И вот когда дошёл до замечаний по обнаруженным нарушениям на птицефабрике, после слов: «А у вас безобразные нарушения санитарии, в заборе сияют огромные дыры...» – с его спины отвалился приличный кусок солидола и громко шмякнулся на пол. Директор треста обернулся, увидел кусок

липкой бесформенной массы и ленту, на которой не очень крупными буквами, но достаточно заметными, красовалась надпись: «Бог шельму метит».

Мукомолов хоть и был довольно ожиревшим, но догадка о том, что он попал в какую-то липкую неприятность, быстро достигла его мозгов. Он, не подав вида, закончил свою речь и, распрощавшись с рабочими, двинулся к забору, где окончательно разгадал тайну борьбы с нарушителями санитарного режима, но так как был испорчен его дорогой костюм, он не принял такие методы борьбы за основу и вlepил директору Дикому Титу Владимировичу строгий выговор.

Но директор Дикий Т. В. тоже не остался в долгу перед настоящим виновником произошедшего. Выяснив в конце концов, кто им является, пригласил Неугомонного в кабинет и дал окончательное напутственное слово и по производству, и по профсоюзной линии:

– А не пошёл бы ты, товарищ Неугомонный, на все четыре стороны, то есть в трест «Птицепром» на перераспределение, и пусть дальнейшую твою судьбу решает директор треста Мукомолов. А здесь я тебя больше чтобы не видел! Ишь, думает он на ходу, думал бы за отведённым тебе столом, так, может, и не додумался до такой дури.

Вот так опять теперь уже общественно-профсоюзная деятельность вылезла для Петра, как говорится, боком, поэтому-то Леваков глубоко был не прав, заподозрив его в большой любви к общественно-политической и административной деятельности.

Директор треста, может быть, и выгнал бы взашей своего обидчика, но в это время как раз на птицефабрике «Золотое яйцо» не стало ветеринарного врача. Почему не стало? А кто его знает, не стало, и всё тут! И Мукомолов подумал так: «Птицефабрика «Золотое яйцо» находится на самом севере Энской обла-

сти. Кто туда пойдёт добровольно? Да и работник он вроде хороший, Дикий его всегда хвалил. И костюм мне профсоюзники новый купили. Поэтому, дьявол с ним, пусть валит к Колотозову, тот мужик строгий, у него не разгуляешься по территории со своими идиотскими идеями».

Вот так ветврач Неугомонный Пётр Петрович попал на птицефабрику «Золотое яйцо» Цементно-Шиферного района Энской области. И многих удивило то, что они с Колотозовым быстро поняли друг друга, тот хотя и был крутой мужик, но умных людей уважал.

И надо же было такому случиться, что по неблагоприятному стечению обстоятельств на шею Неугомонного свалилась эта администрация села, чёрт бы её побрал, с одного раза и не выговоришь.

«Если всё будет нормально, обязательно переименую этот Забытый путь к коммунизму. Павел Иванович Колотозов при расставании об этом просил», — успел додумать Неугомонный.

И вдруг Рыжка стал как вкопанный, Пётр Петрович очнулся от своих воспоминаний, и мы, уважаемый читатель, оставим в покое его мысли. А умная лошадка как раз остановилась, упершись в ограду администрации села Забытый путь к коммунизму Цементно-Шиферного района.

1990–1994 гг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава пятая. Знакомство с новым местом назначения и его обитателями

1

Ограда администрации напоминала о недавно ушедшей сельсоветской роскоши, была сделана из добротного металла. Но в то же время её коснулась уже

неотвратимая убогость свалившегося на село капитализма, вместо краски ограду покрывал толстый слой буро-коричневой ржавчины.

Здание администрации действительно располагалось поперёк улицы, все дома стояли фасадом к дороге, а оно наваливалось на эту самую дорогу боком, но, не перекрывая её, а как бы впритык. Построено было из кирпича лет этак сорок назад, и поэтому, видимо, крыша его сгорбилась от старости, но стены снаружи возраста своего не выдавали.

Пётр Петрович, осмотрев внешний вид своего учреждения, задумался.

И всё же, несмотря на то что отношения с общественно-политическими организациями у него не складывались, жизнь его, несомненно, удалась. Он любил свою работу, любил жену Вареньку, своих детей, в конце концов социализм и научный коммунизм, хотя появились некоторые сомнения в здравом уме автора этой замечательной книги. И вроде люди жили бедновато: и зарплаты были не велики, и в магазинах взять нечего, но зато жили дружно, строили новое коммунистическое общество, ни черта в этом не понимали, но строили с большим энтузиазмом, не за рубль, а за совесть, как говорится. Где говорится? А неважно, говорится – и всё тут! Обращались друг к другу – товарищ!

Глава администрации, опершись на ограду теперь уже своего учреждения, глядел на обшарпанную дверь, к которой был прикреплён листок с пояснением, что это не что-то пустяшное, а «СЕЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ СЕЛА Забытый путь к коммунизму».

«Даже на нормальную вывеску денег нет, – горестно подумал Пётр Петрович, – а что уж говорить о благоустройстве села и других серьёзных затратах. Но ничего не поделаешь, взялся за гуж – не говори, что не дюж».

И, глубоко вздохнув, новый хозяин широко открыл дверь своего дворца законодательной и одновременно исполнительной власти.

2

Открывшаяся дверь вела в небольшой коридор, так называемый предбанник. В нём, притулившись к стенке и отчасти мешая проходу, стояла урна для голосования. Урна была сделана из хорошего дерева и отполирована.

«Видимо, с проведением выборов здесь всё отлажено», – подумал Пётр Петрович, глядя на нарядную урну. И, задев боком этот приличный предмет, открыл последнюю дверь на своём пути, в ожидании увидеть ещё что-нибудь такое, что могло ласкать взгляд человека, пришедшего в администрацию по крайней необходимости.

И увидел! Напротив открывшейся двери, через узкий коридор, располагалась узенькая, покосившаяся дверца.

«Туалет», – догадался Пётр, но не эта дверца своей убогостью привлекла его внимание. Прямо посреди коридорчика, упершись одним концом в потолок, а другим в пол, стояла плохо отёсанная деревянная подпорка, держащая на себе часть потолка, с которого предварительно отвалилась часть штукатурки.

И только он успел переварить в своей голове увиденное, как по другую сторону подпорки появились обитатели данного учреждения, озабоченно выпучив глаза и открыв рот от изумления. Их, конечно, предупредили заранее о назначении нового главы, но он появился так неожиданно и тихо, как будто свалился ревизор с луны.

«Наверное, сюда давно никто не заходил», – глядя на произведённый эффект от своего появления, подумал Пётр Петрович.

Обитателями явились четыре женщины. Одна из них была преклонного, очень преклонного возраста, с вытянутым усталым лицом и недоверчивым взглядом. Пробуравив этим взглядом Петра, она представилась.

– Лесоедова Анастасия Павловна, главный бухгалтер, – и, громко высморкавшись в носовой платок, добавила: – В данный момент я здесь самая главная и попрошу впредь по окончании рабочего дня отчитываться передо мной о проделанной за день работе!

«Что за бред?» – подумал Пётр Петрович. Где бы он ни работал, отчитываться перед бухгалтером, будь он трижды главный, ему ещё не приходилось, тем более что он теперь являлся хозяином и этого учреждения, и этого бухгалтера. «Ну да чёрт с ней, пусть пока потешится», – решил он и обратил свой взор к следующей даме.

– Недотёпина Любовь Сергеевна, кассир, – представилась полная моложавая женщина, слегка наклонив свою белобрысую голову и потупив воловатый взгляд. Лицо её выглядело озабоченным, как будто она в уме решала какую-то задачу и не могла никак решить.

Следующей, стоящей за кассиром, была женщина гораздо шире белобрысой кассирши, и, наоборот, голову её покрывали жгучие чёрные волосы. Лицо – довольно симпатичное, глаза – тёмно-коричневые, и в них с ума сходил какой-то бес, было похоже на то, что их обладательница хочет расхохотаться в лицо новому начальству, но усилием воли, которой она уж точно обладала, себя сдерживает.

– Еремейкина Полина Ивановна, специалист первой категории, – твёрдо, с ударением на слове «первой», произнесла она.

И Петру Петровичу представились сразу куры, это они, убитые на мясо, в магазине делились на первую, вторую и нестандартную категории.

За ней стояла (они бы встали в ряд, но коридор был настолько узок, что им приходилось стоять в очередь) высокая, не только симпатичная, но просто красивая стройная женщина, лет двадцати пяти, с длинными тёмно-коричневыми волосами, заплетёнными в косу. В больших её синих глазах затаилась дремучая грусть, тоска, какой ещё Петру не приходилось видеть в своей жизни.

– Вьюгина Марина Викторовна, специалист второй категории, – грустно представилась она и зачем-то добавила: – Бракосочетание в нашей администрации провожу я. – При этих словах в глазах её вспыхнул луч надежды, и она ласково посмотрела на Неугомонного.

«Ну слава богу, до нестандартной категории мы не дошли», – лукаво подумал Пётр, а вслух сказал:

– Ну что же, специалисты, покажите мне внутреннее содержание этого дворца, в котором проводятся даже бракосочетания. При этих словах Вьюгина опять с надеждой посмотрела на своего нового шефа.

Начали осмотр помещения с кабинета, который располагался в администрации со стороны дороги, торцевые его окна выходили непосредственно на проезжую часть самой дороги, а два боковых, одно слева, другое справа, позволяли обозревать улицу со всех сторон.

– Это кабинет бывшего участкового инспектора, – пояснила Еремейкина, специалист первой категории.

«Удобно, – подумал Пётр Петрович, – сиди поглядывай на все стороны и пописывай протоколы. Прощёл, например, пьяный Иванов либо Петров, раз – на него протокольчик, не поднимаясь со стула. Пронёс, например, краденую курицу Сидоров либо Козлов, на него тоже протокольчик. Так, глядишь, за месяц целая пачка протоколов. Чем не работа».

Пётр Петрович, сам того не подозревая, точно определил кипучую деятельность бывшего участкового инспектора. Следующие два кабинета, один слева, другой справа, никаких достопримечательностей не имели, в каждом из них стояло по два стола, в левом сидели бухгалтеры, в правом специалисты. И вот, наконец, очередь дошла до осмотра кабинета самого главы. Чтобы попасть в него, нужно было осторожно миновать неотёсанную подпорку, протиснувшись между ней и туалетной дверью. Делегация осторожно проникла в кабинет будущего его хозяина. Увидев, как у этого хозяина отвалилась нижняя челюсть от увиденного, остальные члены делегации быстро, но всё же соблюдая осторожность, высыпали за дверь, оставив этого нового хозяина один на один с достопримечательностями его кабинета.

Да! Нижняя челюсть отвалилась не зря. Было чему удивиться. Видимо, здание администрации, построенное лет сорок назад, за эти годы набралось достаточно опыта и точно определило, кто в нём главный. И всю свою изношенность и убогость перенесло именно в этот кабинет, как бы прося пощады, а скорее всего, экстренного капитального ремонта.

Кабинет был просторный, находился так же, как и кабинет участкового, с торца здания, только с другой его стороны, и был в два раза шире, поэтому потолок под давлением утеплителя, видимо, опилок, куполообразно просел. И этот купол угрожающе навис по центру данного сооружения, удерживая висящую на нём люстру, похожую на шахтёрскую лампочку, как раз на уровне головы нового главы. Пол, придавленный стенами, прогнулся в обратном направлении то есть своей серединой устремился навстречу потолку, при передвижении по нему поскрипывал и гудел, как будто готовый взорваться вулканом от напряжения. В самом безопасном

месте, ближе к стене, стоял невероятных размеров старый (даже можно сказать старинный) стол с двумя слонообразными тумбами. И, вероятно, тоже, подражая потолку, прогнулся посредине между этими тумбами. На столе был телефонный аппарат и лежала сломанная стержневая авторучка. За ним виднелось железное кресло, обшитое подобием кожи бурого цвета. Слева, у смежной стенки, находился старый, но довольно крепкий шифоньер, приличного, в общем, вида.

«Наверняка бывшая хозяйка этого кабинета специально поставила шифоньер рядом. Начнет обваливаться потолок, шмыг – и ты уже в шифоньере. Неплохо, пусть так и стоит», – подумал Пётр Петрович.

Его не очень огорчили все увиденные недостатки в новой конторе, потому что он видел условия и похуже. На птицефабрике он имел хороший кабинет в конторе и современную аптеку со всеми необходимыми для работы принадлежностями, квартира была просторная, полностью благоустроенная. Воспоминания о ферме № 2 совхоза «Бессеребряный» не шли ни в какое сравнение даже с этим запущенным зданием администрации. Ему вспомнилась непролазная грязь вокруг корпусов фермы, аптека, сделанная по его просьбе из неотёсанного горбыля (другого материала не нашлось), контора, в которой был лишь один кабинет, где толпилось всё руководство отделения, нещадно дымя самокрутками. И квартира, отапливаемая маленькой кирпичной печкой, которая давала слабое тепло пока топилась, а за ночь мороз прочно занимал позиции внутри помещения, и вода в рукомойнике, замерзая, выпирала к утру ледяной горкой над этим сооружением.

Очнувшись от воспоминаний, он обратил внимание на то, что пол и подоконники в его новом кабинете были свежевыкрашенные.

«Значит, меня ждали», – отметил Неугомонный и, присев на свой «трон», задумался. Думал он о своих новых подчинённых, о том, с чего начинать свою работу, и о том, где же разместить своего верного друга Рыжку на время, пока его хозяин окончательно не переберётся в это село.

3

Теперь настало время разгадать нам с тобой, дорогой мой читатель, что же обозначали таинственные grimасы на лицах специалистов во время знакомства с новым руководителем, на которые Пётр Петрович, к сожалению, не обратил внимания.

Недоверие на лице Лесоедовой Анастасии Павловны, главного бухгалтера, укрепилось давно, ранее она работала бухгалтером в районном лесхозе, работала честно, билась за каждую копейку в казну государства, но переход от социализма к капитализму вдруг резко воспрепятствовал контролю за поступлением, и особенно за расходом, денежных средств. Директором лесхоза был родной брат Анастасии Павловны – Лесоедов Василий Павлович, который и так, как говорится, был слаб на руку, то есть при любом удобном случае готов был умыкнуть часть прибыли, получаемой от реализации пиломатериалов, а когда почувствовал всю прелесть приближающегося капитализма, совсем перестал различать карманы: свой и лесхозовский. Анастасия Павловна, презрев родственные связи, сначала написала заявление на собственного брата в прокуратуру, но тот быстро нашёл общий язык с местным прокурором и стал красть ещё больше, теперь уже на двоих. Тогда честная бухгалтерша отправилась напрямую в районную администрацию, эффект был тот же, и хищения увеличились втрое. Анастасия Павловна решила, глядя в глаза своему братцу, повлиять на его совесть, которую она ещё надеялась обнаружить. Но

не увидев в этих глазах ничего, кроме алчности, взяла письменный прибор, стоящий на столе кабинета директора лесхоза, опустила со всей силы и злости его на голову этому самому директору, то бишь своему братцу. А так как прибор из слоновой кости был достаточно тяжёл и кость слона оказалась прочной, проломилась кость на черепе директора, после чего он отправился на длительное лечение в травматологическое отделение областной больницы, а Анастасия Павловна с «волчьим билетом» – на пенсию. Заявление на неё Василий писать побоялся, дабы не всплыли его махинации. Вот с тех самых пор подозрительность во взгляде Лесоедовой застыла навечно.

В администрацию она попала после того как бывшие работники этой администрации разбежались в разные стороны, напуганные неожиданно появившимся предвестником перестройки. Принята была временно, но, так как претендентов на это место длительное время обнаружено не было, прижилась и прочно заняла главенствующее место в отсутствие главы администрации. И теперь уже твёрдо была уверена, что и он, этот неизвестный пока глава, должен находиться под неусыпным оком главного бухгалтера. Чтобы, не дай бог, его не посетила корыстная мысль спереть чего-нибудь, ну, допустим, сломанную авторучку, завалявшуюся на его столе. Встретившись с вновь назначенным главой, Анастасия Павловна, умудрённая жизненным опытом, почувствовала, что ручку красть тот не будет и власть свою никому уступать не собирается, задумалась, на какое время хватит у него терпения сотрудничать с властолюбивым бухгалтером.

Недотёпина Любовь Сергеевна имела менее слабую автобиографическую характеристику. Ранее работала на птицефабрике «Петушок – золотой гребешок» бухгалтером, но была настолько тупа в бухгалтерском деле, что у многих специалистов её удостоверение об

окончании бухгалтерских курсов вызывало сомнение, не ошиблась ли она курсами. Но некоторые, в том числе и директор птицефабрики Божков, который управлял до Хапугина, относили её тупость к неопытности по молодости и надеялись, что со временем эта белобрысая голова обработает, наконец, вложенные в неё знания и выдаст шедевр бухгалтерского мастерства. Но после того как Недотёпина подала сводку директору Божкову о том, что куры снесли за сутки по десять яиц каждая, а петухи и того больше, надежды на шедевры у него кончились, и он приказал уволить Любовь Сергеевну по сокращению штатов.

В администрацию кассиром её взяла Лесоедова, и то только потому, что зарплату платили (в связи с перестройкой) раз в шесть месяцев, особо считать было нечего, зато было хотя бы с кем поговорить. Но даже когда появлялись какие-то копейки в кассе, Лесоедова кассира не подпускала к ним близко, считала всё сама.

Неразрешимая же задача, написанная на лице Недотёпиной при встрече с Петром Петровичем, сводилась лишь к одному волнующему её вопросу, какую сводку потребует новый начальник от неё и сможет ли она правильно преподнести необходимые сведения, о существовании которых она пока не имела никакого понятия.

Чему же так радовалась Еремейкина Полина Ивановна при виде своего непосредственного начальника, у которого ей предстояло ещё и быть по долгу службы заместителем? А причин для радости у неё, как оказалось, было достаточно. Во-первых, в отсутствие главы ей приходилось подписывать различного назначения бумаги, так необходимые для бесперебойной работы администрации, и хотя в связи с приближающимся капитализмом эти бумаги не имели никакой юридической силы, Еремейкина, не понимая их сути, боялась ответственности перед выше-

стоящим управленцем, в данном случае перед бывшим товарищем, теперь господином Леваковым П. Г. И при виде Неугомонного, естественно, обрадовалась тому, что наконец-то эта обуза свалилась с её довольно нехрупких плеч.

Во-вторых, она скоро должна была выйти замуж за выздоровевшего наконец директора лесхоза Лесоедова Василия Павловича, который в очередной раз расходился, уже с четвёртой по счёту женой. Но Полину Ивановну этот факт не смущал, так как она за сиделась в девках и, наслушавшись о несметных богатствах Лесоедова, на его предложение о замужестве откликнулась с удовольствием. И, как видим, в предвкушении семейного счастья радовалась, как ребёнок, увидевший новую игрушку.

И в-третьих, её развеселило то, что новый глава приехал принимать дела на лошади, это она увидела в окно. Этот факт так развеселил Еремейкину, что она готова была расхохотаться, но, к счастью для Петра Петровича, этого не сделала.

Теперь настало время выяснить, почему же так грустна была специалист второй категории Выюгина Марина Викторовна. Как было описано выше, Марина Викторовна, действительно, была красавица, но, как говорится, не родись красивой, а родись счастливой, счастье обходило её стороной. Замуж она выскочила почти со школьной скамьи, боялась упустить красавца парня, вернувшегося из рядов Советской армии, с виду настоящего богатыря. Но, кроме вида, никакими достоинствами, так манившими девушек и незамужних молодых, её возлюбленный по имени Владимир не обладал. Ещё при социализме его сильно влекло к разведению крупного подсобного хозяйства, и он, перейдя в особнячок своей молодой, которая проживала с родителями, развел сначала большое количество кур, заняв все пристройки у дома, а

затем, пристроив свинарник, развел такое же большое количество свиней. И вокруг дома распространился такой естественный аромат, что все жители данной улицы старались попасть к себе домой через огороды, минуя усадьбу свинаря-курытника. И Марина Викторовна быстро из красавицы превратилась в зачуханную свинарку-птичницу, и ладно бы была ей какая-то от всего этого отдача, ну хотя бы в виде пресловутой любви либо какого-то её подобия, а нет, её преподобный муженёк постоянно пропадал на базаре, торгуя произведённой продукцией, а вечером, пропустив бутылочку водочки, вместо любовных утех устраивал спрос, почему, мол, свиньи дают маленький привес, а куры мало яиц. Когда спрос был на словах, Марина ещё терпела, а когда он перерос в допрос с пристрастием, она, кинув скребок, которым чистила у свиней, и ведро, в которое собирала яйца кур, хлопнула дверью и ушла к охраннику, который охранял телевизионную башню. Но однажды охранник, выпив бутылочку, а может, и две, за каким-то дьяволом попёрся на эту самую башню и, потеряв ориентир в пространстве, неудачно приземлился об землю, насмерть. Марина погоревала, но к свиноводу не вернулась, а, поступив в институт и получив специальность зоотехника, устроилась по специальности на птицефабрику «Петушок – золотой гребешок».

Так бы и работала там, но обстоятельства – коварная штука. На птицефабрику пришёл новый директор – Хапугин, начал периодически приставать к Марине Викторовне с различными не совсем пристойными предложениями. И когда в ответ на очередное предложение он вдруг, неожиданно получил по лицу, да чего уж там, естественно, по морде, от обиды порвав на себе новую заграничную рубашу, приказал уволить свою обидчицу по статье «превышение пределов защиты чести и достоинства частного лица».

А так как в это самое время все работники местной администрации разбежались, Марина Викторовна поспешила устроиться туда, правда, малость опоздала, место специалиста первой категории было двумя днями ранее занято Еремейкиной Полиной Ивановной. Но категория – это дело наживное, беда проявилась в другом, в её обязанности входило проведение обряда бракосочетания, чем она добросовестно и занималась. Бракосочетала других, создавая счастливые семьи, а сама, несмотря на красоту, никому была не нужна, как отрезало. И уже готова была даже на непристойный проступок, то есть присвоение чужого мужа, но и это, видимо, от избытка совести, не удавалось.

Вот почему на её прекрасном челе запечатлелась маска печали, которая сменилась маской надежды при виде Петра Петровича: а вдруг...

Всё это новый глава узнает позже, а сейчас самое время, дорогой мой читатель, подсказать бы ему то, что он напрасно надеется на какую-то помощь от описанных выше женщин. Все они попали в администрацию, как мы видим, случайно, после бегства предыдущего состава и в совершенстве не владели приёмами администрирования в сложившихся условиях, но наша подсказка не дойдёт до адресата, так как мы находимся в разных временных поясах с ним. А жаль, зная это, Петрович мог бы избежать некоторых казусов, произошедших с ним в дальнейшем.

Глава шестая. «Москвич» и Рыжка.

Ознакомление с административной территорией села Забытый путь к коммунизму

1

И в этот момент Пётр Петрович, вспомнив о своём верном друге Рыжке и выйдя во двор администрации, увидел, что тот, утомлённый длительной дорогой

и разморившись на солнышке, спит, мирно посапывая и периодически вздрагивая кожей, отгоняя таким образом назойливых мух. (Для тех, кто не знает, поясняю, что лошади любой породы спят стоя и во сне способны отгонять не только мух.) Пётр Петрович опять задумался: «Куда же пристроить лошадку?» – и хотел уже пойти отыскивать своего приятеля Тришкина, который, как мы помним, работал ветврачом на местной птицефабрике, но тут заметил угол гаража, выглядывавший из-за здания администрации, и вспомнил, что Леваков намекал на машину «Москвич», якобы принадлежащую теперь ему, Неугомонному.

Он вернулся в здание и спросил:

– У кого ключ от гаража?

– У меня, – отозвалась главный бухгалтер Лесоедова, – а зачем он вам? – спросила она и пристально посмотрела в глаза Петра Петровича.

По её взгляду было похоже, что в гараже хранится не только «Москвич», а и весь золотой запас Цементно-Шиферного района.

– Что значит «зачем»? – возмутился Неугомонный. – Должен же я осмотреть своё хозяйство.

– Ваше хозяйство у вас дома, а здесь всё пока ещё принадлежит государству и мне, так как находится у меня на подотчёте, – не унималась Лесоедова.

Петру Петровичу начинал надоедать этот цирк, и он уже хотел стукнуть кулаком по столу и послать куда-нибудь подальше главного бухгалтера с её принципами, например туда, где Макар телят не пас, но в это время кассир Недотёпина, видимо, решив добиться расположения нового начальника, открыла сейф и подала Петру Петровичу ключ. Лесоедова кинула в её сторону испепеляющий взгляд, поймав который, Недотёпина покраснела и обречённо рухнула на свой стул, по этой немой сцене Неугомонный понял, что одним взглядом кассиру не отделаться.

Пётр Петрович, как говорится, с ключом наперевес, двинулся к гаражу, заинтригованный необычным поведением бухгалтера, ожидая увидеть там необыкновенные ценности, например новенький «мерседес». За ним неотступно следовала Лесоедова, выкрикивая периодически лозунги о чести и совести муниципального бухгалтера.

Замок, так же, как и ограда администрации, уже подвергся переходному периоду от социализма к капитализму и был покрыт толстым слоем ржавчины. Под пристальным взглядом Лесоедовой Пётр Петрович с большим трудом открыл огромный амбарный замок и распахнул двери. То, что он увидел, повергло его в глубочайшее уныние и заставило усомниться в здравом уме главного бухгалтера. Его взору представилась коробушка, сорокалетнего возраста, с треснувшим стеклом, побитыми фарами, на разъехавшихся в разные стороны колёсах, с выдавленной на металле облицовки надписью: «Москвич-401».

«Во «Вторчермете» рублей пятьсот дадут», – подумал про себя Пётр, а вслух спросил:

– И какова же балансовая стоимость этой ценности?

– Большая, – с ударением на букве «о» ответила Лесоедова.

– Ну в таком случае пусть она остаётся у вас на подотчёте, а я похожу пешком либо проежусь на лошадке.

После этих слов бухгалтерша облегчённо вздохнула, но в кабинет не ушла, а продолжала наметанным взглядом следить за действиями своего нового шефа.

Пётр Петрович осмотрел гараж и остался этим осмотром доволен. Построенный одновременно со зданием администрации, он, вероятно, от нечастого использования выглядел для своего возраста неплохо и даже, можно сказать, добротно: стены кирпич-

ные, ровные, потолок и пол из хорошо сохранившегося дерева, крыша прочная, шиферная. В Цементно-Шиферном районе шифер делали очень хорошего качества.

«Ну вот и временное прибежище для Рыжки», – подумал он и, хитро улыбнувшись, представляя, какой сейчас разразится грандиозный скандал, пошёл за конём. Лесоедова, почуяв недоброе, неотступно следовала за ним. Пётр Петрович распряг Рыжку и, намотав на руку вожжи, подвёл его к гаражу. Рыжка, увидев чудище в образе «москвича», от удивления вылупил глаза, он привык видеть «волги» и «уазы», толпившиеся у районной администрации, а подобное сооружение видел впервые, и ему захотелось это подобие машины лягнуть из всех лошадиных сил. Но хозяин, повернув его задом к этой странной конструкции, привязал вожжи к хомуту, а другим концом зацепил агрегат, и Рыжка, поняв, что от него хочет хозяин, легко вытащил «автомобиль» из гаража. Вся эта процедура сопровождалась скрипом и визгом, исходившими от движущихся частей машины, и громкими воплями главного бухгалтера, которая иногда даже кричала «караул», но видя, что на помощь никто не приходит, замолчала и, не заходя в администрацию, пошла домой. А может быть, на очередном автобусе поехала в райцентр, жаловаться к Левакову Петру Геннадьевичу, что, скорее всего, неправда, так как она однажды уже ходила жаловаться в администрацию, чем навредила только себе и районному лесхозу.

Рыжка же оглядел со всех сторон «москвич» и, удручённый его убогостью, проникся к нему жалостью, лягать его не стал.

«Дьявол с ним, пусть стоит, копыта об него отбивать, пусть уж его ржавчина доедает», – подумала умная лошадь и, догадавшись, что гараж готовится под конюшню, благодарно лизнула своего хозяина в

мор..., то есть в лицо. Пётр Петрович снова запряг Рыжку, выехал в поле, накопил травы и, поставив коня в новую конюшню и вволю накидав в угол травы для прокорма, двинулся, наконец, в сопровождении Еремейкиной осматривать предназначенную для его проживания квартиру. Уважаемый читатель, не подумай ничего плохого, Еремейкина сопровождала Петра Петровича исключительно только для того, чтобы он не заблудился, село-то хоть и со странным названием, но очень большое.

А Неугомонный, осмотрев своё новое жильё и не найдя никаких недостатков, бросил под голову куртку, намаившись за день, тут же уснул крепким сном, прямо на полу. Ну и бог с ним, пусть спит, набирается сил, они ему ещё пригодятся на новом поприще административного руководства.

2

Солнышко своим ярким краем только ещё показалось над горизонтом, а Пётр Петрович был уже на ногах. Перекусить было нечем, и он, надеясь зайти в магазин для приобретения пищевого запаса попозже, двинулся в обход административной территории села Забытый путь к коммунизму.

И как оказалось, не он был первым, кто нарушил топотом своих шагов первозданную тишину окружающей среды. Беспорядочные коровы и быки, хищно выставив рога и вылизав безразличные бесцветные глаза, гуськом брели вдоль деревенских заборов, выискивая слабые места в них, чтобы проникнув в огород, утолить свой ненасытный аппетит. И не найдя таких мест, группировались в небольшое стадо с намерением проломить любую преграду.

На центральной улице села Пётр Петрович, дойдя до перекрёстка, который находился недалеко от администрации, попытался обойти огромную лужу, ко-

торая полностью захватила этот перекрёсток в свои зелёные, вонючие объятия. Но эта попытка с первого раза не увенчалась успехом, так же как и со второго. Он бы ещё долго пытался сохранить свою обувь от воздействия неприятного препятствия, но тут из переулка вывалил огромных размеров боров с загнутыми до самых глаз клыками, настоящий вепрь. Его сопровождали свиноматки и поросята разных размеров. Боров презрительно посмотрел на Петра Петровича и, мотнув головою, как бы приглашая последовать его примеру, с размаху плюхнулся в лужу. Сопровождавшие его «дамы» и их потомки тоже плюхнулись, создав при этом массу брызг и вони. Тут уж было не до сохранения обуви и вообще внешнего вида, и хозяин территории, которую заняли оккупанты в лице бродячего скота, рванул напрямую по луже, сопровождаемый, как ему показалось, насмешливым взглядом наглого борова. Преодолев препятствие, он долго оттирал об траву, чудом сохранившуюся от прожорливых коров, свои туфли и брызги грязи с одежды, которыми его окропили наглые свиньи, видимо, почувствовав в нём непримиримого врага.

В этот момент из переулка, постукивая тростью, на перекрёсток выплыла старуха и презрительно, прямо, как тот боров, осмотрев незнакомца, ехидно пропела:

– Опять новава партейца чёрт принёс, ишь какой щёголь, в ботинках «выпендрился», тута в сапогах не пролезешь. Опоздал, деятель, все партейные подвалы уже заняты. Зря обтирался-то, ета лужа не последняя. – И, ткнув борова своей тяжёлой тростью, поплыла дальше, громыхая тяжёлыми резиновыми сапогами.

О каких партийцах и о каких подвалах говорила бабка, для нового хозяина этой неухоженной территории было пока загадкой, что же касается выбоин и луж на дороге, в этом она оказалась права.

Дойдя до центральной площади, Пётр Петрович обнаружил огромные кучи мусора, в которых основное место занимали листы бумаги с напечатанным на них текстом. Подняв несколько листков и пробежав глазами текст, он понял, что это не просто листки, а листовки различных общественных и политических организаций. Особенно много мусора, непроходимые горы, было навалено у школы и Дома культуры.

Село было большое и располагалось недалеко от города. И местные бездельники, опираясь на городской опыт и поддержку городских основателей новых партий, наперебой друг другу начали создавать различные общественные и политические организации. И вроде винить их за это нет смысла, так как во всех странах в переходный период от одного режима к другому эта процедура – возникновение бездельников и возглавляемых ими организаций – дело необходимое. Для того чтобы было больше неразберихи в созданной ими мутной воде, тогда рыба, как говорится, ловится быстрее и лучше.

И вскоре новый хозяин территории обнаружил и так называемые офисы этих созданных организаций, скорее потайные их норы. Пользуясь тем, что на селе в отсутствие главы сложилось безвластие, эти архаровцы (*название происходит от наименования козла – архара*) заняли подвальные помещения школы, Дома культуры и даже каким-то образом проникли в контур птицефабрики «Петушок – золотой гребешок», наверняка дали взятку директору Хапугину.

Подойдя к описанным выше зданиям, Пётр Петрович обнаружил у входа в их подвалы вывески с названием этих организаций.

На дверях школьного подвала красовались сразу четыре вывески:

«Анархисты Кропоткина» – как войдёшь, направо, стол у батареи».

«Анархисты батьки Махно» – как войдёшь, направо, стол у окна».

«Троцкисты» – поверни налево, стол в углу».

«Капиталисты-марксисты» – налево и прямо пойдёшь, к нам попадёшь!»

Несмотря на ранний час, а может, пока Неугомонный с трудом одолевал пройденный путь, уже и неранний, из подвала доносились громкие призывы, перемежающиеся не совсем культурными изречениями. Пётр Петрович открыл дверь и, оглушённый воплями, на некоторое время застыл без движения.

– Анархия – мать порядка, Кропоткин – её основатель! – доносилось с правого угла от батареи.

– К дьяволу вашего Кропоткина, батька Махно – герой Гражданской войны! – летело справа от окна к батарее.

– Прав был Троцкий, только террором можно навести в этой стране порядок! Рушить нужно всё до основания, а затем... – летело из правого угла.

– Хочешь жить богато, читай «Капитал» Карла Маркса, – басил представитель партии «Капиталисты-марксисты».

Увидев вошедшего, все замолчали, а басистый «капиталист» спросил:

– Что, уважаемый, в партию пришёл записываться или свою организовать захотел? Если свою, то ты опоздал, нам самим здесь тесновато. Если в партию, рекомендую в нашу, остальные здесь – так себе, дрянь. Такто, батенька. *(Это он попытался подражать Ленину.)*

После этих слов обиженные партийцы из других углов так завопили, что в окне лопнуло стекло, лампочка под потолком быстро замигала, а партийцы, исчерпав все устные аргументы, стали кидать друг в друга заранее заготовленные листовки.

Ошарашенный услышанным и увиденным, Пётр Петрович вывалился за дверь и долго не мог прейти в себя.

«Неужели это – действительность, а может, меня специально решили разыграть, подготовили интермедию и выдали, чтобы проверить мою выдержку, – лихорадочно работал его мозг, – прямо кинофильм семнадцатых, революционных годов».

На двери подвального помещения Дома культуры чёрной краской было намалёвано:

«Независимые профсоюзы доярок и скотников» – в дальнем углу».

Ниже выведено красной краской:

«Независимые от Хапугина профсоюзы птичниц» – во всём подвальном помещении, кроме дальнего угла».

Туда он заходить не стал, на сегодня интермедий хватит.

На дверях конторы птицефабрики висел листок бумаги, на котором крупным шрифтом было напечатано:

«Правящая партия «Россияне, за мной» находится в красном уголке конторы, на втором этаже, председатель Богдан Хапугин» (*видимо, с дачей взятки я ошибся*).

Неугомонный поднялся на второй этаж, чтобы познакомиться с директором Хапугиным и председателем партии в одном лице, но секретарша сказала, что Богдан Титыч, то есть Хапугин, живёт в городе и приезжает на службу только к обеду, но частенько совсем не приезжает, и, чтобы с ним встретиться, нужно записаться на приём.

Пётр Петрович, удручённый результатами обследования территории, забыв о продуктах, которые хотел купить к завтраку, вернулся в администрацию и попросил у Еремейкиной список депутатов села Забытый путь к коммунизму.

Петра Петровича Неугомонного не обошла общественно-политическая работа и на птицефабрике,

где, как ты помнишь, он работал ветврачом и одновременно заместителем директора Колотозова Павла Ивановича. Так вот в том птицефабричном посёлке Дубровинском Пётр Петрович избирался депутатом сельского совета, когда не стало Советов, был избран депутатом сельской администрации. Глава посёлка Дубровинский – умный мужик, у него можно было многому научиться, но он часто болел и на время болезни просил Петра исполнять его обязанности. Так что Пётр Петрович, исполняя обязанности главы в посёлке Забытый путь к коммунизму, впросак попасть не мог.

Просмотрев список депутатского корпуса, который ему подала специалист первой категории Еремейкина Полина Ивановна, Пётр Петрович убедился в полной некомпетентности указанных в нём лиц. В него входили не умудрённые общественно-политическим опытом деятели, которые так необходимы для данной почётной должности, особенно в переходный период, когда ни в коем случае нельзя жить с открытым от удивления и глупости ртом: ты рот открыл – а ворона уже там.

Так вот, заглянув в этот список, Пётр Петрович без особого труда догадался, по какому принципу были избраны данные депутаты, а принцип был прост. Как и во всех других администрациях всей России. Работает тракторист хорошо – его в депутаты, поёт хормейстер Дома культуры хорошо – в депутаты её, любят учительницу в школе, глядишь, она уже и депутат. Хорошие люди, ничего плохого не скажешь. Но хороши они на своей работе и не умеют больше делать ничего, например, усмирять распоясавшегося общественно-политического деятеля. Для этого нужно стать таким же придурком, как и он, а трактористы и доярки этого делать не умеют, тем более в отсутствие вожака в лице главы местного самоуправления.

В это время в дверь постучали, прервав размышления Петра Петровича о перипетиях депутатского творчества.

– Войдите, – разрешил хозяин кабинета.

Дверь распахнулась, на пороге стояла специалист второй категории Вьюгина Марина Викторовна, в руках её дымились паром домашняя котлета и кружка, судя по запаху, с крепким кофе. Просияв всем своим красивым лицом, она, слегка смущаясь, сладким голосом пропела:

– Покушайте, Пётр Петрович, я знаю, вы сегодня ещё не завтракали, а уже скоро обед.

«Откуда она знает, что, она следила, что ли, за мной?» – подумал Пётр Петрович и, покраснев, как молодая барышня, хотел отказаться, но нестерпимый приступ голода заставил протянуть руки к подаваемой тарелке с котлетой и кружке с кофе, он это делал безо всякого умысла. Но у Вьюгиной этот умысел был.

Она растерянно потопталась у стола шефа, вероятно, ожидая приглашения присесть, но приглашения не последовало, и она, пятась к двери и пытаясь подавить возникшую заминку, вдруг сообщила:

– А главный бухгалтер, Лесоедова, на работу сегодня не вышла.

Сказав это, Марина Викторовна скрылась за дверью.

«Не вышла – и чёрт с ней, – подумал глава, смачно уплетая домашнюю котлету, – а эта Вьюгина неплохо готовит, прямо как моя Варенька».

Глава седьмая. Первый сход комом

1

Докушав котлету и выпив кофе, Пётр Петрович решил проверить деловые качества своих помощни-

ков, то есть провести планирование дальнейших действий администрации, так сказать, опереться в своей деятельности на деловой ресурс подчинённых. Они, с опаской глядя на нависший потолок в кабинете шефа, осторожно расселись вдоль стенки на расставленные там лавки и приняли глубокомысленное выражение своего лица. (*Видно было, что до чужого лица им нет никакого дела.*) Задав несколько вопросов, председатель данного собрания убедился в том, что этот деловой ресурс стоит на таком низком уровне, что, как говорится, половой плинтус в его кабинете на несколько сантиметров возвышается над ним и дальнейшее планирование приведёт только к напрасной трате времени. (*Если уважаемый читатель вспомнит, при каких обстоятельствах все эти люди попали на административную службу, то он согласится с выводом, сделанным Петром Петровичем.*)

«Случайные в моей команде люди», – сокрушённо подумал он, а вслух сказал:

– Думаю, пора нам повстречаться с жителями села. Напишите и развешайте объявления о том, что через два дня состоится сход граждан по следующим вопросам:

Первое – сокращение общественно-политических организаций.

Второе – организация субботника по уборке мусора.

Третье – пастьба скота и ликвидации свинства с улиц села.

Подчинённые, впервые за свою деятельность слыша о каком-то сходе, пошли немедленно выполнять поставленную перед ними задачу. Правда, Вьюгина попыталась задержаться в кабинете полюбившегося ей начальника, одарив его завораживающим взглядом, но тот, нетерпеливо махнув рукой, мол, сейчас не до того, немедленно преступил к подготовке к намеченному мероприятию.

Я, уважаемый мой читатель, как человек, прошедший через горнило административной службы, на его месте так бы не поступил. С чем он собрался выходить к людям? Разве обнаружил он внутренние резервы, о которых ему напоминал начальник? Нет! Разве в его силах было обеспечить светлое будущее страждущему населению? И тоже пока нет! К этому нужно долго и тщательно готовиться. А выходить и давить на совесть народа – это старый приём, отживший, совесть за этот не очень большой переходный период изменилась до неузнаваемости. И вот этот факт мог сильно понизить авторитет нового главы. (*Как говорят сейчас, опустить его рейтинг до очень низкого процента.*) Да, так вот оно и случилось. Как говорится, поспешишь – людей насмешишь.

2

Объявления были развешаны на все доступные для прочтения места, в том числе на двери «офисов» партийно-общественных организаций. Сход было решено проводить в Доме культуры. В назначенный день, за полчаса до начала мероприятия, Пётр Петрович, сопровождаемый своими помощниками, занял исходные рубежи в фойе этого культурного заведения, подвал которого прочно оккупировали профсоюзные деятели.

Пётр Петрович слегка волновался, его беспокоили два вопроса:

Состоится ли сход граждан, то есть соберутся ли эти граждане? – Первый.

Удастся ли разрешить поставленные вопросы? – Второй.

В это время в Доме культуры появился его приятель Тришкин.

– Слава богу, хоть какая-то поддержка будет, – обрадовался Неугомонный.

Но Тришкин обеспечивать поддержку новой власти не торопился.

– Ничего у тебя сегодня не выйдет, – твёрдо сказал он, – я-то обстановку в селе знаю хорошо.

Пётр Петрович не был самонадеянным дурачком, но обратный ход давать было поздно, да и его помощники особого беспокойства не испытывали, хотя что о них говорить, коэффициент их полезного действия вызывал у него большие сомнения.

Сомнение по поводу сбора граждан отпало довольно быстро, то ли потому, что их никто давно не собирал, то ли их заинтересовали поставленные вопросы, а может, по другой причине, но эти граждане валом валили со всех сторон и от школы даже шли организованной колонной. Над колонной пламенели ярко-красные полотнища плакатов.

«Партийцы организовали», – подумал Пётр Петрович.

Но когда колонна приблизилась, он, ошарашенный, замер от удивления: плакаты несли директор школы, учителя (*он за эти дни до схода заходил в школу и познакомился с преподавательским коллективом*) и учащиеся старших классов.

На плакатах, сияя свежей белизной, красовались призывы:

«Защитим демократию в селе Забытый путь к коммунизму!

«Да здравствует партия «Капиталисты-марксисты»!»

«Свободу профсоюзной деятельности!»

Колонна остановилась у крыльца Дома культуры, тесно сплотив свои ряды. Навстречу появившемуся на крыльце Петру Петровичу выступили директор школы и директор Дома культуры.

Слово взял директор школы:

– Уважаемый глава нашей сельской администрации, мы просим вас не делать скоропалительных вы-

водов по поводу большого количества партий и других общественных организаций. Если бы не они, все бюджетные работники давно бы умерли с голоду в нашем селе. Они честно и бесперебойно платят аренду за занимаемые подвалы, а мы распределяем арендные деньги бюджетникам. Государство же наше уже семь месяцев не находит средств на выплату зарплаты, и единственное спасение – это арендаторы. Если можете, пригласите ещё желающих, а мы найдём для них места для размещения.

«Вот это поворот», – подумал Неугомонный, понимая, что первый поставленный на повестку вопрос проваливается.

В это время оратор сменился, на место директора школы вышел директор Дома культуры, и речь его была не менее пламенной, чем речь предыдущего оратора:

– Дорогой вы наш, долгожданный глава, – высокопарно загнул он, – мы слышали о том, что в некоторых администрациях района заработную плату выдают водкой и другими продуктами питания. Если вы, уважаемый, добьётесь такого же обеспечения на нашей территории, то тогда между нами возникнет, возможно, деловой консенсус.

«Во даёт! Прямо второй Горбачёв!» – подумал Пётр Петрович, понимая, что первый вопрос окончательно проигран, против народного глагола не попрёшь.

Вдруг по асфальтированной площадке у Дома культуры загромыхали резиновые сапоги и застучала трость, народ расступился, и взору Неугомонного предстала бабка, с которой он утром повстречался у лужи со свиньями.

– Ну всё, Кузьминишна пришла, сход пора заканчивать, – обречённо прошептал сзади в ухо Тришкин.

– Хтой-т тут голова? – прищуриив подслеповатые глаза, спросила старуха. – Ет ты, щёголь? – уставилась она

на Петра. – Ты ботиночки-то скинь, я слышала, ты на лошадке приехал, значица, будешь со своей министерацией по очереди коров наших пасти, а как жа. Пастух, он ить трескать тоже хочить, а плотить яму нечем, пензию не дають, оплаты за труды – тожить. А как жа жить? Ты вот, говорять, собираесси свиней с улицы убрать, значить, мы их пригоним в твою министерацию, корми. Ты не догадываеся, почаму они на дороге ляжать, дык знай: они на ей кормяца, идёт машина с кормами или с зярном, шасть в ухаб, а горсть кормов от сотрясенья за борт, свиньям и радьсь.

Народ одобрительно загудел и начал расходиться.

Тришкин сочувственно похлопал Петра Петровича по плечу и на прощание посоветовал собрать депутатов и совет ветеранов.

– Конечно, помощь не ахти какая, но они местные и нравы населения знают лучше. Глядишь, и посоветуют что-то, я-то – тоже депутат, на меня ты можешь положиться, – сказал он на прощанье.

«Что-то последнее время меня преследуют неудачи, – подумал Неугомонный, – на кой дьявол я ввязался в это администрирование?!»

Чувствовалось, что в селе явно укрепился дух анархии, идеи Кропоткина и батьки Махно главенствовали над «Капиталом» Карла Маркса и пока ещё над лозунгами Троцкого, но если не принять радикальных мер, на первый план могут выдвинуться троцкисты.

Глава восьмая. Где выяснится, что Пётр Петрович не одинок в своей деятельности и что не перевелись ещё хорошие люди на селе

1

Пётр Петрович после так неудачно проведённой первой встречи с народом несколько дней ходил покурый, обдумывая дальнейшие свои действия, и не

мог ничего толкового пока придумать. Сейчас ему нужен был дельный совет, но получить его было не от кого. Тришкин был занят на производстве, делал прививки и кормил любимых петухов витаминами. С его непосредственных помощников толку было мало. И Неугомонный начал подумывать уже о позорном бегстве с данного вверенного ему административного участка необъятной родины. Сдерживало его от свершения такого проступка необычайное упорство в преодолении трудностей, и Варенька, любимая жена, которую вместе с деточками перевёз Пётр на новое местожительство. А также мерин Рыжка, обживший свою новую конюшню – гараж и преданно глядевший в печальные глаза своего хозяина, внушая надежду на лучший исход в решении его проблем.

И вот однажды, если быть точным, на пятый день после неудачного схода граждан, дверь в кабинет главы местного самоуправления осторожно приоткрылась, и на пороге появился приятной наружности худощавый гражданин преклонного возраста. Грудь этого гражданина украшали ордена и медали, напоминавшие о его героическом прошлом в годы Великой Отечественной войны.

– Авдеев Степан Иванович, председатель совета ветеранов данного поселения, – представился он, подсаживаясь к столу. – Ждал, когда вы пригласите меня к себе, не дождался, пришёл сам.

– Очень хорошо, что пришёл, уважаемый Степан Иванович, я спрашивал своих помощников о существовании совета ветеранов, они знать ничего не знают, – обрадованно засуетился Пётр Петрович, почувствовав, что появление этого человека как раз так необходимо ему в данный момент.

– Да какие они тебе помощники, Пётр Петрович, так сидят, только место занимают. У нас и депутаты неплохие, и совет ветеранов вместе с советом женщин

раньше работали хорошо. И с директорами птицефабрики мы жили дружно, вместе делали одно дело на благо нашего села, – в голосе председателя чувствовалась горечь, вызванная происходящим сегодня, и гордость за прошедшие времена. – Раньше-то директором был Леваков Пётр Геннадьевич, хороший был директор, так нет, понесла его нелёгкая в райком партии, а теперь вот в главы. Ничего своего нет, сидит ждёт милости от бюджета. После его был Божков Алексей Николаевич, хороший человек, он продолжил дело Левакова, тоже много строил, птицефабрика занимала всегда передовые места, все знамёна, начиная с районных и заканчивая знаменем ЦК КПСС, находились у нас. А Божкова народ избрал депутатом Верховного Совета СССР, развалился Союз, пришли новые хозяева – капиталисты, сожрали мужика.

Теперь вот пришла власть Хапугиных да Лесоедовых, одна забота – как бы набить свой карман краденными деньгами, – с горечью продолжал ветеран. – Ты вот поторопился проводить сход граждан, не подготовился, а они, эти новые хозяева, тебе лапши на уши быстро навешали. Ты думаешь, откуда на нашей территории столько дешёвых партий появилось? Городские друзья Хапугина да Лесоедова постарались. Пока эти партийцы своими лозунгами да листовками вносят бедлам в головы населения, Лесоедов ворует лес, а Хапугин хочет приватизировать птицефабрику. Это они подкупили директоров школы и клуба, и те организовали демонстрацию. А бабка Кузьминишна – родная тётка Лесоедова, она всегда вносит смуту во все добрые начинания. Вот она рассказывала о том, что нечем платить пастуху и нечем кормить свиней, денег нет. Да, их нет у бюджетников, а основная масса населения работает на птицефабрике и зарплату пока получают, но, однако, тоже не спешат платить пастуху и содержать сво-

их свиней дома. А это опять же на руку новым хозяевам: вот, мол, смотрите, администрация никаких мер не принимает, не может, а раз не может организовать простые вещи, то и хозяином территории быть у неё нет прав, – заключил свой рассказ Степан Иванович.

– Да, поспешил я с этим народным собранием, – признался Пётр Петрович и, вспомнив непроходимые ухабы на дорогах села, спросил: – А скажи мне, Степан Иванович, что же произошло с дорогами в селе? Ещё год назад я частенько проезжал по вашему селу и помню, что на улицах был всегда асфальт, а теперь невозможно без резиновых сапог пробраться до центра села.

– Так теперь никто за ними не следит, Пётр Петрович, раньше они принадлежали птицефабрике, а пришёл Хапугин и передал их в администрацию, а твоя помощница Еремейкина приняла, не глядя подписала акт передачи. На птицефабрике был свой заводик по изготовлению асфальта и армянин Ёрик-джан, так его прозвал наш народ, постоянно следил за состоянием дорог, ремонтировал их. Но теперь, раз они административные, Хапугин выгнал Ёрика с птицефабрики, а в администрации нет денег на их содержание, а может, и нашлись бы, да этим никто не занимается. А разбитые они потому, что Лесоедов возит лес на продажу прямо по центральной дороге села тяжёлыми машинами. Да и Ёрик-армян тоже вложил свою лепту в их разрушение, заводик-то остался на нашей территории, а договор на укладку асфальта он заключил с городом, там кладёт асфальт, а по нашим улицам возит щебень. А есть ли у них пропуска на проезд по посёлку, никто не спрашивает, некому, полгода ни главы, ни участкового.

Много необходимой информации получил Пётр Петрович от председателя совета ветеранов. Попили

чайку, поговорили про жизнь, про изменения, происходящие в этой жизни, вспомнили былые годы.

– Спасибо тебе, Степан Иванович, – воспрял душой и сердцем Неугомонный, – я в ближайшие дни постараюсь пригласить депутатов и советы ветеранов и женщин.

– Погоди, не спеши, – умерил пыл главы председатель, – они к тебе не пойдут.

– Это почему же?

– Да потому, что сюда приходиться опасно, ты посмотри на свой потолок и пол, соберётся народ, а потолок рухнет, потолок рухнет – пол провалится. Я к тебе завтра подошлю трёх мужичков-ветеранов, они раньше работали в стройцехе на птицефабрике, отличные были плотники, да и сейчас могут всё делать не хуже, чем в те времена. Ну ладно, пора мне, а то старуха потеряла, до свидания. Я теперь тебя одного не оставлю с твоими проблемами, ты мне понравился, а я в людях разбираюсь.

После ухода председателя на сердце Петра Петровича стало так легко, что он хотел запеть, но вовремя сдержал эмоции, боясь напугать своих подчинённых. Встав из-за стола, он быстро прошёл в конюшню-гараж к своему другу Рыжке, а тот, заметив положительные изменения в облике своего хозяина, как всегда, ласково лизнул его в мор... в лицо своим шершавым языком.

2

На другой день, как только Пётр Петрович подошёл к воротам администрации, появились три крепеньких мужичка преклонного возраста. Поздоровавшись по рукам, представились:

– Бывшая бригада стройцеха: Виктор Петрович – бригадир, Пётр Кузьмич и Василий Дмитриевич – плотники. Ну, что у тебя случилось, Петрович?

После неудачного схода Петра Петровича знали в деревне все.

– Да вот, заходите внутрь, увидите сами, – пригласил их Неугомонный.

Заглянув в кабинет главы, мужики с сомнением покачали головой:

– Ну, Петрович, здесь, если делать всё путём, материалов и времени много потребуется, а если сделать, как в Колонном зале московского Дома Союзов, затрат и времени будет немного, но смеха будет достаточно, – съязвил бригадир.

– Это как же? – спросил озадаченный Пётр Петрович.

– Да всё очень просто, мы балочку под потолок подведём и тремя подпорками её закрепим, заодно и пол под напором подпорок слегка выправится, и потолок укрепитя и станет ровным. Усёк? – опять сострил бригадир, давая понять, что ему палец в рот не клади. *(Не делай этого, дорогой мой читатель, никогда. Зачем пихать пальцы в чужой рот? Во-первых, неприлично, а во-вторых, дьявол его знает, о чем думает хозяин рта, возьмет еще и откусит твои пальцы.)*

Пётр Петрович с готовностью с бригадиром согласился, а что ему оставалось делать? Актив-то нужно собирать, время идёт, а он ещё ничего не успел путевого сделать.

Мужики вышли в коридор и упёрлись в ранее описываемую подпорку.

– А эта зачем здесь стоит? Вроде бы и не нужна, – отметил прозорливый и разговорчивый бригадир, – давай, Петрович, мы её уберём к чёртовой матери.

Но Петрович не разрешил убирать подпорку ни к матери, ни к бабушке:

– Зачем-то она здесь была поставлена, пусть пока стоит, убрать всегда успеем.

(Какой же он оказался прозорливый, ты скоро убедишься, дорогой мой читатель.)

– У тебя, мы слышали, лошадка есть, нам она сейчас понадобится, в стройцехе остались несколько брёвен, как раз на твоё хозяйство хватит, – опять пошутил бригадир, – стройцех Хапугин приказал закрыть, так что эти брёвна всё равно сгниют, а мы их в дело пустим. Теперь-то директор связался с Лесодовым, помогает ему машинами лес разбазаривать, зачем ему стройцех, говорит, что от него одни убытки, – уже с горечью добавил бригадир.

Пётр Петрович вывел Рыжку из гаража-конюшни, запряг в стоящие тут же дрожки и передал вожжи бригадиру. Рыжка недоверчиво посмотрел на представителя строительной бригады и вопросительно на своего хозяина. Неугомонный подвёл коня к окну, и тот увидел изуродованный потолок. Рыжка тут же понял всё: и то, что над его хозяином нависла угроза быть задавленным потолком, и то, что эти чужие люди хотят его избавить от гибели, и то, что теперь исход спасения напрямую зависит от него, преданного и верного своему хозяину коня. И он безо всякого сопротивления, а наоборот, с радостью выполнил всё от него зависящее в этом «строительно-монтажном» деле.

И вот завизжали пилы, застучали топоры, забеспокоились обитатели административного здания, поглядывая на кабинет своего шефа с тревогой и глубоко засевшей надеждой на то, что потолок всё же обвалится и тогда можно будет не ходить на работу по причине аварийного состояния здания. Но этого не произошло, и буквально через два дня состоялся приём выполненных строительных работ у ветеранов труда, с благодарностью и обещанием когда-нибудь рассчитаться финансами, видимо, в скором будущем, но точное число не называлось по причине непреодолимой бедности данного учреждения.

А кабинет главы действительно стал колонным залом административного дома села Забытый путь к коммунизму. Как раз посредине его были установлены три хорошо отёсанные стройные подпорки – колонны, разделяющие этот кабинет на две части, до подпорок и после. Но зато пол и потолок под воздействием этих подпорок выпрямились и присутствию общественных и политических деятелей ничем не угрожали. Можно было собирать актив и решать наболевшие вопросы.

Глава девятая. Сбор актива. Поиски внутренних и внешних резервов

1

И вот, наконец, настал долгожданный день. Оповещённый актив: депутаты, совет ветеранов, женсовет и руководители бюджетных учреждений, а также приглашенные директор птицефабрики Хапугин, дорожный мастер Ёрик-джан и директор лесхоза Лесодов – к назначенному часу дружно заполнили «колонный зал» сельской администрации.

Как только Пётр Петрович объявил о начале заседания, нарушая регламент, тут же поднялся директор птицефабрики, было видно по лицу, что визит его в кабинет главы был далеко не дружественным.

– Вами, господин Неугомонный, нарушен регламент проведения подобных мероприятий, – заявил он. Когда-то Богдан работал в областном исполкоме шофёром и, видимо, там нахватался верхушек бюрократического толкования различных заседаний. – Вы обязаны были представить за три дня до совещания план его проведения каждому приглашенному. Кроме того, я бы мог вообще на него не являться, так как в скором времени буду частным лицом на данной территории, потому что заканчиваю процесс приватиза-

ции птицефабрики. Дело осталось за малым, ваша администрация должна продать мне земли, на которых расположено моё хозяйство. В принципе, я за этим и пришёл.

Присутствующие члены актива неодобрительно приняли такой вызов, и будь эта сходка где-нибудь в другом месте, например, за углом какого-то учреждения, это неодобрение могло вылиться в непристойные выражения либо в физическое прикосновение к мор... лицу Богдана Титыча.

– Уважаемый Богдан Титыч, – хотя Пётр Петрович сразу понял, что к Хапугину слово «уважаемый» никакого отношения не имеет, иначе он обратиться к нему не мог. В данный момент подходящие слова, вертевшиеся на языке Неугомонного, не могли быть произнесены, так как сразу бы исказили ход проводимого мероприятия, – что касается регламента, должен вас огорчить: здесь не облизполком и бегать за вами, для того чтобы вручить план, некому, да вас на этой территории днём с огнём не сыщешь. Что же касается продажи земли, я никому и ничего не должен, и, пока я здесь сижу, ни о какой продаже речи быть не может, только аренда. Это спасёт в будущем хозяйство от перепродажи в чужие руки и сохранит доходы от налогов для нашей территории, да и насчёт приватизации вы, я думаю, слегка поспешили.

Бог его знает, где Пётр Петрович нахватался подобных выражений. Но они были встречены бурными аплодисментами и некоторыми проблесками уважения к нему. А Хапугин, покраснев от ярости, вскочил и покинул место столкновения различных мнений, он признавал только своё.

Активисты оказались деловыми людьми, и тут же с их помощью выяснилось, что множественные партии, находящиеся на территории села Забытый путь к коммунизму, на данной территории не зарегистри-

рованы, а значит, их пребывание здесь незаконно, о чём и были предупреждены немедленно директора школы и Дома культуры.

На их слезливый вопрос: «А чем же платить зарплату учителям и балеринам?» – Пётр Петрович доложил, что он связался по телефону с Леваковым Петром Геннадьевичем и тот пообещал подкинуть для этих целей машину водки и десять ящиков колбасы. Указанные продукты поступят уже завтра, и, чтобы не остаться без «зарплаты», нужно своевременно подать заявку с указанием количества, про качество специально умалчивается, чтобы не отбить охоту от натуроплаты.

На вопрос: «Почему ранее такая оплата труда не распространялась на данную территорию?» – Пётр Петрович ответил, что главный бухгалтер Лесоедова отказывалась брать их себе на подотчёт.

– Она такая, стерва! – послышался шепоток со стороны директора лесхоза Лесоедова.

Но тут как раз подошла его очередь держать ответ за разбитые дороги и вывозимый без контроля лес на продажу. И кто бы мог подумать, у Лесоедова оказались все документы в полном порядке: и пропуск на проезд, и билет на вырубку леса. Неудивительно вообще-то, у тех, кто занимается хищением леса, все документы всегда в порядке. Прокурор у него частенько гостит, заместитель Левакова, Николайчик – его друг. При таких помощниках от леса в скором времени останутся только пеньки.

Активисты понуро опустили головы, а Лесоедов, с гордо поднятой головой и презрительным взглядом в сторону главы, направился к выходу. Но тут случилось чудо! *(Может же оно случиться, уважаемый мой читатель, ты ведь тоже не хочешь, чтобы паршивые расхитители ходили с гордо поднятой головой и презрительным взглядом?)*

Дверь неожиданно открылась и навстречу Лесоедову выдвинулась из неё богатырская фигура бывшего начальника милиции Горохова (*это мы с тобой помним, что Горохова сняли с должности, а подлый лесоруб – нет*), директор лесхоза попятился и сел на своё прежнее место.

– Ну что, Вася, кончилась твоя спокойная воровская жизнь, – произнёс Горохов, – сняли сегодня с должности твоего друга, заместителя Николайчика, и прокурора перевели в другой район, а тебя мне приказано завтра доставить в РОВД, дело на тебя заводят.

Все активисты опять захлопали одобрительно в ладоши. (*Обещаю тебе, уважаемый мой читатель, больше на сегодня чудес не описывать, а то активисты отобьют себе руки, хлопая в ладоши.*) И чтобы эти ладоши отдохнули, был объявлен перерыв.

2

– Ты как сюда попал? – спросил Пётр Петрович Горохова, когда все вышли, и они остались вдвоём.

– Направили к тебе участковым, ты же помнишь, мы с тобой в приёмной Левакова встретились, я провинился, он позвонил в областной отдел милиции генералу, и тот меня от обязанностей начальника милиции района тут же освободил.

– Да за что? Неужто, я был прав, когда спросил тебя про пистолет?

– Конечно, ты угадал, доконала меня эта проклятая привычка размахивать пистолетом. Опять я его потерял.

– В роддоме, что ли? – вспомнив случай в аптеке, связвил Пётр Петрович.

– Да нет, в амбаре. Украла в совхозе «Светлый путь» зерно, поехал я сам туда, зерно быстро нашли, воры перепились и от склада сумели дойти только до

первого ложка, там я их и накрыл. А после главный агроном приволок самогона и сала, ну мы с ним прямо в амбаре набрались, а чем это кончается, ты сам знаешь. Видимо, махал я, махал пистолетом да и закинул его в зерно, а зерна в складе двести тонн, пойдди найди сразу. Вот меня и турнули, хотели совсем изрядов доблестной милиции, но я поехал в этот совхоз и всю неделю вместе с женой пересыпал через решето зерно. На седьмой день повезло, нашли. И вот теперь вместе будем наводить порядок в этом забытом богом Пути...

– Ну в этом ты, Михаил Михайлович, не прав, село хорошее, рядом город, река, богатая птицефабрика, сюда доброхоты так и прут в надежде чем-то поживится, а наша с тобой задача восстановить здесь порядок и сохранить материальные ценности. Я надеюсь, пистолет нам вновь искать не придётся?

– Пистолет мне пока не выдали, сказали, здоровый лоб и без него обойдёшься. А что касается порядка, я всегда готов побороться за него, – согласился участковый Горохов.

3

Совещание было продолжено. Настала очередь отчитаться дорожному мастеру Ёрику. Сначала он тоже хотел, как и Хапугин, разыграть неприкосновенность: мол, я частное лицо, что хочу, то и ворочу, но появление Горохова быстро охладило его пыл. Кроме того, Пётр Петрович, готовясь к сходке, выяснил, что на протяжении длительного времени Ёриджан не платил аренду за земли, на которых находился его заводик и складировался щебень, сумма оказалась приличная.

– Вот что, уважаемый Ёрик Мукучевич (у «джана», оказывается, было отчество!), у меня есть предложение, – заявил озадаченному озвученной суммой долга

Ёрику Неугомонный, – сумма твоего долга, как видишь, немаленькая, поэтому я предлагаю её погасить в ближайшие дни натуральной оплатой, то есть ты отсыпаешь все улицы села щебенкой, разравниваешь дороги грейдером – и мы квиты.

Это предложение опять было встречено бурными продолжительными аплодисментами. (*И хоть я и обещал не вызывать действиями Петра больше аплодисментов, удержаться не мог, так как оказалось, в отличие от Левакова, Неугомонный умело изыскивал местные, внутренние резервы.*) Видя такую сплочённость сельского актива и напор главы, поддерживаемый блюстителем порядка в лице участкового, Ёрик Мукучевич неожиданно по-военному вытянулся по стойке смирно и, коверкая русский язык, отчеканил:

– Разрэшитэ випольнять? – И немедленно покинул помещение.

Оставались нерешёнными два вопроса: бродячий скот и уборка мусора.

– Вот что, уважаемые друзья, – обратился Пётр Петрович к активистам, – мы несколько засиделись, уже поздно, если вы нам доверяете, мы эти вопросы решим в рабочем порядке с участковым.

И, конечно, обрадованные тем, что, наконец-то, в селе появилась власть сразу в двух лицах, и не просто власть, а деятельная, все согласились беспрекословно доверить решение любых вопросов новой администрации. И в том, что Пётр Петрович назвал всех друзьями, он не ошибся. Видя его стремление улучшить их жизнь, жизнь села в целом, они поняли это выражение не как обычное обращение, а как утверждение того, что он, действительно, друг всем вместе взятым и каждому по отдельности.

Но не нужно обольщаться, так думали активисты, а было немало особей человеческого вида, которые думали иначе. Вот, например, бабка Кузминишна,

она всё то время, в которое проходило совещание, толклась на крыльце администрации и ехидно ворчала:

– Ишь собрались, язви их, нехристей, чавой-та рishaют, видна, свиней резать будуть или Ваську маво сажать собрались.

4

На другой день глава администрации Неугомонный и участковый Горохов с утра заседали в «колонном зале». Сначала просматривали списки на распределение водки и колбасы под заработную плату, обнаружив, что запросы намного превышали поставки, поправили эти списки. Правда, привоза ещё не было, что позволяло двум административным корифеям решать текущие вопросы.

– Ну, что будем делать с уборкой мусора, Пётр Петрович? – не задал вопрос, скорее, задумался над его решением Горохов.

– Всю ночь почти не спал я, Михаил Михайлович, думал и вот что придумал, – загадочно улыбнулся глава. – Ты видел вчера, тут весь день на крыльце толклась старуха Кузьминишна?

– Да она и сейчас там мечется, ожидает, наверное, когда я повезу в район Муравьедова.

– Вот и хорошо, она нам и поможет.

– Это каким же образом?

– Сейчас увидишь. Пригласи её в администрацию, пусть посидит на лавочке в коридоре, а когда будешь заходить в кабинет, двери совсем не закрывай, пусть слышит, о чём мы говорим.

Участковый Горохов, не понимая, куда клонит Неугомонный, просьбу его, однако, выполнил. Бабка, обрадованная таким вниманием и возможностью чего-нибудь выведать, прочно уселась на лавочке и навострила уши. А глава и участковый, как бы продол-

жая начатый разговор, нарочито громко обсуждали проблему уборки мусора.

– Так вот, – произнёс Пётр Петрович, – мы вчера порешали прикрыть незарегистрированные партии на нашей территории, а я думаю, зря.

Участковый удивлённо вытаращил глаза, но Неугомонный, приложив палец к губам, молчи, мол, продолжал начатую фразу:

– Давай мы устроим соревнование между ними. Члены какой партии быстрее уберут свой мусор, та и будет зарегистрирована на нашей территории.

Конечно, Пётр Петрович мог бы и сам объявить об этом партийцам, но решение об их ликвидации было принято коллегиально, и он не собирался его нарушать.

В коридоре послышалась возня и быстрые, насколько могла это делать бабка, шаги. Затем захлопнулась дверь, и послышались через открытое окно шарканье резиновых сапог и стук батога – клюшки.

После того как бабка Кузьминишна разгромила Петра на сходе, он подробно расспросил своих помощников о повадках злобной старушки, чего-чего, а сплетни сельские они знали хорошо. Так вот бабка, как оказалось, была не равнодушна к партии «Капиталисты-марксисты». Видимо, хотела ещё богато пожить, вспомним их лозунг: «Кто хочет жить богато – вступайте в партию «Капиталисты-марксисты». Поэтому, подслушав разговор в администрации, она тут же кинулась к председателю полюбившийся ей партии.

– Слухай, преседатель, ты хошь у нас в дяревне быть первым? – с порога занимаемого партией подвала заговорщицки зашептала она.

– Так вчера нас с вашей территории ликвидировали, какой тут к дьяволу первый.

– Ты послухай, чаво я табе скажу, – и она передала председателю весь услышанный в администрации разговор.

А в администрацию тем временем поступила обещанная заработная плата. Для её размещения те же ветераны отгородили тёмсом заднюю часть кабинета главы, как раз ту, что находилась за подпорками, получилась отличная кладовка. При размещении «заработная плата» позванивала хрустальным звоном и шуршала колбасной обёрткой. Пётр Петрович взял всё это себе в подотчёт. Главный бухгалтер после слухая с «москвичом» на рабочем месте не появлялась.

Участковый инспектор Горохов увёз в район директора лесхоза Лесоедова, при его транспортировке никакого волнения на лице Василия инспектор не обнаружил.

«Зря стараетесь, – думал про себя тот, – сейчас лес всем нужен, судья тоже человек».

5

А Пётр Петрович продолжал разыгрывать хорошо продуманный бессонной ночью план. После того как плотники-ветераны сделали кладовку в его кабинете, он попросил их сделать на поляне за селом загон из жердей или хотя бы начать его воспроизведение. В подвозке жердей опять принял непосредственное участие мерин Рыжка. Неугомонный снова все надежды возложил на небывалое любопытство бабки Кузьминишны и не ошибся. Как только ветераны преступили к изготовлению загородки, тут же, шлёпая резиновыми сапогами, появилась любопытная старуха.

– А чавой-т вы делаетя? – прищулив глаз, вопрошала она.

– Да вот готовим загон для бродячих коров, – наученные Петром Петровичем, тихо, оглядываясь вокруг, как бы кто не услышал, сообщили они, – участковый поехал за подмогой в район, чтобы загонять коров. Наймут доярок, а молоко будут сдавать государ-

ству, безвозмездно. Ну ты, бабка, никому не говори, не подводи нас. Мы только тебе по секрету сказали.

– Не, никому! – и бабка быстро закондыляла в сторону села.

Через некоторое время на главной площади села послышались её истошные крики:

– Люди добрыя, послушайте, чаво етот щёголь прядумал, коров наших будут в загон загонять, апосля доить и молоко увозить у гасударству, а вам – хрен, а не деньги.

Вокруг бабки быстро собралась толпа народа, посоветавшись, люди начали перемещаться в сторону администрации, где их, стоя на крыльчке, уже ожидал Пётр Петрович.

Инициативу из рук бабка Кузьминишна не выпустила.

– Ет ты чавойта прядумал, щёголь? – сотрясала она зажатой в руке клюшкой. – Како имешь ты право личную добро за так у гасударству сдавать? Ты ба лучше пастуха нам обяспечил, и гдей-то он.

– Ты ж сама, бабка, сказала, что это – личное добро, почему же я должен вам обеспечивать пастуха? Нанимайте, составляйте договор, а я его зарегистрирую и буду наблюдать за его исполнением, в случае нарушения помогу восстановить справедливость.

Бабка сначала опешила от такого ответа, крыть было нечем, но через мгновенье замешательства вновь подняла клюшку над головой.

– Можа, и свиной наших на мясу пустишь? – вопрошала она. – Их тожа из лужив будешь в загонья гнать?

– Нет, их не буду, они сами в лужах валяться не будут, да и луж не будет скоро, – спокойно ответил Неугомонный и затем пристыдил разгулявшуюся толпу. – Неужели вам самим нравится такой беспорядок: лужи, свиньи в них, коровы, бродящие по селу и пугающие детей? Ведь совсем недавно это село было са-

мым чистым в районе. Неужели вы всем селом не могли обломать рога разгулявшимся партийцам, замусорившим всё здесь, или Муравьевову, разбившему все дороги по улицам?

– Васью маво не трожь! – завопила бабка Кузьминишна.

На неё зашумели, и она постаралась быстро скрыться в задних рядах.

– Всё мы вроде понимаем, да вот растерялись в текущем времени, всё перевернулось с ног на голову, а пойти за советом некуда, администраторы наши разбежались, раньше были партком и фабком, пришёл Хапугин – разогнал. Не видим, к чему стремиться, вот и распустились, – уже миролюбиво заговорили из толпы.

– Вот я перед вами, новый глава администрации, появился участковый, давайте вместе наводить порядок. А молоко от ваших коров я сдавать, конечно, никуда не имею права, но если в ближайшие три дня вы не найдёте пастуха, будем загонять бродячих и штрафовать владельцев.

На этом и разошлись, может быть, и не совсем довольные друг другом, но определившиеся в первом контакте, кто есть кто.

Глава десятая. Здесь описываются результаты проведённых мероприятий

1

А тем временем члены партии «Капиталисты-марксисты», сплотив свои ряды, ринулись на штурм мусорной кучи, которая, судя по лозунгам находившихся в этой куче листовок, принадлежала именно им. Но как же было их удивление, когда они обнаружили, что и их конкуренты тоже штурмуют принадлежащие им мусорные завалы. Видимо, в каждой партии нахо-

дился свой Иуда, который передавал секреты своих однопартийцев и, скорее всего, не безвозмездно. Соревновательный накал до того захватил противоборствующие стороны, что к вечеру того же дня все мусорные кучи переместились с главной площади села на мусорную свалку. Которая, как оказалось, всё-таки существовала в специально отведённом для этих целей месте.

И всё же победили члены партии «Капиталисты-марксисты», так как они имели численное превосходство над своими соперниками, видимо, их лозунг, обещающий богатую жизнь, оказывал на население притягательное влияние. Но выиграла в конечном итоге центральная площадь села, она засияла первозданной чистотой и привлекательностью. А члены всех партий удивились своей глупости, как это раньше они не догадались до этого: ходить можно беспрепятственно, не запинаясь за лозунги и листовки, а догадаться о месте дислокации их штабов было бы непросто.

Председатель партии «Капиталисты-марксисты» Фридрих Неэнгельс с утра пораньше явился в администрацию к Неугомонному:

– Уважаемый Пётр Петрович, поставленные перед нашей партией задачи мы с честью выполнили. Хотелось бы знать, когда состоится регистрация партии на вверенной вам территории?

– Уважаемый Фридрих Неэнгельс, позвольте узнать, кто вам сказал, что эта регистрация состоится? – в тон ему вопрошал глава.

– Член нашей партии бабушка Кузьминишна.

(Оказывается, после того как бабка принесла благую весть, она была принята в партию без прохождения кандидатского минимума.)

– Так вот, уважаемый председатель, это всего лишь бабушкины сказки – и не больше того. Я вам предла-

гаю добровольно освободить школьный подвал до вечера, иначе выселение состоится насильственным путём. Прощайте, бабушке Кузминишне – привет!

На другой день после состоявшегося разговора подвалы школы и дома культуры были свободны и лишь кое-где по углам можно было обнаружить одинокие листовки с призывами к лучшей жизни, о которой всегда мечтает человечество, но не может обнаружить то место, где эта жизнь спряталась.

Члены профсоюзов, разместившиеся в подвальном помещении Дома культуры, не дожидаясь насильственного воздействия на их сплочённые ряды со стороны администрации, объединились и из подвального помещения переместились на сцену Дома культуры, где организовали фольклорный ансамбль «Бабий профсоюзный разгуляй». Забегая вперёд на несколько лет, я вам с гордостью сообщаю, что этот коллектив получил звание «народный» за невероятно душевное исполнение профсоюзных песен.

2

Но самое удивительное творилось на уличных дорогах села Забытый путь к коммунизму. Ёрик-джан, довольный тем, что удалось решить вопрос на местном уровне, без вмешательства налоговой полиции, честно выполнял поставленные администрацией перед ним задачи. Машины сновали туда-сюда, засыпая щебнем ими же образованные выбоины. Грейдер разравнивал щебень, ликвидируя лужи, похожие на болото.

Клыкастый боров, принадлежащий Владимиру, бывшему мужу Вьюгиной Марины Викторовны, окружённый свиньями с того же подворья, как всегда, направился к самой большой, главной луже села, где, как ты помнишь, дорогой мой читатель, с ним и с бабкой Кузминишной впервые встретился Пётр

Петрович. Ничего не подозревая, к тому же страдающая близорукостью из-за сильно отросших клыков, он со всего размаха своим тяжёлым жирным телом по старой привычке хлюпнулся в предполагаемую лужу. Свиньи, привыкшие беспрекословно (*если можно так выразиться в отношении свиней*) выполнять все комбинации, производимые вожаком, последовали его примеру. Они все вместе резко повстречались со щебёнкой, мирно расположившейся на месте вонючей лужи. Не совсем ещё проснувшееся село сотряс страшный свиной визг, сопровождаемый шуршанием перекатывающегося щебня.

Картина, представившаяся прохожим, спешившим на птицефабрику, наводила на них ужас, они, стремительно убегая с дороги, прижимались к заборам. По улице бежал, нет, летел боров, с окровавленным рылом и обломленными клыками, за ним неслись свиньи, с побитыми рожами и ободранными боками. Недавно отсыпанный дорожный щебень разлетался в разные стороны, словно поднятый и переносимый сильнейшим ураганом.

Ничего не подозревавший Владимир-свиновод в это время как раз выходил из ворот собственного двора. Вдруг ему послышался шум Ниагарского водопада. (*Ты спросишь, откуда Владимир знает, как ревёт этот водопад? И я вынужден ответить: «А чёрт его знает, где он нахватался разных пошлостей».*) Но он не успел до конца домыслить о происхождении шума, как тут же был снесён с ног собственным боровом и почти затоптан сопровождающими его свиньями. С большим трудом, держась за повреждённые части тела и слегка постанывая, Владимир поднялся на ноги, взору предстал весь нанесённый его стаду ущерб. Боров и свиньи забились по углам свинарника и уже никогда не выходили на улицу, как ни старался их выгнать хозяин. Так что Пётр Петрович оказался прав, когда

говорил взбунтовавшемуся народу о том, что свиньи сами не захотят валяться в лужах, и в том, что этих луж скоро не будет.

3

Через три дня, как и договаривались, стадо коров наконец-то приобрело пастуха, благо было теперь чем с ним рассчитывать, бюджетники впервые за несколько месяцев получили натуроплату. Всё-таки водка и колбаса, как говорится, не фунт изюма. Коровы, конечно, привыкли вольно шляться по деревне, и при первой попытке объединить их в стадо старались всячески нарушить строй и смыться куда-нибудь, но их владельцы, во избежание наказания штрафом, помогли пастуху вывести их в луга, где они, недолго поломавшись, признали наконец, что глубоко ошибались в своей беспризорности и упрямстве. Трава в лугах оказалась до того вкусная, что они поклялись больше не нарушать былого порядка на селе. И лишь старуха Кузьминишна из вредности не пускала свою корову в стадо, и дабы та не ушла туда самостоятельно, водила бедное животное по деревне на поводке. Идёт в магазин – корова за ней, идёт на почту – корова за ней, идёт... и тэ дэ и тэ пэ. Но однажды этой бедной корове надоело ходить за бабкой, и она до одури захотела в стадо. Потянула верёвку, бабка не отпускает, потянула сильнее, бабка упёрлась, тогда, набравшись сил и поглубже вдохнув воздуха, корова что есть духу рванулась в сторону лугов, бабка выскочила из резиновых сапог и некоторое время ещё пыталась семенить рядом с коровой. Но куда там, разве может старуха на дрожащих полусогнутых двух ногах тягаться с молодой четвероногой коровой, которая захотела воли. Бабка выпустила поводок, подобрала сапоги и, заплакав от злости, поковыляла домой, ехидно пришепётывая:

– Подожди, стерва, вернётся домой...

Директор птицефабрики Хапугин тоже малость приутих, его руководителю Мукомолову не понравилось то, что он поссорился с активом местной администрации, и теперь приватизация, задуманная ими совместно, откладывалась на неопределённое время.

И лишь директор лесхоза Лесоедов остался не потопляем, через несколько суток после его этапирования в райцентр он вернулся как ни в чём не бывало. Видимо, думы его о том, что «судьи тоже люди», основывались на его жизненном опыте и оказались справедливыми. Правда, теперь он лес возил объездными путями, дороги не портил и в конфликт ни с кем не вступал.

Конечно, все эти перемены быстро описываются на бумаге, а на деле прошёл немалый срок, прежде чем это произошло. И теперь Леваков Пётр Геннадьевич, проезжая по селу Забытый путь к коммунизму, радовался, да чего там утаивать, просто ликовал. И хотя ему нечем было оказать помощь Петру Петровичу, он подумал и отдал ему свой «уазик» для служебного пользования. «Хватит мне одной «Волги», – подумал он, – коровы и свиньи теперь на неё не бросаются, так что она ещё долго прослужит».

Матушка Левакова горячо поддержала этот поступок сына, она теперь ходила по селу, радовалась не меньше его и всем говорила:

– Это мой Петя нашёл нужного нам человека.

А что же мерин Рыжка, неужели он оказался брошенным и забытым? Ну что ты, мой дорогой читатель, не в коем случае! На второй день после того как Пётр Петрович получил почти новый «УАЗ», в администрацию председатель совета ветеранов Авдеев Степан Иванович привёл ветерана войны Петрова Сидора Ивановича.

– Вот, Пётр Петрович, Сидор Иванович хочет тебе оказать помощь, он с детства любит лошадей и на

фронте служил в кавалерии, тебе теперь лошадка ни к чему, отдай ему вместе с дрожками, а он будет потихоньку собирать мусор по селу и вывозить его на свалку. Если ещё что потребуется, он и в этом поможет.

– Да я бы с радостью, уважаемый Сидор Иванович, да платить-то мне тебе нечем, – ответил Неугомонный.

– А я не за деньгами к тебе пришёл, – обиделся ветеран, – лошадь на моём дворе – для меня несказанная радость, да и тебе здесь коня держать нельзя, навоз некуда девать. А платой для меня будет то, что я и по своему хозяйству иногда коняшку использую.

На том и порешили, осталось только спросить согласие самого мерина Рыжки. После недолгих уговоров тот согласился поменять хозяина, чувствуя, с какой любовью этот новый хозяин смотрит на него. Да и Пётр Петрович обещал почаще навещать своего друга. Вот так решилась судьба мерина Рыжки, а заодно и проблема вывоза мусора.

Да, совсем забыл отметить то, что Колотозов Павел Иванович, проезжая по селу Забытый путь к коммунизму, радовался не меньше Левакова и с гордостью про себя думал: «Мой ЧЕЛОВЕК», имея в виду Неугомонного Петра Петровича. Иногда они встречались, и эти встречи были обоим приятны, а через некоторое время Неугомонный выполнил просьбу Колотозова, решением коллегии местного самоуправления село было переименовано в Горёвку. В Москву обращаться не стали, Москве было не до того, там проходило братание России с Европой и Америкой. Они по-братски забирали у нас нефть и газ, а нам давали ножки цыплят, так называемые ножки Буша, пролежавшие двадцать лет на складах в США, да иногда разрешали поиграть на барабанах нашему президенту Ель-Цину. Название Горёвка объединило в себе сразу два значения: и прошлое название Пожарище, и новую жизнь, которая многим принесла немало

горя. Теперь и мы, дорогой мой читатель, в дальнейшем при развитии событий в данном повествовании будем называть это село Горёвкой, и слава Богу.

Глава одиннадцатая. Происходят изменения в штатном расписании бюрократического аппарата

1

При таких бурно развивающихся событиях бюрократическое штатное расписание никогда не остаётся неизменным, этот неоспоримый факт коснулся и нашего Энского региона.

Первым под раздачу попал глава Цементно-Шиферного района Леваков П. Г. Его вызвал к себе губернатор Кислый и задал прямой, неизменный в его устах вопрос:

– Где внутренние резервы, господин Леваков?

Не получив достойного ответа на прямо поставленный вопрос, пригласил инспектора по кадрам областной администрации и приказал:

– Вот что, инспектор, забери-ка ты у господина Левакова удостоверение главы района и отправь его куда подальше, например, выращивать огурцы в совхозе.

Что и было выполнено немедленно, как говорится, не отходя от кассы.

Но и самому Кислому недолго пришлось требовать с глав районов и городов внутренние резервы, его самого вскорости тоже освободили от обязанностей губернатора и объявили во всесоюзный розыск. Как оказалось, многие его подчинённые своевременно находили внутренние резервы на вверенных им объектах и доставляли их в областную администрацию, а господин Кислый, вместо того чтобы эти резервы обращать на благо государства, присваивал их себе. Но дело даже не в этом, а в том, что, пока он делился с

московскими господами плодами этих резервов, ему сходило всё с рук. Но как только Михаила Борисовича заела гордыня и он все ресурсы от этих внутренних резервов пустил на благо только собственной персоны, был тут же объявлен во всесоюзный розыск. Но и розыск этот был довольно странный. Кислый свободно ходил по столице нашей Родины Москве, где на каждом столбе висели фотографии Михаила Борисовича и текст, напечатанный крупными буквами, гласил, что данная особь находится в розыске. Никто, однако, его не трогал, и Кислому было иногда даже обидно за это, он уже подумывал пойти и сдать самому, но у него не было пропуска в КГБ (или в ФСБ). И он так и остался непойманным.

Наивный гражданин, он много о себе вообразил, к тому времени были объявлены в розыск такие особи, против которых Кислый был просто карманным ворешкой, а кому из агентов хотелось гоняться за карманником. Да к тому же вскоре был объявлен свободный режим обогащения, кто что успел спереть, тот и становился владельцем этой украденной вещи либо кучи ассигнаций, желательно в долларах. Тут-то и появился новый класс, по кличке олигархи. Так что поспешил господин Кислый откреститься от своих московских сообщников, потерпел бы ещё чуток, поделился внутренними резервами, глядишь, и ему бы нашлось место в этой шайке, хотя, кто знает, может, он уже там.

Директор треста «Ни пуха, ни пера» господин Мукомолов Юрий Иванович развалил всё-таки вконец этот птичий трест. Многие птицефабрики приказали, как говорится, долго жить, а он из этого извлёк положительный результат, разбогател и построил себе заводик по производству прокладок.

(— Каким же образом он добрался до этих прокладок, неужели так можно резко изменить профиль деятельности? — спросишь ты, дорогой мой читатель.

– Это не те прокладки, которые не сходят с экрана твоего телевизора, это прокладки для упаковки куриных яиц. Они, конечно, без крылышек, на которых летают рекламные, но тоже очень нужные в хозяйстве.)

Мукомолов, конечно, возмнил о себе и несколько раз пытался выдвинуть свою кандидатуру на высокие бюджетные должности, чтобы в конце концов добраться до этого бюджета. Но его постоянно задвигали по причине низкого рейтинга. Кто знает владельца куриных прокладок? Вот если бы он делал те, о которых в принципе говорить неудобно, тогда другое дело.

Директор птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» Хапугин Богдан Титыч как неоправдавший надежды был отстранён от исполнения директорских обязанностей Мукомоловым за два дня до ликвидации треста «Птицепром «Ни пуха, ни пера».

А вот Леваков П. Г., став директором овощеводческого совхоза, добился невероятных успехов в производстве овощей. Огурцы и помидоры, выращенные в его хозяйстве, прославились не только в Энской области, но и далеко за ее пределами.

– Какой же я был дурак! – восклицал Леваков, получая очередную награду. – Зачем я сидел в этих районных главах, штаны протирал, давно нужно было бежать оттуда!

И мы с тобой, дорогой мой читатель, согласимся с выводами Петра Геннадьевича, каждый человек должен заниматься тем, что он умеет хорошо делать, а не просиживать штаны, изображая из себя идола, на которого все должны молиться.

2

Администрацию села Горёвки тоже не обошли изменения в штатном расписании, и они проходили даже раньше описанных выше, но причины были другие. Никто из служащих не посягнул на муниципаль-

ное имущество, и даже сломанная ручка на столе главы осталась цела, несмотря на опасение главного бухгалтера Лесоедовой.

И, кстати сказать, первой покинула администрацию именно она. После того как её оскорбил поступок Петра Петровича, выкатившего «москвич» из гаража и определившего туда своего мерина Рыжку, Анастасия Павловна неделю не выходила на службу, угнетённая тем, как расточительно отнёсся новый глава администрации к материальным ценностям, находящимся у неё на подотчёте. Но немного успокоившись, она решила вернуться к своим обязанностям и поклялась позиций в защите этих ценностей не сдавать.

О её появлении на рабочем месте Неугомонный догадался сразу, как только вошёл в здание администрации. В коридоре на лавочке сидела Недотёпина Любовь Сергеевна и с опаской поглядывала на дверь бухгалтерии, по её телу пробегала мелкая дрожь. Она помнила, как на неё посмотрела Лесоедова, когда Любовь Сергеевна передавала ключ от гаража Петру Петровичу.

– Ты почему не на рабочем месте? – громко, чтобы слышали все, давая понять тем самым Лесоедовой, что Недотёпина должна сидеть на своём месте, произнёс Неугомонный. Затем, не поняв, что в ответ проямлила кассир, зашёл вместе с ней в бухгалтерию и поздоровался. Кинув косою взгляд на вошедших, главный бухгалтер не удостоила их ответом.

«Дьявол с ней, сейчас переговорю с Леваковым и буду решать вопрос с ними. То ли их мирить, то ли обеих увольнять? Толку от них, видимо, мало».

Но ни то ни другое он сделать не успел, через некоторое время со стороны бухгалтерии послышался равномерный стук, как будто кто стучал пустым котелком по дереву: «бум, бум, бум...», затем раздался протяжный мышинный писк: «пи-и-и...», переходя-

щий в мычание: «пи-и-и, мму-у-у», и вдруг вслед за этими звуками заржала лошадь. Пётр Петрович сначала подумал, что это Рыжка, но мерин даже если бы заржал во всю свою мощь, таких звуков извлечь из своей утробы не смог бы. Перепуганный глава выскочил в коридор. Стоящая там подпорка сотрясалась от лошадиного ржания, и мелкая штукатурка из-под неё осыпалась на его голову. Пётр Петрович быстро убежал в бухгалтерию, глазам его предстала картина, трудно передаваемая на холст в случае её написания. Главный бухгалтер Лесоедова, накрутив густые волосы Недотёпиной на свою мощную руку, равномерно долбила её головой об стол: «бум, бум, бум...», кассирша в свою очередь попискивала и мычала. А специалист первой категории Еремейкина П. И. наконец-то дала волю душившему её смеху и изображала из себя ржущую кобылу в расцвете лошадиных сил. Тут-то Петру Петровичу многое сразу стало ясно: и то, почему Еремейкина сдерживала смех при первой встрече с новым главой, и то, почему в коридоре стоит подпорка, и то, почему Лесоедову боится Недотёпина, да и не только она, но и братец Вася, и то, почему голова кассира звенит, как пустой котёл.

При появлении руководства главный бухгалтер с большой неохотой отпустила голову своей подчинённой и отвернулась к стене. Еремейкина, засмутившись, закрыла рот двумя руками, однако ржание удалось унять с трудом. Пётр Петрович, ошарашенный увиденной картиной, вернулся в свой кабинет.

– Хорошо, что я не дал ветеранам убрать подпорку в коридоре, – подумал он, проходя мимо названного выше предмета, из-под которого периодически осыпалась ещё штукатурка.

Озадаченный глава присел на своё обшарпанное кресло. Случившееся событие никак не вмещалось в его разумную голову, такого он не видел даже на фер-

ме № 2 совхоза «Бессеребряный». Будучи ветврачом, он строго-настрого запрещал скотникам наматывать на руку хвосты коров и телят, а тем паче стучать их головами об кормушку. Никто не знает, сколько времени просидел бы он, обдумывая меры, применимые к произошедшему случаю, но дверь кабинета вдруг распахнулась, и в неё вошла, нет, влетела главный бухгалтер Лесоедова, подлетев к столу, она хлопнула листом бумаги перед носом Неугомонного. Опустив глаза на прищипленный твёрдой рукой к столу лист, Пётр Петрович узрел заявление об увольнении по собственному желанию.

– Чёрт с вами, варитесь вы в этом котле без меня! – озлобленно выпалила Анастасия Павловна, а так как на столе главы не было письменного прибора, как в лесхозе, голова Петра Петровича не пострадала.

«Ну и слава богу!» – подумал он, а вслух, вероятно, обрадованный таким исходом неприятного дела, сказал:

– Анастасия Павловна, вы можете этот «москвич» забрать себе, раз он вам так дорог, тем более он находится у вас на подотчёте.

– Наворочаете вы тут без меня дел, – презрительно окинув взглядом собеседника, произнесла Лесоедова. – Этот «москвич» нужно сдать в металлолом, а деньги вернуть в бюджет, а не растаскивать по своим дворам муниципальное имущество. – И, взяв подписанное заявление, Анастасия Павловна удалилась, громко хлопнув дверью.

«Жёсткая, но честная женщина, не чета своему братцу Василию, – подумал Пётр Петрович. – И всё же, что там была за сцена в бухгалтерии? – Не давало покоя любопытство. – И почему вдруг Анастасия Павловна предложила сдать «москвич» в металлолом, она же так ранее дорожила этой материальной ценностью?»

На все, не дающие ему покоя вопросы ответы представила специалист второй категории Вьюгина Марина Викторовна. Она по-прежнему возлагала определённые надежды на Петра Петровича, несмотря на то что с появлением в селе его жены Вареньки Неугомонный котлеты от Марины Викторовны принимать не стал. Так вот, после того как Лесоедова покинула кабинет Петра Петровича, громко хлопнув дверью, специалист второй категории забеспокоилась. «А не нанесла ли какой ущерб бухгалтер любимому начальнику?» – тревожно застучала кровь в её висках.

И она поспешила в кабинет главы, чтобы при необходимости оказать ему первую медицинскую либо моральную помощь. А ему помощь как раз была необходима, и, узнав, что от неё требуется, Вьюгина в подробностях изложила случившееся.

Оказывается, как только Анастасия Павловна, после длительного отсутствия, появилась в администрации, вместо того чтобы писать объяснительную за совершённые прогулы, немедленно начала составлять жалобу в прокуратуру, в которой обвиняла главу администрации Петра Петровича в нанесении ущерба муниципальной собственности из-за неправильного её хранения. Имелась в виду машина «москвич», но для достоверной точности нанесённого ущерба ей потребовался акт последнего обследования этой самой машины и её остаточная стоимость. Она долго искала необходимые документы, но найти их никак не могла, как сквозь стол провалились. Спросить же было не у кого, кассир Недотёпина, боясь зайти в кабинет, сидела в коридоре на лавочке. После того как Неугомонный завел её в кабинет, кассир, видимо, от пережитого ожидания расправы, вдруг набросилась на принесённые к обеду бутерброды, развернув лист, в который они были завернуты. И тут взгляд главного бухгалтера упал на этот лист, из её уст вырвался звериный

крик, и она кинулась к столу Недотёпиной. Промасленный бутербродом и помятый лист оказался как раз так необходимым актом, в котором была описана вся историческая сущность машины «москвич», одна тысяча девятьсот сорок пятого года выпуска. Лесоедова вцепилась в густые волосы (*тебе известно, дорогой мой читатель, о том, что волосы покидают умную голову, а раз они были густыми, сам догадайся, какой голове они принадлежали*) кассира, пытаясь их вырвать с корнями, после чего Недотёпина издала мышинный писк. Не выпуская крепко закрученных на руку волос, главный бухгалтер другой, свободной рукой подняла помятый лист и поднесла его к своим очкам. То, что она там увидела, поразило её в самое сердце. Акт был с угла на угол перечёркнут, и снизу крупными буквами каллиграфическим почерком была сделана надпись, гласившая, что автомобиль «Москвич-401», принадлежащий сельскому совету села Пожарище, списан как не подлежащий восстановлению десять лет назад. Лицо бухгалтера исказила злобная гримаса: все попытки восстановить «справедливость» рушились как карточный домик, и, вложив в силу своих рук всё отчаяние и обиду от несостоявшегося возмездия, Анастасия Павловна стала ритмично колотить головой кассира об стол, пытаясь просадить с досады его насквозь. Вот в этот самый момент в бухгалтерию заглянула Еремейкина, специалист первой категории, глядя на разыгравшуюся трагикомедию, не выдержала кульминационного момента драматической сцены, расхохоталась, а кассир Недотёпина стала мычать: «Му-у-у...». Это-то всё вместе взятое и слышал Пётр Петрович из своего кабинета.

3

На другой день после ухода Анастасия Павловны Пётр Петрович пригласил в кабинет кассира Недотёпину Любовь Сергеевну.

– Ну что же, уважаемая Любовь Сергеевна, как говорится, свято место пусто не бывает, придётся тебе, голубушка, временно исполнять обязанности бухгалтера, – как можно мягче произнёс он, пытаясь тем самым не спугнуть надежду на сохранение бухгалтерского штата.

Но «голубушка», вместо того чтобы взлететь от радости к потолку, вдруг побледнела и медленно опустилась на стоящую у стены лавку. Перед её закрывшимися глазами быстро замелькали бухгалтерские книги, ведомости, фактуры и прочая бухгалтерская чепуха, в которых она разбиралась так же, как Пётр Петрович в космонавтике, и она, медленно поднявшись с лавки, еле передвигая ноги, покинула кабинет главы.

– Обрадовалась она, что ли, – ошибочно, так же как когда-то ошибочно думал и Леваков о нём, подумал Неугомонный, – вишь как её проняло.

Он уже хотел позвать специалиста первой категории Еремейкину, чтобы та готовила распоряжение на перевод Недотёпиной с должности кассира на должность бухгалтера. Но вдруг дверь его кабинета медленно открылась, на пороге стояла кассир-бухгалтер, в одной руке она держала сумку со всеми находящимися в бухгалтерии личными вещами, в другой, мелко дрожащей, – сжимала листок бумаги.

«Всё, бухгалтерии больше у меня нет», – догадался Пётр Петрович.

И не ошибся, медленно передвигая ноги, Любовь Сергеевна подошла к столу и опустила на него заявление об увольнении, желательно без отработки. В таком же темпе бывший кассир Горёвской администрации покинула навсегда эту самую администрацию, оставив в своей голове воспоминания о соприкосновении той самой головы с бывшим своим рабочим местом, то есть крепким старинным столом.

На этом кадровый исход из побочных кабинетов не закончился.

Специалист первой категории Еремейкина, после того как Лесоедов Василий Павлович вернулся на своё бывшее место директора лесхоза, избежав наказания, любить его меньше не стала и в конце концов вышла за него замуж. Процесс бракосочетания проводился в администрации села Горёвка, как всегда, проводила его Вьюгина Марина Викторовна. Напялив на себя процессуальное платье и ленту с надписью «Семья – это ячейка советского общества», оставшуюся в наследство от сельского совета села Пожарище, Марина Викторовна произнесла нужные слова, проиграла на пластинке марш Мендельсона.

Пётр Петрович вручил новобрачным Лесоедовым очередное, пятое по счёту для Василия Павловича, удостоверение. Тот не утерпел и от нахлынувших на него радостных чувств сбавил плясовую, трудно сказать какую, пусть это будет «Яблочко», после чего по устоявшейся на селе традиции достал бутылку шампанского, и все выпили «за укрепление семейной ячейки». Тут, как говорится, Василия понесло, он решил показать всем, к кому идёт его очередная любовь, не к какому-то голодранцу, а вполне состоятельному члену современного общества. Раскрыв принесённую с собой сумку, он извлёк из неё бутылку шотландского виски по цене десять долларов за сто граммов, копчёный балык по цене пятьсот рублей за колясочку. И сделал это зря. Участковый Горохов, подозрительно посмотрев на владельца этого богатства, давая понять, что он догадывается, на какие средства эти богатства приобретены, встал и удалился в свой кабинет. Его примеру последовал глава администрации Неугомонный. Лесоедов, почувствовав, что он переборщил, хотел выставленные на стол предметы вернуть в сумку, но не успел. Специалист второй

категории Вьюгина одним махом смахнула озвученные предметы в свой сейф и закрыла оный на ключ. Василий хотел возразить, но постеснялся выглядеть жадным нищепородом, махнул рукой и в предчувствии брачной ночи, гордо задрав свой тощий нос, удалился, крепко вцепившись в мощную руку своей очередной супруги, словно боясь упустить её и остаться одному в холостяцкой кровати.

После того как все покинули кабинет, где произошло бракосочетание, Марина Викторовна, не снимая традиционного платья и ленты, присела на краешек стула и горько задумалась о своей судьбе, выпитое шампанское подогревало грустные мысли. Они упорно струились в разгорячённом мозгу, периодически выплёскиваясь горькими слезами на ресницы прекрасных глаз специалиста второй категории.

«Вот и Еремейкина встретила свою судьбу, – подперев ладонью голову, думала она, – хоть он и с гнильцой, но всё же мужик. А я никому не нужна, даже не в жёны, хотя бы в любовницы. Пётр Петрович из зуб не выпускает, всё Варенька да Варенька, Горохов вообще на женщин не смотрит, всё мечтает, когда ему пистолет вернут, видимо, без него спать боится. – На этом слове в своих мыслях Марина встала, выйдя в коридор, убедилась, что все давно разошлись по домам, открыла сейф и достала дорогой провиант, принесённый обеспеченным женихом.

Была летняя пора, на улице стояла жаркая погода, и Пётр Петрович спал с открытым в спальне окном. Его дом находился недалеко от здания сельской администрации, Неугомонный раньше иногда слышал, как Рыжка ржал в гараже, тоскуя, видимо, по своим родственникам, оставленным в посёлке Цементно-Шиферный.

В эту ночь ему казалось, что из здания администрации доносится марш Мендельсона, он то затихал, то

вновь звучал, призывая всех женихов и невест села скорее бракосочетаться в стенах этой самой местной администрации. Пётр Петрович хотел встать и пойти туда, где призывно звучал марш, но на его плече прикорнула любимая Варенька. Боясь её потревожить, он отказался от своих намерений, а затем и сам заснул крепким здоровым сном человека, честно исполняющего возложенные на него государственные обязанности.

Утром, придя на службу, Пётр Петрович удивился необычной тишине во вверенном ему учреждении. Не слышно было хихиканья Еремейкиной, шелеста бумаг, разбираемых специалистами, ничего, как говорится, пугающая тишина. (*Какого болвана могла напугать тишина? Видимо, его ещё не пугали душевраздирающие вопли, вот он и придумал такую чушь.*) Он постоял ещё несколько секунд, напрягая слух, и, не услышав ничего, распахнул дверь кабинета специалистов. Увиденная картина его удивила, скорее, огорчила окончательно и бесповоротно: на полу валялось разорванное процессуальное платье, на портрете кормчего Ель-Цина красовалась лента с надписью: «Семья – это ячейка советского общества», перекрывая президенту глаз. Тот подозрительно взирал одним оком на содеянное. Диск проигрывателя продолжал крутиться, на нём покачивалась затёртая пластинка марша Мендельсона. На столе специалиста второй категории Вьюгиной Марины Викторовны стояла пустая бутылка из-под шотландского виски, валялся кусок недоеденного балыка и лежали два листка бумаги. На одном было написано заявление с просьбой об увольнении, желательно без отработки, на другом – крупными буквами было выведено: «Нет в жизни счастья!» и ниже: «Я вас любила, а вы, эх вы...». Эту надпись Пётр Петрович принял на свой счёт, но легче ему от этого не стало, если и дальше так пойдёт, он останется вдвоём с Гореховым.

И он в своих догадках опять не ошибся, прямо оракул какой-то.

После обеда явилась новая жена директора лесхоза, специалист первой категории, теперь Лесоедова Полина Ивановна, открыв дверь кабинета главы, она вежливо поздоровалась и двинулась к столу своего руководителя, в руке её был зажат листок бумаги.

«И эта с заявлением на увольнение», – с горечью подумал Пётр Петрович.

Но на сей раз он ошибся, хотя в принципе не совсем, прочитав заявление, он с удивлением поднял на Полину Ивановну глаза.

В заявлении было написано следующее: «Прошу перевести меня специалистом высшей категории, иначе Василий Павлович отказывается со мной жить». Подпись.

– Это что за бред? – с трудом переваривая прочитанное, спросил Неугомонный. – Это что, шутка такая, что ли? – Но видя, что ни один мускул на лице специалиста не дрогнул, продолжал: – Во-первых, у нас нет в штате такого специалиста, во-вторых, у тебя образование девять классов и десятый – коридор, а для этой должности нужно высшее!

– Я не знаю, Вася приказал. Я его послушаться не могу. Он сказал: «Если должности нет, увольняйся, пойдёшь в лесхоз инженером».

– Ну что же, здесь не лесхоз, и я сам должности не раздаю, если у Васи есть такая возможность, тебе лучше идти в лесхоз.

На том и порешили. А сельская администрация и Неугомонный Пётр Петрович временно осиротели. Но это продолжалось недолго. И помогли в пополнении штатов сельской администрации господа Хапугин и Лесоедов.

Конечно, это произошло не от их душевной доброты, а скорее наоборот, но для главы Неугомонного

Петра Петровича это принципиального значения не имело.

Однажды Хапугин Б. Т. решил наконец-то посетить производство. Зайдя в лабораторию, он увидел в клетке крупных, хорошо откормленных бройлеров и очень удивился:

– А почему в столовой мне не подают к обеду такой птицы? Немедленно отправить их на кухню!

Всё беспрекословно было выполнено, так как в лаборатории в это время находилась только санитарка, возразить против такого произвола было некому. Бройлеры же оказались экспериментальные, работа под руководством главного зоотехника Власовой Галины Васильевны проводилась несколько месяцев, и все положительные результаты одним распоряжением директора были уничтожены. Власова Г. В., расстроившись, написала заявление на увольнение. Хапугин же в это время уехал в город и, как всегда, долго не возвращался, тогда Власова пошла в отдел кадров к инспектору Колёсниковой Л. С. и настояла на увольнении без подписи директора. Конечно, инспектор допустила ошибку, но исправить её уже не смогла. Появившийся наконец Богдан Титыч уволил инспектора Колёсникову Л. С. Вот они-то и заняли места специалистов в Горёвской сельской администрации. А буквально через два дня был уволен и сам директор Хапугин Б. Т. В свою очередь директор треста Мукомолов, подписав приказ на увольнение Хапугина, ушёл в отставку и в этот же день трест «Ни пуха, ни пера» лопнул.

Директор лесхоза Лесоедов, определив новую жену Полину Ивановну в инженеры, устроил семейный подряд по краже древесины, и все свои операции пытался провести через бухгалтерию, подделывая фиктивные фактуры, то есть бухгалтерия получалась двойная. Видя такой беспредел, главный бухгалтер лесхоза Кошкина Раиса Евгеньевна, чтобы не по-

менять это тёплое место на нары в тюрьме, быстро уволилась, прихватив с собой сестру Кошкину Валентину Евгеньевну, которая трудилась рядом с ней простым бухгалтером. Вскоре они, не меняя ранее занимаемых должностей, оказались в бухгалтерии администрации, и их работой Пётр Петрович был очень доволен.

Глава двенадцатая. Процесс использования кадрового ресурса областной администрации

В предыдущей главе мы многих освободили с тобой от занимаемых должностей, дорогой мой читатель.

Но, как говорил выше Неугомонный, свято место пусто не бывает. И эти освободившиеся места стали постепенно заполняться новыми владельцами, которые решили посвятить свою кипучую деятельность сфере управления различными отраслями вновь воспрявшего капиталистического строя.

Место бывшего губернатора Кислого М. Б. занял Сладкий Г. А., который всегда радел за народ и попытался сразу сделать многое для него, но в связи с тем, что Москва продолжала брататься с Европой и Америкой, а президента Ель-Цина Билл Клинтон стал чаще подпускать к барабану, у нового губернатора мало что получалось. И тогда он решил использовать кадровый ресурс на вверенном ему участке великой страны. Я не буду излагать кадровые изменения в других районах области, меня, да, я думаю, и тебя, мой дорогой читатель, интересует район, описываемый в данном повествовании.

Сначала бразды правления в Цементно-Шиферном районе были переданы господину Романовскому Д. А. Здесь, конечно, я в некоторой степени не совсем прав, эти бразды были переданы не просто так, а всё же через выборную кампанию. Романовский Д. А.

был мужик добродушный, хорошо играл на баяне и пел под свою же музыку песни. Первым пунктом его программы был лозунг: «Жителям района – светлое будущее!». Вторым, учитывая основное производство продукции района: «Каждой семье – по десять листов шифера и мешку цемента!». Кто же после этого мог проголосовать против его кандидатуры. Но, как оказалось, он был недальновидный руководитель, когда Москва кинулась брататься с капиталистами, каждой семье было уже не до шифера с цементом, и вскоре в районе не стало ни того ни другого. К тому же и со светлым будущим получился прокол, часто в бюджетных учреждениях стали отключать электроэнергию за неуплату, а уличное освещение вообще отрезали от сети электроснабжения.

И тогда на спасение района был брошен бывший агроном Шарабановский А. В., он тоже прошёл через выборный процесс. В его программе первым пунктом так же стоял лозунг: «Жителям района – светлое будущее!». Вторым пунктом, учитывая, что цемента и шифера не стало, панелей – тоже, так как крупнопанельный комбинат приказал долго жить, стоял лозунг: «Каждой семье района по мешку пшеницы и по два ведра картошки!». Ну кто же устоит перед такими лозунгами, проголосовали и за него. Однако, как оказалось, он тоже был мужик недальновидный, хотя на гармошке не играл и песен не пел. Вскорости многие совхозы приказали долго жить, вконец разорённые новой системой взаимоотношений: я тебе рубль, а ты мне двадцать. Пытаясь погасить взятые кредиты, они лишились и скота, и техники, всё было отдано за долги.

И хотя эти мужики, как оказалось, были недальновидными, но с ними можно было поговорить по-человечески, они всё понимали и были, как говорится, свои в доску. Исходя из этого губернатор Сладкий

сделал вывод, что район пострадал от слабохарактерности его руководителей. И чтобы не повторить допущенных ошибок впредь, в Цементно-Шиферный район главой был направлен господин Ископаемый А. В., с большой надеждой на то, что он в свою очередь оживит кадровый ресурс вверенного ему района. Господина Ископаемого губернатор знал ещё по совместной работе в обкоме коммунистической партии как требовательного работника, способного любому гражданину привить коммунистическое сознание. При рекомендации на пост главы района Сладкий Г. А. так и заявил:

– Хватит лясы точить! Господин Ископаемый быстро приведёт вас в чувство.

Но при его представлении губернатор не учёл того, что прошло много времени со дня их последней встречи. А время меняет многое, изменила она и характер Ископаемого, видимо, оттого, что во время перестройки было потеряно тёпленькое местечко в обкоме, где уже намечалось повышение по службе, либо по причине хронической болезни, которая не давала покоя новому главе района, он стал озлоблен, вспыльчив, недоверчив и не терпел ничьих возражений или советов.

В его программе, а в районе не осталось ни шифера, ни цемента и очень мало пшеницы, первым пунктом стоял лозунг: «Каждой семье района – по сто куриных яиц и по пять килограммов куриного мяса!». Птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» и «Золотое яйцо» ещё пока работали, и то по причине того, что они районному руководству не подчинялись. Избиратели, увидев лозунг очередного кандидата, поняли, что и над птицефабриками нависло светлое будущее, но в связи с очень низким рейтингом второго кандидата, а им был господин Мукомолов, большинство проголосовало за Ископаемого.

В этом месте я вынужден с прискорбием донести до вас, дорогие мои читатели, что опечаленный таким бардаком в стране директор птицефабрики «Золотое яйцо» Колотозов Павел Иванович тяжело заболел и вскоре умер, о чём сожалели многие хорошие люди всей Энской области и особенно Пётр Петрович Неугомонный.

А вновь избранный глава Цементно-Шиферного района Ископаемый В. А. начал приводить в чувство всех, как и обещал губернатор.

И надо же было случиться, Пётр Петрович первый попал, как говорится, под раздачу. В этом месте придётся сделать небольшое отступление в сторону законодательства «о местном самоуправлении». Так вот в описываемое автором время это законодательство гласило о том, что всеми земельными ресурсами на вверенной главе сельской администрации территории распоряжается только он, этот самый глава, и никто другой.

Однако в обход главы села Горёвка Петра Петровича Неугомонного господин Ископаемый А. В. решает выделить большое количество земельных ресурсов, ранее занимаемых зоной отдыха, каким-то прохиндеям, которые смогли убедить Ископаемого в том, что эти земли ранее принадлежали им. Несмотря на то что все бумаги утверждались поддельной печатью, наверное, изготовленной из картофеля, что было видно невооружённым взглядом, глава района с этими прохиндеями согласился, по какой причине он пытался провести эту сделку, Неугомонному неизвестно и сейчас. Видимо, господин Ископаемый решил, что никто из его подчинённых не посмеет перечить его указаниям.

Но он ошибался. Ты помнишь, мой дорогой читатель, что ещё Леваков определил при первой встрече с Петром Петровичем, что тот не так прост и своё

мнение сумеет защитить, тем более если оно подтверждено законом.

Так вот, как только эти прохиндеи предъявили липовые документы на владение вышеуказанным участком, Неугомонный сразу определил их несостоятельность и явную подделку. Он к тому времени уже лично владел знаниями границ наделов на вверенной ему территории. Видя, что радушного приёма в данной конторе они не получают, прохиндеи решили урегулировать отношения силовым путём. Но Пётр Петрович был человеком не робкого десятка и обладал природной силой, в результате «просители», пересчитав ступени администрации мягкими местами, ретировались в район. Оттуда через некоторое время последовал звонок, требующий положительного решения данного вопроса. Но тщетно, Неугомонный упёрся. Скандал был длительный, дошедший до суда, который выиграл глава Горёвской сельской администрации, однако приобрёл врага в образе стоящего над ним руководителя, злоба которого затаилась до поры до времени.

На место директора птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» Хапугина Б. Т. был назначен почему-то самим губернатором Маратка Ильдусов, который постоянно всем напоминал о том, что он ставленник «самого», и когда приходилось ему выступать перед различного рода собраниями, свою речь он всегда начинал словами:

– Я только, что вышел из кабинета губернатора, он вам передаёт моими устами большой привет.

И все руководители района, начиная с главы и кончая прокурором, уверовали в это и благоговели перед Мараткой Ильдусовым. Но нашлись два человека, которые сразу узрели некомпетентность и никчёмность нового директора птицефабрики «Петушок – золотой гребешок». Конечно, ими были глава Горёвской адми-

нистрации Неугомонный Пётр Петрович и бывший директор птицефабрики Божков А. Н., который сразу, как только увидел Маратку, сказал Неугомонному:

– Помяни моё слово, Пётр, этот балабол птицефабрику уничтожит.

Пётр Петрович, хоть и занимал не очень любимую им должность, но тоже до мозга костей, как говорится, был птицеводом. При первой же встрече с Ильдусовым сразу понял, что тот совершенно ничего не смыслит в птицеводстве и был определён на птицефабрику новым владельцем, что подтвердилось вскоре, хозяйство было «выкуплено» Мараткой за один рубль. Тут уж сразу всем стало ясно, кто стоит за спиной сей особи. Это позволило ему нанимать компетентных директоров, а самому беспрепятственно изымать денежные средства из производственного оборота птицефабрики и использовать в личных целях, разбазаривая их направо и налево, делая подарки различным вышестоящим руководителям, которые в нём души не чаяли.

А в Божкове и Неугомонном Маратка сразу почувствовал людей, точно определивших его гнилую сущность. Он их немедленно определил в стан своих врагов и начал в различные инстанции доносить сплетни, унижающие личные и деловые достоинства Петра Петровича и бывшего директора Божкова, что горячо поддерживал глава Цементно-Шиферного района Ископаемый В. А.

Давай мы на время оставим кадровые распри в данном районе, мой дорогой читатель, нам ещё придётся возвратиться к этим не совсем приятным отношениям, к большому сожалению. Я думаю, настало время вернуться в Горёвскую администрацию, чтобы вновь повстречаться с его служащими, состав которых обновился, и посмотреть, какие проблемы решаются ими в это непростое время.

Глава тринадцатая. Помощь капиталистов. Кофта – предмет раздора

1

Итак, за этот довольно продолжительный отрезок времени, насыщенный разными событиями, Петру Петровичу удалось многое сделать, а главное, создать новый, работоспособный коллектив из грамотных специалистов. И администрация с новыми силами начала осуществлять своё местное самоуправление, то есть заниматься сборами налогов за земельные ресурсы, выделением земельных участков под строительство и хозяйственные нужды, их приватизацией, паспортным и военным учётом и режимом, обеспечением местных бюджетных учреждений финансами, их ремонтом. Этот пункт выполнялся процентов на десять за счёт местных предпринимателей. Было восстановлено уличное освещение, мерин Рыжка и ветеран Сидор Иванович систематически вывозили мусор. Участковый Горохов честно поддерживал порядок. Но основная часть рабочего времени уходила на выдачу различных справок, без которых шагу сделать было нельзя: справки с местожительства, справки о составе семьи, справки о принадлежности имущества, справки на продажу скота, справки на реализацию продукции, справки, справки, справки... Требовало внимания составление различных отчётов в вышестоящие организации. Помощи никакой, но за все свои действия, будь добр, отчитайся вовремя. И порой тот, кто ничего не делал, отчитывался лучше всех, это входило в его основные обязанности. А вот процесс бракосочетания, после того как Вьюгина порвала платье и закрыла лентой глаз президенту, в местной администрации проводить запретили. Подпорку из коридора удалили за ненадобностью в связи с увольнением Еремейкиной-Лесоедовой.

Зарплату бюджетникам продолжали выплачивать натуральными продуктами, количество которых на семьдесят процентов занимала водка. Когда она выдавалась, к вечеру со стороны бюджетных учреждений доносилось хоровое пение. Чтобы это пение направить в нужное русло, на коллегии было решено создать бюджетный хор. И хотя от исполнителей пахло спиртным, исполнение песен было безупречно, вскоре хору было присвоено звание «Народный». Вот так у нас на Руси всегда: не было бы счастья, да несчастье помогло.

И вдруг случилось непредвиденное: из стран капиталистического лагеря стали приходиться медикаменты и материальная помощь, но тоже в виде натуральных продуктов и натуральных же шмоток, только слегка поношенных. И произошло это после проведённых в нашей стране очередных выборов президента.

– Почему? – стал ребром вопрос.

Нам на него, конечно, ответить трудно, но эти вездесущие капиталисты рассудили так:

– Эти русские потеряли рассудок, пора нам вмешаться, сейчас подкормим, подлечим да и возьмёмся за них всерьёз.

И если рассудить разумно, они были совершенно правы. Только безумцы могли вновь проголосовать за президента, который отнял у них всё.

После того как президент-строитель не смог собрать разбитый паровоз своими трясущимися руками, многие демократы поняли, что зря его отлавливали во Дворце съездов и обременили такой почётной должностью. Эта масса одумавшихся демократов хотела исправить допущенную ошибку и, перейдя из Дворца съездов в Белый дом (российский, не путать с американским), предложила этому пьянице покинуть почётное место. Но было уже поздно, другая часть де-

мократов, которую составляли родственники, олигархи, воры, пьяницы и прочая нечисть, поняв, что это их президент, стеною стали за него. А он распорядился подогнать танки к этому Белому дому и так саданул по нему, что засевшая в нём первая часть демократов поняла наконец истину: «Не сади кого попало на паровоз, прежде чем это сделать – подумай». Несолоно хлебавши разбрелись кто куда, а некоторые – на нары, но, к счастью, ненадолго.

И тут началось: нефте- и газодобывающие отрасли, прибыльные отлаженные предприятия, шахты, рудники стали переходить в руки некомпетентных нуворишей, которые, разграбив их, привели в непригодное состояние. Про сельское хозяйство даже и вспоминать не нужно, его уничтожили на корню, задавив непосильными кредитами. Родственники президента и их окружение: друзья, блюдолизы и прочие приспешники богатели не по дням, а по часам.

Огромная масса населения осталась без работы. Специалисты были никому не нужны. Появилась большая армия бомжей. Рождаемость катастрофически упала. Бандитизм, рэкет, рэйдерские захваты стали нормой жизни. Многократно увеличилась смертность населения. Страна обнищала до крайности, её экономика впала в зависимость от капитала западных стран и США.

Вот в такой обстановке президент, приведший страну к развалу, получил подавляющее число голосов на выборах, чтобы дальше продолжать затягивать петлю на шее собственного народа. ... Иностранцы удивились, а мы – нет.

И вот, может быть, от удивления, а может, и от радости, что так ненавистная им Россия находится на грани вымирания, европейские страны стали поставлять нам помощь в виде продуктов (масла растительного, галет, конфет, сыра) и предметов одежды, чаще

подержанных. А США завалили нас ножками цыплят, которые лежали двадцать лет на складах, законсервированные на случай войны, россияне их позже прозвали «ножками Буша», в честь американского президента, находящегося в то время у власти.

2

Администрацию села Горёвки тоже не обошла эта «радость», вот мы и вернёмся туда, мой дорогой читатель.

О том, что в администрацию привезут зарубежную помощь, Петру Петровичу позвонили заранее, и он распорядился развешать о том объявления, в которых было указано время распределения этой помощи, десять часов утра следующего дня, с таким расчётом, чтобы успеть всё распаковать и выставить для общего обзора.

И вот тут нужно сказать, что по неопытности (такую радость иностранцы предоставили впервые) Пётр Петрович со своими помощниками допустили две ошибки.

Первая – нужно было созвать актив села Горёвка и заранее распределить продукты и вещи наиболее нуждающимся в них жителям.

Вторая – они не учли то, что присланная помощь прошла несколько перевалочных пунктов, прежде чем попала в их администрацию. А как выяснилось позже, на этих пунктах уже приспособились производить обмен европейских товаров на китайские (о качестве которых вы прекрасно знаете сами, поэтому я вам не буду ничего рассказывать), либо вообще подсовывать свои поношенные шмотки.

Так вот, придя на службу к восьми часам, Пётр Петрович заметил сторбленную фигуру бабки Кузьминишны, которая металась по двору администрации, подойдя ближе, спросил:

– Тебе чего это не спится, Кузьминишна, ты что пришла так рано?

– Ты мне зубья-то не заговаривай, щёголь, – замахла бабка клюшкой. – Знаю я твою администрацию, усе лучшие тряпки загранишны сябе забярётя, а народу всяку дрянь вывалити. Вот я и пришла порядок блюсти. При мне будятя разбирать товары.

Но, как оказалось, бабка опоздала, специалист первой категории Власова Галина Васильевна, привыкшая ходить рано на птицефабрику, ты же помнишь, дорогой мой читатель, что она там работала главным зоотехником, и тут пришла пораньше и уже распаковала все коробки заграничной помощи. Узнавши, что опоздала, опережая Петра Петровича, бабка кинулась в его кабинет, именно там были разложены продуктовые наборы и вещи.

Ворвавшись в кабинет и заметив находившуюся там Галину Васильевну, бабка уже готова была выпалить:

– Уже нахапала сябе шмоток, стервь!

Но, увидев, что в руках специалиста ничего нет, промолчала. И тут её подслеповатый взор упал на свёрток, лежащий на подоконнике кабинета. Упакованный в прозрачный целлофан свёрток был цвета морской волны и на занимавшейся зорьке переливался перламутром.

– Ет штой-то? – ехидно спросила бабка. – Никак сябе захапать хатитя?

– Это кофта, – ответила растерявшаяся Власова, – мне она зачем, она же мужская, вот на этикетке мужчина изображён.

– Всё одно, чавой-т тут не так, – не унималась бабка.

Зачем Власова отложила эту кофту на подоконник, она и сама толком не знала. То ли её поразила красота оттенков, то ли она действительно хотела, чтобы эта кофта досталась Петру Петровичу, но так полу-

чилось, и мы её, в отличие от бабки Кузьминишны, спрашивать об этом не будем.

– Усё, эта кохта моя, – не унималась тем временем бабка, – ежели вы не отдадите яё мне, я вас на весь рыйон ославлю.

Тут уж кончилось терпение у Петра Петровича.

– Ну-ка, старуха, выйди из кабинета! Соберутся люди, решат тебе отдать – получишь ты эту кофту, – твёрдо, а может, и сердито, выпалил он, видимо, второе, потому что бабка беспрекословно покинула кабинет.

К десяти намеченным часам стали собираться люди, желающие получить капиталистическую бесплатную помощь. В коридоре, где сосредотачивались страждущие, постоянно слышалось угрожающее змеиное шипение бабки Кузьминишны, через закрытую дверь трудно было расслышать произносимые ею слова, доносилось лишь одно из них, напоминающее клокотание индюшки: «Кохта, кохта». Затем Пётр Петрович в окно увидел, как тракторист Рожанов и многодетная мать Аротанова метнулись бегом по улице в сторону своих домов. Через минуту по крыльцу застучали костыли инвалида Самошкина.

Ровно в десять часов собравшаяся группа нуждающихся была допущена к месту распределения заграничного товара. Работники администрации приготовились к раздаче продуктовых наборов в виде растительного масла и куска голландского сыра, которые почему-то были упакованы в один пакет, но, к их удивлению, на продукты никто не обратил внимания. Зашедшие в кабинет все как один хором выдохнули:

– Где кофта?

И, увидев её на подоконнике, протянули к ней руки. Но так как толпившихся претендентов на её обладание отделял от подоконника временно соору-

жённный прилавок, дотянуться до желанного предмета было невозможно.

– Давай мне! – кричала бабка Кузьминишна. – Я первая яё узрела!

– Почему это тебе? – громыхнул костылями инвалид Самошкин. – У тебя и старика-то нет, кто её будит носить? А мне положено, я инвалид первой группы.

– Ты не толкайся, чёрт хромой, чтоб у тябе втора нога отвалилась, – не уступала бабка.

– А ну расступись, – вышел вперёд тракторист Рожанов, – эта кофта по праву должна принадлежать мне. – И он вывалил на прилавок целую горсть орден и медалей, понятно стало, зачем он бегал домой.

– Чой-т тебе? А почему не мне? – возразила многодетная мать Аратанова и высыпала на прилавок большую кучу свидетельств о рождении своих детей.

– Дык кофта одна, а детей у тебя десять, кто носить-то будет, перебыются из-за неё, – съязвил инвалид Самошкин.

– А ет не тваво ума дело, – парировала Аратанова.

Обстановка накалялась, претенденты стали толкать друг друга, а инвалид Самошкин каждому из них старался наступить костылём на ногу.

«Где же Горохов?» – подумал Пётр Петрович, и прямо как на его зов в кабинет вошёл участковый Горохов, а так как он был высок и широк в плечах, все расступились, но толкать друг друга не прекратили.

«Ну, слава богу, – подумал Неугомонный, – сейчас Михаил наведёт тут порядок». Но, к его великому удивлению, участковый вдруг заявил:

– Всё граждане, кофта моя, чем я хуже других? Я и в Афгане был, ранение там получил.

– Ах, штоб табе, вон она для кого на окно было уложена, – завопила бабка Кузьминишна, – сгаварились, дьяволы. Ну нет, со мной така афера не пройдёт, еду в рыйён.

И тут, видя, что помощи в решении этой проблемы ждать не от кого, Пётр Петрович громко произнёс:

– Граждане, вы что, совсем совесть потеряли?! Вот бы сейчас нас увидели капиталисты, они бы не только кофты, но и портянки драной больше не прислали, – и видя, что эти граждане не торопятся искать потерянную совесть, вдруг, неожиданно даже для себя, предложил: – Давайте тянуть жребий, кто вытянет призовой, того и кофта.

И тут сразу наступила тишина.

– Как же мы сразу до этого не додумались? – саданул об пол костылём инвалид Самошкин.

Раскручивать «рулетку» взялся участковый Горохов. Достал коробок спичек, отломив от одной из них половинку, зажал их в своих огромных пальцах.

– Кто вытащит короткую, того и выигрыш, – в надежде на свой успех произнёс участковый.

Первым потянул удачу инвалид Самошкин.

– Ах, чтоб тебя... – саданул он ещё раз костылём об пол и со слезами на глазах выскользнул за дверь.

Вторым испытывал счастье тракторист Рожанов. Он долго перебирал верхушки спичек, зажатые в пальцах участкового, затем закрыл глаза и дёрнул крайнюю справа. Не открывая глаз, ощупал пальцами спичку и со словами «нет в жизни счастья» покинул помещение, прихватив с собой пищевой набор.

Многодетную мать Аратанову фортуна тоже обошла стороной, и она, выбрав из присланных шмоток десять различных нательных принадлежностей и три продуктового набора, с сожалением посмотрела на прощание на кофту и покинула кабинет.

«Так, удача всё ближе», – думал про себя Горохов. Ему-то было известно, какая спичка осчастливит своего владельца. Оставалась бабка Кузьминишна. Она внимательно, приблизив лицо к самой руке участкового, осмотрела торчащие из пальцев концы спичек

и, прочно вцепившись в левую, потянула её на себя. Горохов почувствовал, как счастье обладания желанной кофтой ускользает из его собственных пальцев. Он крепче сжал спички в надежде на то, что бабка переменит свои намерения, но не на ту нарвался, внутренним чутьём Кузьминишна поняла, что фортуна на её стороне и с такой силой потянула жребий, что кожа на пальцах участкового задымилась.

– Есть правда на белом свете! – показывая всем кукиш, ликовала бабка. – Усё, кохта моя! – И, схватив поданную ей красоту, застучала клюшкой сначала в коридоре, а затем по крыльцу.

И вдруг образовавшуюся после потасовки тишину прорезал душераздирающий вопль:

– Ах, штоб вы перядохли, буржуины проклятуции, умести с ентою администрацией!

Все, кто находился в здании администрации, высыпали на крыльцо, напуганные воплями бабки, думая, что она с радости поторопилась и сломала себе ногу. Но увиденное у некоторых на лице вызвало улыбку, у других недоумение, а нашлись и такие, на лице которых твёрдо укрепилось злорадство: бабка, размахивая клюшкой и громыхая резиновыми сапогами, необычно быстро удалялась от администрации, а на заборе висела кофта, переливаясь в солнечных лучах всеми оттенками синего цвета. На груди её зияла дыра величиной с кулак участкового, а правый рукав до локтя был оторван. Видимо, на одном из пересыльных пунктов завёлся ловкий хищник, извлекающий из пакетов иностранные вещи и упаковывающий в них свои поношенные. Прямо фарцовщик какой-то.

Вот с тех самых пор, как только приходила очередная партия любой помощи, Пётр Петрович приглашал актив села для её раздела по назначению и для обследования на предмет изношенности и пригодности для дальнейшего употребления.

Глава четырнадцатая. Ложный вызов

1

Был солнечный летний день, время к обеду. (*Везёт же жителям Горёвки, что ни день, то обязательно солнечный.*) Пётр Петрович совсем уж было собрался идти на обед, но тут в коридоре послышалось шарканье обуви и в открывшуюся дверь быстро, насколько это может сделать пожилая женщина, вошла Алексеева Наталья Петровна, пенсионерка, бывшая птичница. Она тихонько, не ввязываясь ни в какие распри, жила на окраине села, в частном доме.

Пётр Петрович сразу обратил внимание на то, что женщина была встревожена и её глаза застилали слёзы.

– Что случилось, Наталья Петровна? – обеспокоенно спросил глава.

– Петрович, ограбили меня, пришли какие-то ироды и вынесли всё, пока я была в огороде, – поведала пенсионерка. – Мне кажется, они и сейчас в стайке сидят. Пойдём ко мне, посмотришь.

– Какие ироды? – опарашенный услышанным, спросил Неугомонный. – Я сколько здесь живу, никого ещё ни разу не грабили. Да и брать-то у тебя нечего.

Но услышанное его не на шутку растревожило, и он, поднявшись с места, сказал:

– Ладно, ты иди домой, а я сейчас захвачу с собой участкового и тоже подскочу к тебе. – А про себя подумал: «С участковым надёжней, кто его знает, что там за ухари объявились».

– Михаил Михайлович, у нас ограбление, быстро собирайся, пойдём, – открыв дверь в кабинет участкового, выпалил Пётр Петрович.

– Какое ещё, к дьяволу, ограбление?! Ты, Петрович, случайно вчера горькую не употреблял? – не принял всерьёз известие участковый.

Но услышав пересказанное сообщение пенсионерки Алексеевой, обеспокоенно заметался по кабинету:

– Вот чёрт, а у меня пистолета нет, одену хоть португею с кобурой для острастки.

– Ты ещё бронежилет натяни, – съязвил Неугомонный.

Однако, не обратив на язвительный тон главы никакого внимания, Горохов напялил под китель бронежилет. Хотели поехать на УАЗе, но вспомнили, что нет бензина, кончился лимит, который был рассчитан только на две поездки в район, глава района Ископаемый любил проводить совещания.

До дома пенсионерки добрались в быстром темпе и, тяжело дыша от быстрой ходьбы, повисли на заборе предполагаемого объекта ограбления. Прислушались: из приземистой покосившейся стайки, раскорячившейся посреди захламлённого двора, донеслись шорохи, сопровождаемые похрапыванием.

– Сволочи, ограбили и спят, видимо, пьяные, – прошептал участковый, поднимая две здоровенные палки, валявшиеся среди мусора, одну из них подал Петру. – Ты, Петрович, стань у двери стайки, а я полезу внутрь. Как только крикну: «Бей!», лупи что есть сил гадов по голове!

Так и поступили. Неугомонный, подняв над головой дрын, застыл у входа в эту злополучную стайку, Горохов, сгорбившись, почти на четвереньках, иначе в неё было не войти, полез внутрь, где сосредоточилась кромешная тьма. Долго ничего не получалось, он кряхтел, сопел, ругал мешавший бронежилет шёпотом, видимо, чтобы не разбудить бандитов. Наконец послышался облегчённый выдох.

– Уффф... – и тут же истошный вопль: – Айяяй... что же ты, сволочь, ниже пояса бьёшь?

Затем последовала длительная возня, и радостный голос участкового сообщил:

– Петрович, поймал я эту тварь, не могу разобрать, что за оружие у него, похоже одновременно на кинжал и на штопор.

И вдруг опять истошный крик:

– Петрович, бей, он к тебе рванулся!

Неугомонный, прицелившись примерно в голову, замер в ожидании врага. Что-то серое мелькнуло в проёме двери стайки, Пётр Петрович изо всех сил саданул дрынком по верху проёма, но ни в кого не попал и тут же взвыл от боли, получив сногшибательный удар ниже пояса. Схватившись за то, что находилось ниже пояса, он повалился на захламлённый двор и начал по нему кататься колом от пронизывающей всё тело боли. Вдруг над ним пролетела серая тень, и раздался треск. Вылетевший из стайки Горохов замахнулся дрынком, да так и замер с открытым ртом от увиденного: по двору катался глава сельского поселения Неугомонный, а у стайки стоял здоровенный козёл, который не мог двинуться с места, так как его винтообразные рога застряли в пробитых им же досках. Козёл хотел ещё раз показать главе, кто тут хозяин, набрал обороты, но промахнулся и, пробив доски, из которых была сделана эта злополучная стайка, пленил себя сам.

Блюстителю порядка долго, постанывая, стряхивали с себя налипший на одежду мусор, стыдясь поглядеть друг другу в глаза, и вдруг, не сговариваясь, оба, схватившись за животы, начали неудержимо хохотать.

– Изловили разбойников! – повизгивая, сквозь хохот восклицал Горохов.

– Да, укатал нас бабушкин козлик! – поддерживал Неугомонный.

Отсмеявшись и договорившись никому об этом случае не рассказывать, чтобы избежать позора, они проследовали в дом «ограбленной» пенсионерки Алексеевой.

В доме царила идеальная чистота, в центре горницы стоял накрытый стол, на нём расположилась всякого рода снедь: квашеная капуста с постным маслом, огурчики, помидорчики, пирожки и прочие яства собственного производства, а середину стола, гордо возвышаясь над закусками, занимала литровая бутылка с красивой иностранной этикеткой. За столом, смущённо опустив глаза, сидела хозяйка.

Увидев столь высокое начальство, посетившее всё же её дом, на что она, конечно, не рассчитывала, Наталья Петровна встала навстречу дорогим гостям и, узрев их строгий взгляд – она же не догадывалась об их встрече с её любимым козлом, окончательно смутилась и залепетала:

– Вы уж простите ради Христа старуху, наврала я вам, никто меня не грабил.

– Да мы уж в этом убедились, – сказал, почёсывая саднящие места, участковый.

– Одна я всё время, старик умер, дети разъехались, живут далеко, зовут к себе, но мне уезжать не хочется, вся моя жизнь здесь прошла, уеду – сразу помру от тоски. Нашло на меня сегодня, детки вы мои, захотелось с кем-то умным поговорить, рассказать о своей нескладной жизни. Вот я и обманула тебя, Петрович, так бы просто ты бы не пришёл.

Мужики, обманутые ею и избитые козлом, зашли в дом с твёрдым намерением устыдить пенсионерку Алексееву за то, что она отняла их драгоценное рабочее время. Но услышав обращённую к ним речь Натальи Петровны и увидев слёзы на её глазах, да ещё такой стол, который приготовлен в их честь, сразу обмякли душой и телом.

– Чёрт с ними: и с этим временем, и с козлом. – В общем-то избавление людей от душевной боли тоже является частью их работы, и, приглашённые Ната-

лей Петровной, они уселись к празднично накрытому столу.

Иностранная этикетка на бутылке оказалась лживым призывом для любителей чужеземного зелья, сосуд этот хранил родной Горёвский пятидесятиградусный самогон. Выпили по стопке, закусили, и потекла беседа трёх повидавших жизнь с разных сторон человек. Но то, что рассказала им Наталья Петровна, задело этих государевых служащих до глубины души.

– Я ведь, ребята, замужем была два раза, – начала свою исповедь пенсионерка. – В тридцать четвёртом вышла замуж за местного кузнеца, Дмитрием его звали, хороший был мужик, добрый, а здоровый – как конь, колесо железное заднее, от трактора «Фордзон», на вытянутых руках поднимал. Народили мы с Дмитрием ребёночка, мальчика, Федей назвали. Всё было хорошо, а тут тридцать седьмой год, народ московский и ленинградский вагонами в нашу Сибирь везли. Да всё в тюрьмы и лагеря, понастроили этого добра, куда ни пойдёшь – везде колючая проволока.

А мой Дмитрий по доброте душевной возьми как-то и скажи: «Вот изверги, за что над людьми издеваются!» Сказал-то это в кузне, их там трое было: он, бригадир да молотобоец. Кто донёс? Неизвестно. Но через два дня, ночью, к нашему дому подкатил «воронок» – это машина такая тюремная, посадили моего Дмитрия Сергеевича в него и увезли неизвестно куда. Думала, Сибирь, куда ещё везти, посадят где-нибудь недалёко, передачи буду носить. Нет, увезли куда-то – и ни слуху ни духу по сей день, уже шестьдесят годков прошло... Да вы пейте и ешьте, заговорила я вас, – вытерев набивавшие слёзы, сказала пенсионерка.

Выпили, закусили, перебросились парой слов о современной жизни.

– Наталья Петровна, а дальше что? – заинтересованно спросил Пётр Петрович.

– Дальше? А дальше осталась я одна, с маленьким ребёночком на руках, – продолжала хозяйка, – а в колхозе работать надо, в то время никаких отпусков по уходу за детьми не было. Не вышел на работу первый раз – предупреждение, не вышел ещё – можешь в лагерь загреть, вот я и перебивалась по старухам, сегодня одной отдам Феденьку, завтра другой. Жить было голодно, завела я себе пять курочек, а кормить-то чем-то надо. Вот я однажды сдуру в сапоге с килограмм пшеницы и попыталась унести, на току работала. Да, видно, по моим ужимкам – оглядывалась всё время, бригадир-то и определил, что я расхититель социалистической собственности, как потом зачитал прокурор на суде. Дали мне три года, Федёнку соседка забрала и ухаживала за ним, как за родным. Я, когда вернулась из лагеря, при встрече с ней, как на икону, на неё молилась, она же стороной меня стала обходить, царство ей небесное, умерла в войну от непосильного труда. Я и сейчас, когда в церкви бываю, за упокой души её свечку ставлю.

В сорок первом году повстречала второго своего мужа, трактористом работал в соседнем колхозе. Как повстречала? Тогда ведь бабы, имеющие детей, на танцы не ходили, а он меня увидел раз на мельнице, привозил зерно молотить и через месяц заслал сватов. У меня один сын на руках, а у него-то оказалось двое, жена тоже за два килограмма пшеницы пять лет лагерей получила, да там и умерла. Поженились, полна, как говорится, горница детей, его-то дети старше моего, один – на четыре года, другой – на восемь, но жили дружно, некогда было распри разводить, работать надо было, а тут война... Ну, давайте, ребятки, ещё по одной, – предложила она и сама, приложившись к рюмочке, выпила её до дна. Закусив, продолжала: – Забрали моего второго мужа Алексея на фронт. Видимо, он там храбрым был, письма редко

приходили с фронта, но как только получала, читала, что получил очередную медаль или орден. А в сорок третьем получила письмо, не обычное, раньше приходили треугольные, а это – квадратное. Смотрю, в нём фотография, помятая правда, письма-то в мешках доставлялись. Но различить человека хорошо можно, а я его не узнала. Сидит исхудавший, седой человек, вся грудь – в орденах и медалях, на плечах – погоны капитана. Он в разведке служил, но писать об этом нельзя было, и я узнала всё уже после войны, в сорок шестом году.

– Почему в сорок шестом, война закончилась в сорок пятом? – спросил Пётр Петрович.

– А потому, что Алексей мой в сорок четвёртом году в плен попал. Уже был майором, пошли в разведку и попали под миномётный огонь, его контузило, а немцы подобрали и отправили в рабочий лагерь. В то время у них не хватало рабочих рук, и обращались с пленными не так жестоко, как в начале войны. Освободили его американцы, домой отпустили только в сорок шестом. Пришёл, сообразили мы на радостях ещё одного сына. Только он родился, вызвали моего мужа в НКВД и арестовали. После недолгих разбирательств дали ему десять лет лагерей.

– За что? – возмутился Горохов. – У человека вся грудь в орденах, а его под арест!

– За то, сказали, что не нужно было работать на немцев. Офицеру надо было застрелиться либо повеситься.

Вытерев слёзы, Наталья Петровна вновь наполнила свою рюмку и стаканы гостей самогоном.

– Выпьем за упокой души моего мужа Алексея, – предложила она, и была единогласно поддержана.

– Он что, умер в лагере? – спросил Пётр Петрович.

– Да нет, как только в пятьдесят третьем умер Сталин, его освободили. Умер он пять лет назад в соб-

ственной постели, старые раны не дали ему пожить дольше.

Допили самогон, съели почти всё, что стояло на столе, и, тепло распрощавшись с хозяйкой, двинулись в администрацию. Рабочий день кончился, а в кабинете Неугомонного стояла его не полученная ещё натуроплата, которая была в данный момент так кстати для успокоения растревоженной души.

Перед уходом от Натальи Петровны Пётр Петрович, растроганный её рассказом, поклонился хозяйке, как говорится, в ноги и попросил, чтобы она в любое время, не стесняясь, заходила в его кабинет.

– Вот ты скажи, Горохов, что у нас за народ? – спросил Неугомонный, когда они вышли на улицу. – Сколько хороших людей погубил Сталин, а они как чуть что – подавай им Сталина, сами напакостят, как коты, а для наведения порядка им нужен тиран. Неужели жить под постоянным страхом, что за тобой сейчас придут, кому-то нравится? Или они думают, что за другими придут, а за ними нет?

Захмелевший Горохов по привычке потянулся за пистолетом, но, не обнаружив на месте кобуры, махнул рукой и ничего не ответил. Да и вряд ли кто-то знает ответ на этот вопрос.

Глава пятнадцатая. В поисках благодарности

1

Эту главу я хочу начать с обращения к тебе, мой дорогой читатель.

Скажи ты мне, бывает у тебя такое – вот живёшь-живёшь, ни о чём таком крамольном не думаешь. Красота! И вдруг тебя начинает грызть червь сомнения: а зачем ты живёшь? Кому от этого польза? И он, этот червь, до того к тебе привяжется с глупыми вопросами, ну просто деваться некуда.

Вот это самое и случилось вдруг с нашим героем Петром Петровичем Неугомонным. А всему виной День Победы, самый дорогой праздник для российского человека, а для бывших фронтовиков – так вообще как самая значимая икона в церквях.

И зная это, многие хотят втереться к фронтовикам в доверие, различными способами напоминая им о том, что именно они являются главными победителями в этой войне. И это правильно!

То же самое происходило и в Энской области, и в Цементно-Шиферном районе. Ко Дню Победы президент страны присылал каждому фронтовику медаль и денежную помощь, губернатор присылал каждому подарок и открытку с поздравлениями, глава района, так как у него денег не было, присылал только открытку. А глава местной администрации, несмотря на то что деньги, потраченные на все подарки и открытки, изымались с местных территорий, не мог преподнести ветеранам ничего. И вся его заслуга сводилась к тому, что он исполнял роль почтальона, разносившего все указанные выше привилегии. Он, конечно, произносил какие-то слова благодарности при этом, но кто это помнил. И вот после праздника по селу длительное время, то там, то здесь раздавались хвалебные речи в адрес президента, губернатора и даже главы района:

– Вот какую медаль мне президент оторвал!

– Губернатор-то такой подарок отмолил, ну просто загляденье.

– А этот, районный-то, прислал какую-то паршивую открытку, ну да хрен с ним, не забыл и то ладно.

А про местного главу и сказанные им слова никто и не вспоминал. И до того вдруг стало обидно Петру Петровичу за такую несправедливость, что он поклялся сам себе всё исправить любыми путями. И к следующему Дню Победы решил внести достойный

вклад в дело прославления героического подвига ветеранов села Горёвка.

«Денег-то для этого нужно не так и много, ветеранов осталось семь человек», – думал он. И для осуществления задуманного собрал в своём кабинете местных предпринимателей.

Для начала решил произнести пламенную речь:

– Уважаемые предприниматели села Горёвка, знаете ли вы о том, сколько жизней было отдано нашими земляками и сколько пролито крови для того, чтобы в нашем селе стояли ваши ларьки и палатки, а не немецкие?..

И так далее и тому подобное. Никто не знает, сколько бы ещё продолжалась эта агитационная речь, если бы предприниматель Головченков не прервал её. Он имел три магазина, считался самым богатым и мог себе позволить дерзости:

– Слушай, Пётр Петрович, кончай агитацию, говори, что ты хочешь, купеческое время дорого.

– Так вот, скоро Девятое мая, и я хотел бы от вашего имени поздравить фронтовиков.

– А мы тут при чём? – загалдели со всех сторон «купцы», – поздравляй, мы тебе мешать не будем.

– Так сухая ложка рот дерёт, – прижатый к стенке догадавшимися, что от них надо, предпринимателями, попытался отшутиться Неугомонный, – не мешало бы её размочить.

– Петрович, сколько можно, ты и так все жилы из нас вытянул. На краску в школу дай, на стекло в садик дай, на ограду в клуб дай. Имей совесть, мы налоги платим исправно.

Они ещё долго шумели, стараясь перекричать друг друга. Пётр Петрович им не мешал, он присел на стул и молча ожидал, когда выйдет весь пар из местных «купцов».

Накричавшись вволю, предприниматели притихли, и тогда встал самый сговорчивый из них – Курилин:

– Давайте, уважаемые, скинемся. Пётр Петрович – он, как банный лист к одному месту, если привяжется, не отстанет. Да и не для себя же он просит, для наших же дедов и отцов. Говори, Петрович, сколько надо?

Скинулись по триста рублей. *(В то время, о котором идёт речь, это были ещё неплохие деньги.)*

Обрадованный Пётр Петрович на второй день поехал в райцентр и купил всем фронтовикам часы «Победа», специально выпущенные к этому дню. И ещё остались деньги на хороший праздничный обед.

Девятого мая фронтовики, подвыпив за праздничным столом, который им приготовлен был в школьной столовой, и получив подарки не только от губернатора, но и от местной администрации в лице Петра Петровича, не скупилась на благодарственные слова и в его адрес.

«Ну наконец-то и моя доля в их радости появилась», – думал довольный местный глава.

Но радовался он, как оказалась, рано, всё испортил ветеран Брагин. Он в школу к праздничному столу не пришёл. Брагин любил выпить, и не только выпить, а напиться до поросычьего визга, как говорится. *(Ты видел когда-нибудь пьяных свиней, дорогой мой читатель? Нет? Вот и я ни разу. Кто придумал эту чушь?)* Так вот и на сей раз он загулял за три дня до праздника, напьётся и лежит дома на полу. Иногда ему видится война, он соскакивает и, взмахивая рукой, в которой как бы зажата граната, кричит:

– Не подходи, гады! Всех уложу!

Бывают разные фронтовики, но их осуждать мы не будем, может быть, их такими сделала война. Так вот запил этот Брагин и не видел, как домой ему принесли медаль и подарок от губернатора, а часы Пётр Петрович решил вручить ему лично. И вот этот пьяница – ветеран – рано утром, родичи ещё спали, поднялся и двинул в ларёк похмелиться, благо ларьки

теперь в погоне за прибылью работали круглосуточно. Купил он, значит, шкалик водки и только хотел опрокинуть его в рот, как говорится, не отходя от кассы, а продавщица спрашивает:

– Фронтовик Брагин, а ты получил часы «Победа» в администрации или нет?

– Отстань, у меня голова болит, – отвечает ей на это Брагин, а сам думает: «Вот Петрович – гад, занял подарок от губернатора». – И припустил бегом в администрацию.

Прибегает – и прямо в кабинет главы, который уже был там.

– Слушай, Петрович, – дышит перегаром Брагин, – отдавай часы, которые мне губернатор прислал.

– Почему это губернатор? – вылупил глаза тот. – Эти часы вам дарит сельская администрация, дорогой вы наш фронтовик товарищ Брагин. – И вынимает часы «Победа» из собственного кармана, он их накануне забрал в школе, чтобы перенести в администрацию.

– Не брешь, – бесцеремонно заявляет Брагин, – в твоей администрации нет таких денег, чтобы дорогие часы покупать. И зачем, скажи на милость, ты мои часы в свой карман запихал, стибрить хотел?

Пётр Петрович растерялся от такого хамства, покраснел и, кое-как вручив часы Брагину, выпроводил того за дверь. Примерно через час Неугомонному нужно было пойти в детский сад по делам. Проходя мимо ларька, у которого толпились пьянчужки, он услышал, как Брагин, еле ворочая языком, показывая на него пальцем, говорил своим собутыльникам:

– Вон Неугомонный попёрся, часы мне губернатор прислал, а он хотел их стибрить, я эти часы прямо у него из кармана вытащил!

«Вот и вся благодарность», – подумал Пётр Петрович.

(Ну и что скажешь ты, дорогой мой читатель? А другие-то скажут, что это не так. Если другие про тебя говорят хорошо, никто помнить этого не хочет. Кому нужно помнить, что ты лучше их? А вот если про тебя скажут плохо – это всем нравится, на твоём фоне они-то хорошие. И это будут помнить все, ещё и другим расскажут. Так что все старания Неугомонного пошли прахом!)

2

И тогда Пётр Петрович решил пойти другим путём. В селе, кроме ветеранов-фронтовиков, проживало ещё десяток старушек-вдов, умершие мужья которых были фронтовиками. И Неугомонный решил плоды благодарности собрать через них. Пригласил к себе председателя совета ветеранов Авдеева Степана Ивановича и бригадира пенсионной стройбригады Виктора Петровича и обратился к ним с просьбой:

– Уважаемые ветераны, а давайте мы окажем сильную помощь старушкам-вдовам, у многих на их усадьбах повалилась ограда, у некоторых крыши текут, да мало ли что ещё нужно отремонтировать. Я договорюсь с материалами, а вы поможете в меру ваших сил с ремонтом.

На что приглашённые согласились беспрекословно и даже с большим вдохновением.

Но вдруг бригадир Виктор Петрович заявил протест:

– Ты извини, Пётр Петрович, но к Кузьминишне мы не пойдём.

Эта вредная старуха тоже была вдова фронтовика.

– Почему? – опешил Неугомонный.

– Потому что она потом всем будет рассказывать, что мы ничего не умеем, толком ничего не сделали, а только выпрашивали самогон. Что хочешь делай, а к ней мы ни ногой.

– Ладно, делайте у других, и за это большое спасибо, – согласился глава, а про себя подумал: «Пойду сам поправлю ей ограду, может, и спасибо скажет, по селу всем разнесёт, она бабка болтливая, всё же какая-никакая, а благодарность».

И в намеченный день, взяв дома ящик с инструментами и гвоздями, Пётр Петрович подался к старенькому дому Кузьминишны, необходимые материалы мужики доставили накануне.

Увидев Неугомонного с инструментами, бабка удивлённо вылупила глаза:

– Ниужто сам ряшил заплот ремантировать, щёголь? А ты хуш молот-то в руках умешь дяржать? Смори, испортишь древесину, поеду в рыйон с жалобой.

– Не бойсь, бабка, – бодро ответил Петрович, – я же не всю жизнь в конторе просидел. Ты бы лучше шла блины печь, забор починим, перекусим.

– Можа, тебе ящё самогону напузырить? – ехидно спросила бабка.

«Съел блинков, чуть не подавился», – подумал Пётр Петрович и с остервенением начал раскидывать гнилые жерди.

Бабка не уходила, внимательно наблюдая за действиями «щёголя», как бы чего не натворил непотребного. Пётр Петрович почти без отдыха (под зорким наблюдением) уже заканчивал работу, всё ещё надеясь на бабкину благодарность, как к дому Кузьминишны, заинтересованная происходящим, подошла соседка.

– Кузьминишна, а чой-то тебе ограду сам глава ремонтирует? – донеслось до Неугомонного.

Ответ бабки сразил наповал Петра Петровича.

– Дык вот губернатыр яму наказал: «Если заплот Кузьминишне не починишь, с работы сыму», вот он и старайца, вишь, как употел, не отдохат дажа. Любит у канторе сядеть, боица, што с работы сымуть».

Пётр Петрович забил последний гвоздь, зло про себя мотюгнулся и, не оглядываясь, пошёл от дома злобной старухи.

– Эй, щёголь, а самогоночки не хошь рази? – ехидно бросила вслед бабка.

«Подавись ты своей самогоночкой», – подумал вконец раздосадованный Пётр Петрович. И так ему вдруг от обиды захотелось выпить, что, спрятав в крапиву ящик с инструментами, свернул в проулок, по которому можно было напрямую дойти до магазина. Видимо, ещё был обеденный перерыв, на крыльце толпилось много народа, и, подойдя к магазину сбоку, он решил пока на народ не выходить. Услышав своё имя, произнесённое в очереди, Пётр Петрович насторожился:

– Дал бог нам главу администрации, везде порядок навёл, – произнёс женский голос.

– Да и пенсионерам помогает по мере сил, – подхватил другой.

– А как он этим вороватым козлам хвост закрутил, – восхищённо сказал мужской.

– В других сёлах говорят: «Нам бы такого главу», – произнёс голос председателя совета ветеранов.

У Петра Петровича перехватило дыхание, на глаза навернулись слёзы. Он тихонько, чтобы никто не услышал, отошёл от магазина и быстро зашагал в сторону своего дома.

«Да какой же я глупый, оказывается! Не та благодарность, про которую кричат, получив подарок, а та, которая глубоко хранится в сердцах людей, безошибочно определяющих, что ты за человек и достоин ли ты их благодарности», – подумал Пётр Петрович и горькую пить не стал. Ни к чему!

Вот и закончилась очередная глава нашей встречи, дорогой мой читатель, я буду тебе благодарен, если ты выдержал весь процесс нашего собеседования.

Извини, что я к тебе обращался на «ты», но мы же с тобой договаривались, что будем друзьями, а какие же друзья обращаются друг к другу на «вы», ну, может быть, только закоренелые бюрократы. А мы же не такие!

1994–2000 гг.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава четырнадцатая. События московские

Пётр Петрович Неугомонный, теперь уже не глава администрации, а просто человек, подперев голову рукой, сидел на своей пасеке, любовался на то, как пчёлы честно выполняют свой долг, работают «не покладая своих ножек», и нет у них ни нищих, ни олигархов, все заодно, ну просто до изнеможения все свои. И вот на этом фоне, дорогой мой читатель, в его умную голову лезли со своими претензиями разные крамольные мысли. Он машет руками иногда, хочет их отогнать, а они опять за своё, лезут и лезут, льются прямо рекой. Давай и мы с тобой, помнишь, как в прошлый раз, окунёмся в эту реку, но ответственности на себя брать не будем. Вдруг посадят!

«В двухтысячном году в России произошли события знаменательные, но просто неожиданные, такого даже мой прапрапрадед не мог вспомнить, – думал Неугомонный, – то ли потому, что память плохая, а может, потому, что такого не происходило, кто знает. Но произошло!

Наш президент господин Ель-Цин (прямо китаец какой-то), видимо, окончательно бросил употреблять «Московскую». Он бы не бросил, но после операции на сердце пить ему запретили. И вот, протрезвев, увидел, что он натворил за годы своего царствования, как ни странно это звучит, пришёл в ужас, и на голове

его волосы встали дыбом. И прямо с такой причёской в Новый, двухтысячный год он пришёл в студию на телевидение и на всю страну объявил:

– Всё, я ухожу, сам не понимаю, как это вышло, вижу, что не прав, но исправить всё содеянное у меня сил нет! Потому прошу прощения за то, что девяносто пять процентов населения стали нищими, и за то, что остальные пять процентов захватили всё в свои поганые руки и теперь жируют, и за то, что не могу справиться с террористами, уничтожающими наш народ, и за то, что барабанил на американском барабане под дудку Билла Клинтона. Каюсь, был пьян! Простите, люди добрыя!

В общем, ушёл, правда, забыл извиниться за то, что не сумел собрать паровоз, ну да хрен с ним, мы люди негордые, простим за всё.

А на это место пришёл новый президент, свято место пусто не бывает, его не отлавливали демократы, не всучивали ему разбитый паровоз. Пришёл он сам, неожиданно. Он не был комбайнёром, не строил панельные дома, а основным его занятием было охранять эти дома и строителей с комбайнёрами от посягательств внешних и внутренних врагов. Фамилия его была – Петербуржский, и, как оказалось, он был человек путный (в переводе с народного – «настоящий»).

Он не стал собирать разбитый паровоз, а поставил сразу на рельсы электровоз и к нему прицепил вагоны, те, которые ещё не успели далеко укатиться от намеченного пути, а вагоновожатым, пытавшимся раскатать эти вагоны, он тут же переломил хребет и посадил новых.

– Не совсем уважаемые олигархи, – обратился он к тем пяти процентам, которые прикарманили всё, – даю вам срок, небольшой, чтобы вы половину из того, что спёрли, вернули назад, народу, и чтобы за всё заплатили налоги и пеню, которая набежала в не-

вероятных количествах. Иначе плачет по вам тюрьма «Матросская тишина», со всеми вытекающими последствиями, и полная конфискация незаконно приватизированного имущества.

Некоторые, видя, что он не шутит, согласились с предъявленными им претензиями, но самые богатые быстро метнулись за границу и стали английскими подданными.

– Удивительное дело, неужели в Англии своих расхитителей мало? – удивлялся Пётр Петрович.

– А вы, террористы поганые, змеи подколенные, – обратился президент Петербургский к бандитам, обосновавшимся на Северном Кавказе, – имейте в виду, что с сегодняшнего дня я вас буду давить, как вонючих клопов, а особо злостных буду мочить в сортире!

И террористы поняли, что это не Ель-Цин, которому можно было вешать лапшу на уши, а настоящий джигит, и им никак не хотелось, чтобы их замачивали не в водах Терека, а в нечистотах сортира, поэтому они стали сдаваться. А те, кто не успел сдать либо спрятаться, были истреблены, как бешеные собаки.

– А ты, уважаемый Билл Клинтон, если будешь совать свой нос со своей дудкой в наши дела, то я барабанить не стану под неё, а обещаю тебе этот барабан напялить на твою паршивую голову. Гуд бай, май фрэнд! Запомнил, что я тебе сказал?

Зарплату вскоре стали давать деньгами и вовремя, пенсию тоже. Вспомнили, наконец, о том, что фронтовики спасли нашу Родину и предоставили им заслуженные почести и привилегии. В общем, жить стало не совсем хорошо, но сносно, особенно в зонах Москвы и Петербурга. Живи и радуйся, ан нет. То ли чёрт их дёрнул за ухо, то ли они решили, что если президент им доверил губернаторскую должность, то им всё можно. А почему нет? Ведь доверенные лица господина бывшего президента имели на то право. В

общем, губернаторы стали приворовывать, и если бы только на пропитание, так нет, прямо стали тырить миллиарды из областной казны. Сопрут и тут же себе за границей купят маленький домик квадратов на пятьсот, а то и того больше, и делают невинное лицо.

– Куда дели? – спросят их областные депутаты.

– Так бензин подорожал, – застыдившись и опустив глазки, отвечают губернаторы, – электричество тоже – того.

– Чего того? – не унимаются депутаты.

– Как чего того, на месте не стоит, а у нас сколько в администрациях светильников, а в гаражах машин – масса, вот оно и того.

Депутаты чуют, что их обманывают, а доказательств нет, вот некоторые из них, глядя на все эти безобразия, тоже начинают подворовывать, сначала по чуть-чуть, а затем воруют всерьёз.

И делают всё это областные руководители, не обращая внимания на то, что творится на вверенных им территориях. Не дают, допустим, шахтёрам зарплату, никому дела до этого нет, заваливаются дома у людей от ветхости, мрут люди как мухи, потому что дороги такие, что не только скорая помощь, но и танк не пройдёт, и опять до этого никому нет дела.

И тогда люди стали обращаться со своими бедами к президенту, а он начал по всем жалобам выезжать на место. Приедет в одно место – сразу зарплату выдают, приедет в другое – дома ремонтируют, приедет в третье – дороги строятся. Тут до него начало доходить: «А что же я везде езжу и решаю вопросы за губернаторов, а они-то чем занимаются, пока я езжу?»

И тут открылась такая картина, что он захотел в ключья изорвать то полотно, на котором она была написана.

И этих казнокрадов, взяточников пачками стали сажать в тюрьму, специально для них построенную.

Но, что удивительно, их меньше не становилось, и даже, глядя на них, задумались министры.

И один из них, министр экономического развития страны господин Увлекаев, говорит своей жене:

– Послушай, Маша (*или Даша, я точно не помню, да и Петрович тоже*), это что же такое творится? Я страну экономически развиваю, а эти подонки крадут доходы, полученные от её развития, берут взятки. Чем я их хуже?

– Что ты, что ты, Увлекаев, ты и так получаешь два миллиона в месяц, на кой тебе взятки? Попадёшь в тюрьму, передачи носить не буду!

Но министр был упрямый, свою Машу не послушался и так увлёкся этими взятками, что попал в тюрьму, но, странное дело, не очень об этом пожалел. И губернаторы, которые в ней сидят, особой грустью по этому поводу не удручены, то ли потому, что уверены, что им всё равно ничего не будет, то ли ещё почему.

«Почему же?» – ломал себе голову Пётр Петрович.

Всё разгадал Ефимка, местный воришка села Горёвка Цементно-Шиферного района Энской области, по кличке Тать. Украл он у соседей барана, хотел, подлец, шашлыком полакомиться, дали ему пять лет с конфискацией. А как же? Не губернатор же и не министр, потому пусть последнюю простыню отдаст, нечего из себя корчить настоящего ворюгу.

Так вот фамилия у этого воришки была Губернаторов, надо же, парадокс какой. А барана, которого он украл, звали Брильянт, видимо, потому, что он был единственной скотиной на дворе владельцев. К тому времени никакой скотины в сёлах почти не осталось: ни личной, ни общественной.

Прочитав в обвинительном приговоре, что этапиремый к местам отбывания наказания гражданин Губернаторов, а украденным оказался Брильянт, главный надзиратель этапа вздрогнул и матюгнулся:

– Опять очередной губернатор бриллианты спёр, – и приказал отправить горёвского воришку в Москву, в тюрьму особого назначения, где он попал в камеру к бывшему министру Увлекаеву.

– Ох, мать твою за ногу! – удивлённо воскликнул Ефимка, оказавшись в тюрьме. Как он после рассказывал всем, там было чему удивляться.

Его перед тем как определить в камеру, переодели в дорогие заграничные шмотки, он сидел не первый раз и очень этому удивился.

«Видимо, депутаты не зря заседают в каком-то там Белом доме, – думал Ефимка, – ишь, закон какой дельный придумали в отношении заключённых». – И открыл дверь в камеру.

Такой чистоты и такого комфорта он отродясь не видел, а некоторые приборы и вещи в его сознании никогда не появлялись. Камера была больше его захудалой халупы в селе Горёвка раза в четыре. На стене висел большой экран, Ефимка раза два ходил в клуб в кино, по молодости, и видел тряпичные экраны. Подошёл, пощупал. «Чёрт знает что», – зашевелилось у него в мозгах, но спрашивать не стал, а вдруг «пахан» останется недоволен, пиши пропало. Он хорошо помнил лагерные порядки, а по гордому виду Увлекаева сразу понял, что тот «пахан».

– Где моя «шконка»? – спросил Ефимка, на что «пахан» удивлённо поднял глаза и ничего не ответил.

Тогда воришка присел на свободную. Это было что-то, «шконка» была необъятно широкая, постель до того чиста и накрахмалена, что от её скрипа Ефимка вскочил и больше не садился до самой ночи. Он захотел посетить туалет. В палатах (иначе Тать эту камеру не мог назвать) было ещё две двери, кроме входной. Одна из них была двойная, изготовленная из добротного металла, белого цвета, и на ней были выведены иностранные буквы, которые

Ефимка совершенно не мог понять, так как он и русских-то букв не знал.

Другая была сборная из разного вида драгоценных сортов дерева, выведенные на ней узоры напоминали морозные разводы на стёклах халупы его дома в селе. Ефимка подошёл к белой двери и потянул одну створку. Картина, представшая его взору, поразила узника, как гром среди ясного неба. За дверкой на полках находилось огромное количество пищевых деликатесов, есть не хочу.

Ефимка забыл, что ему надо в туалет, и хотел уже наброситься на невиданные чудеса этого хранилища, но тут «пахан», недовольно кашлянув, произнёс, наконец, справедливую фразу, скорее задал вопрос:

– Эй ты, губернатор, ты в этот холодильник чего-нибудь клал?

– Нет! – инстинктивно выпалил Ефимка, быстро захлопывая дверку.

– Привыкли грести там, в губерниях, чужое... – ворчливо гудел «пахан». Ефимка понял, что промахнулся и открыл не ту дверь.

«Всё, я пропал», – думал горестно воришка, немилость «смотрящего» – верная гибель.

Но делать нечего, желание подпирало, и он, не надеясь на ответ сокамерника, сам, без спроса открыл вторую, деревянную дверь. И опять был поражён, у него дома не было унитаза, так как туалет, по кличке сортир, находился в огороде, но он видел унитаз в местной администрации. Но то, что он увидел здесь, отличалось от административного, как «Мерседес» от «Оки». Здесь было всё, даже подъёмник, видимо, для того чтобы поднимать зашедшего сюда по нужде осуждённого с унитаза, если вдруг того хватит хондроз. Кругом стоял апельсиновый аромат. Ефимка долго бегал вокруг, не зная, как пристроиться, наконец залез с ногами на жерло туалетного произведе-

ния искусств. Остальное описывать нет желания, да и ни к чему.

Через час примерно принесли обед, и опять удивлению Ефимки не было границ. Он ожидал, что, как всегда, злой надзиратель, открыв дверь, швырнёт чашку с помоями и грозно рявкнет: «Жри». Но произошло всё иначе, официант в белом халате закатил тележку с расположенными на ней продуктами. Чего там только не было! Мясо в разных вариантах: пареное, жареное под различные гарниры и соусы, салаты любые, овощи, фрукты и много ещё того, чего Ефимка никогда не видел в глаза.

«Вот это «пахана» кормят», – подумал он. Но официант подкатил к нему тележку тоже и вежливо попросил:

– Уважаемый, выбирайте скорее, мне ещё три камеры обслуживать.

Ефимка схватил всё, что стояло на первом ярусе тележки, и поставил на свой широкий стол, он уже догадался, что ближний к его логову стол принадлежит ему. Официант удивлённо посмотрел на него, но, ничего не сказав, покатил тележку дальше, а Ефимка набросился на еду с такой яростью, что «пахан» съёжился от ужаса.

«Не дай такому вовремя поесть, он и меня сожрёт», – подумал он. – Скажу ему, пусть ест всё, что захочет из холодильника. От греха подальше».

Глядя на вновь прибывшего заключенного, Увлекаев и весь обслуживающий персонал всё больше впадали в сомнение.

«Неужели это губернатор?» – думал бывший министр. – Неужто так низко пал выбор руководящего состава на местах?» А когда Ефимка столовым ножом на кафеле в туалете вывел: «Не забуду мать родную», все вышеназванные особи обратились в комиссию по надзору за исполнением наказаний. И тут выяснилась

ошибка, допущенная старшим надзирателем этапа. С него сняли лычки, а с Ефимки взяли подписку о неразглашении, за что он попал под амнистию и скоро был дома, в селе Горёвка.

Вот от него-то Пётр Петрович и узнал, почему осуждённые губернаторы не очень сетуют на их содержание в местах не столь отдалённых. Ефимка «расколосился» по пьянке, но на другой день одумался и замолчал накрепко, больше об этом случае от него никто не услышал.

«Сталина на них нет, – думал Пётр Петрович о расхитителях государственной казны. – Вот они – настоящие враги народа, а не те, кто был в плену или сболтнул что по неразумению». *(Простим ему эту реплику, дорогой мой читатель, ты же помнишь, он сам был всегда против действий Сталина, но это особый случай. «Грабля свою страну, ты, гад, напрямую помогаешь врагам её», – это уже наше с тобой обращение к расхитителям.)*

На этом Пётр Петрович прервал свои мысли, ему надоело сидеть на пасеке, подперев голову руками, и он пошёл в огород пропалывать морковь.

Глава пятнадцатая. О событиях в Энской области

1

Сколько прошло времени, я вам точно сказать не могу, но как-то так случилось, что Пётр Петрович снова пришёл на свою пасеку и, подперев голову рукою, вновь задумался. Нет, уважаемый читатель, ты не подумай, что он был лодырь и редко занимался своей пасекой, ей-то он как раз занимался регулярно, но чтобы вот так, с подпёртой рукою головой задумываться, вместо того чтобы качать мёд, такое случалось редко.

Давайте и мы проникнем в его мысли, как договорились ранее, и узнаем, о чём думает этот пытливого ума человек.

– Да, многое потеряла Энская область за период правления этого строителя Ель-Цина, – думал Пётр Петрович. – Раньше она славилась производством стали, цемента, шифера, производством панелей для строительства домов, добычей угля, производством сельскохозяйственной продукции и многими прочими достижениями. Всё было потеряно больше чем в половину.

Родственники Петра Петровича жили в городе Шахтёрске, работали в основном шахтёрами, сам он, хоть и родился в селе, но некоторое время работал на машиностроительном заводе этого города, производящем шахтовое оборудование. До перестройки на заводе работало три тысячи рабочих, в три смены, а теперь осталось триста, в одну смену, а некоторые цеха закрыли совсем. Из пяти шахт действующими остались две. На стеклозаводе китайцы разместили швейную мастерскую и шили штаны для бюрократов среднего сословия.

В Цементно-Шиферном районе закрылись заводы по производству шифера и цемента, а также домостроительный и мясной комбинаты.

Сельскохозяйственное производство (совхозы) в первые же годы правления царя Бориса приказали долго жить. Едешь, бывало, по области, и душа радуется: до самого горизонта колосится пшеница, на лугах пасутся коровы. Кур, правда, не видно, они на ветках не сидят, но все точно знали, что в области имеется десять больших птицефабрик, которые регулярно производят миллионы яиц и сотни тонн птичьего мяса.

А теперь едешь по северным районам области – до самого горизонта на полях колосится бурьян, а луга начинают зарастать берёзой и осинником. Подъезжаешь к селу, и тебя на въезде встречают, оцетинившись рёбрами разобранных крыш и зияя провалами

разбитых окон, бывшие коровники, телятники, тракторные и автомобильные гаражи. И лишь несколько птицефабрик уцелело за счёт того, что их выкупили разбогатевшие на добыче нефти люди из соседней, северной области.

Но что никак не укладывалось в голове Петра Петровича, видимо, мозги остались коммунистические (он всё-таки длительное время состоял в этой партии и заявления, как делали многие, на выход из неё не писал, но и обновлённых коммунистов признавать не хотел), несмотря на всю разруху, газета «Энский капиталист» писала, что производство зерна в области возросло в два раза, а молоко льётся рекой и девать его не куда. А про мясо и говорить не приходится, стали продавать китайцам. Пётр Петрович специально завёл свою машину и поехал искать эти поля, на которых колосилась пшеница в два раза продуктивнее, чем раньше, но, сколько ни ездил, пшеницы не нашёл, коров тоже и очень расстроился.

– Наверное, я чего-то не понимаю, – горевал он, – а может, не вижу того, что видят другие.

И ещё раз завёл машину, взял с собой внука, выехал в поле и спросил его:

– Милый мой внучек, я надеюсь, ты не будешь обманывать дедушку. Скажи, что ты видишь в этом поле?

– По-моему, это сорняки. Бабушка, когда пропалывает грядки, такую траву выбрасывает с огорода.

– А не видишь ли ты там коров либо доярок, которые бегают с подойниками в поисках тары, чтобы вылить молоко?

– А кто это такие, дедушка? – вылупил глазёнки внук. – Это Бэтмены или ниньдзя? Может быть, они прячутся в этих сорняках, пойдём поищем их, дедушка.

– Нет, внучек, там мы их не найдём, они прячутся в газете «Энский капиталист», – наконец-то догадался, в чём тут дело, Неугомонный.

Но народ Энской области, утративший прежнюю славу производителя, нашёл всё-таки возможность завоёвывать высокие проценты в другой сфере деятельности. И этот процент помогал ему удерживать доморощенный избиратель.

– Что это за страсть к избирательному процессу и с чем её едят? – спросишь ты, уважаемый мой читатель.

– Я думаю, что Пётр Петрович объяснит всё, и прекрасно справится с этой задачей, так как он всю сознательную жизнь принимал участие в организации и проведении предвыборной и выборной кампаний.

– Так вот, при социализме этот процесс был прост, как дважды два, – вспоминал Пётр Петрович. – Из Москвы отправляли депеши по областям с готовой кандидатурой, утверждённой в ЦК КППС, например Сталин И. В. Во всех партиячках собирали партийные собрания, какой-нибудь рабочий выдвигал кандидатуру, вбитую ему перед собранием в голову парторгом. И так по всей стране. Не нужно ломать голову, кандидатура одна, пришёл, проголосовал и баста, иди получай доступ к пиву и яблокам, которые специально доставлялись к этому мероприятию, чтобы избиратели не тянули резину, а шли скорее на участок, а то прозеваешь – и хрен тебе, а не пива с яблоками. Вот такой простой процесс. Иногда это мероприятие усложнялось, из Москвы требовали, чтобы руководители области сами предлагали кандидатуру. Но с определёнными параметрами (требованиями к их фигуре). Например, нужна обязательно доярка, она же комсомолка, она же мать двоих детей и жена тракториста, награждённого медалью «За освоение целинных земель». Находили как миленькие, попробуй не найди, попадёшь на бюро с портфелем, а оттуда уже выйдешь без него.

Затем доярку отправляли на Съезд депутатов СССР, а она упиралась.

– Не поеду, – кричала она, – пока я по съездам буду мотаться, моих коров испортят, и я вылечу из состава передовиков производства!

– Ах так, – отвечал ей местный парторг, – не поедешь, тогда мы отберём у твоего мужа медаль «За освоение целинных земель».

И она ехала и, попав во Дворец съездов, тут же начала управлять страной, и все избиратели гордились:

– Ишь, что наша доярка-то творит!

А не гордился только её муж, ему нужно было подымать залежные земли, одновременно ухаживать за двумя детьми, кормить их и готовить себе пищу, кроме того, доить собственную корову. И он, хватаясь за голову, восклицал:

– Чёрт меня дёрнул добиваться этой медали!

Но было уже поздно, земли распаханы, медаль красуется на груди.

Другое дело стало теперь. С большим количеством вновь возникших партий мы уже встречались в селе Горёвка, но это в селе, а что было в городах, и особенно в Москве. Не укладывается в голову, а в бюллетени для голосования укладывалось. Бывало, зайдёт избиратель в кабину для голосования, а этот бюллетень на столик не вмещается, и, чтобы долго не путаться, избиратель чиркнет, где придётся, – и в буфет, чай бесплатный пить. Но это не наши избиратели.

А вот избиратели нашей, Энской области голосовали всегда так, как надо, за кого им скажут, тот и будет избран. За Ель-Цина? Значит, за него, на тебе – не жалко. За демократов? Хорошо, будут демократы. За партию «Единая страна» или ещё какую? Не вопрос, за какую скажут, на тебе – девяносто процентов – готово. Прямо зуд какой-то идти скорее голосовать так, как надо.

Стоят безработные в конторе службы занятости, перегаром прёт, чиркни спичку, всё на воздух взлетит, а тут вдруг кричат:

– Господа, голосовать надо!

– За кого? – доносится из очереди. – А, за этого? Пожалуйста, сколько угодно.

Жители разорённых деревень ходят и клянут всех подряд, работы нет, больница далеко, школу закрыли, и вдруг:

– Товарищи! – Деревенские ещё не привыкли к слову «господа». – Голосовать!

И эти забытые проблемами люди встрепенутся и летят сломя голову на избирательный участок, чтобы проголосовать за того, за кого надо.

Пётр Петрович, работая главой, всегда был против такого голосования. Единственный кандидат, за кого он бы отдал не только голос, но и руку вместе с бюллетенем – президент Петербургский. Он как вспомнит, что творилось до этого президента в стране, бежит первый на участок, даже если там нет пива. А вот что касается партий, тут он пытался всегда соблюдать демократический подход. Во-первых, этих партий должно быть не более двух, ну на худой конец – трёх единиц. Во-вторых, если разрыв в голосах между ними небольшой, то они, чтобы к следующим выборам поднять свой авторитет, должны будут что-то делать для улучшения жизни народа, а когда партия получает восемьдесят – девяносто процентов голосов, зачем этим партийцам волноваться, сиди в Белом доме да посапывай по-тихому.

И он всегда удивлялся, как это избиратель Энской области голосует всегда правильно: за кого скажут, за того и девяносто процентов. В соседних областях более-менее голоса распределяются между основными партиями равномерно, а в Энской – всегда впереди

нужная партия. Что за избиратель? А как оказалось, избиратель был ни при чём!

На выборах президента Ель-Цина Пётр Петрович, как всегда, был ответственным за избирательный участок села Горёвка (в то время ещё Забытый путь к коммунизму), а директором птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» был Хапугин. Ему, этому Хапугину, действующий президент нравился.

Хапугин, собрав рабочих птицефабрики, всех предупредил:

– Вот что, холопы, если вы не проголосуете за Ель-Цина, я половину из вас уволю после выборов!

И избиратели села Горёвка проголосовали на пятьдесят один процент за этого кандидата, в селе жили не только рабочие птицефабрики. Приехав на районный участок с готовыми результатами, Пётр Петрович получил выволочку за низкий процент нужных голосов, а премию не получил, ну да бог с ней, с премией, удивительно было другое. В газете «Шиферный вестник», которая опубликовала результаты выборов по всем сёлам, в графе «Проголосовавшие за Ель-Цина в селе Горёвка» красовалась цифра «75 %».

«Видимо, ошибка», – подумал Пётр Петрович и правду искать не стал.

Другой случай окончательно убедил его в том, что его демократия несколько отличается от демократии представителей районной администрации. Проходили выборы в депутаты Государственной думы. Главными претендентами на выдвижение были три партии: «Коммунисты, за мной», «Либералы, не зевай» и «Единая страна, не отставай». Область делала ставку на партию «Единая страна, не отставай». Возможно, в селе Горёвка эта партия и получила бы большинство голосов, но в то время директором птицефабрики был уже Маратка Ильдусов, а так как он везде представлялся фаворитом губернатора, то, естественно,

сразу занял место председателя этой партии, по совместительству. А люди уже начали понимать, кто такой Маратка, и проголосовали не против партии, а против председателя. В общем, победила партия коммунистов. Что творилось в районной администрации, когда Пётр Петрович в кабинете районного главы Ископаемого доложил о результатах, это надо было видеть! Ископаемый потерял дар речи и лишь махал руками, показывая на дверь: проваливай, мол, пока я тебя пепельницей не огрел. Но больше всего Неугомонного поразила фраза, сказанная представителем обладминистрации.

– Ах ты паршивый коммуняка! – сказал он.

А ранее, до наступившего капитализма, этот человек отработал несколько лет заведующим отделом пропаганды коммунистического обкома партии Энской области!

А через два дня газета «Цементный вестник» опубликовала результаты голосования по сёлам района. В графе против села Горёвка стояла цифра «90 %» за партию «Единая страна, не отставай».

С работы Петра Петровича не выгнали, но отложили этот случай себе в памяти до лучших времён.

Солнышко стало клониться к горизонту, пчелиный гул постепенно затихал, Пётр Петрович очнулся от воспоминаний и пошёл к вечерней трапезе.

Глава шестнадцатая. Баранки Цементно-Шиферного района

1

Пётр Петрович сидел на пенёчке на пасеке и обвязывал рамки, на которых затем размещались соты, любимый объект пчёл, на них проходила вся трудовая и личная пчелиная жизнь. Руки Петра были заняты, а голова свободна, и мысли, разместившиеся в ней,

продолжали развиваться с необычайной настойчивостью, можно сказать, даже навязчиво. Он их гнал от себя через рот, а они возвращались через нос назад, и никакой управы на них нет.

«Вот ведь, как в жизни бывает, – настойчиво долбили по мозгам мысли. – Люди думают о человеке одно, но проходит время, и он предстаёт им совсем в другом облике, как говорится, в другом цвете. Вот вспомнить, к примеру, Сталина, да, именно его. При жизни он был «отец всех народов», «родной брат каждому», а умер – и оказалось, что он – тиран и кровопийца.

Так произошло и у нас, вспомнил Петр Петрович бывших глав района Романовского и Шарабановского, они были признаны когда-то слабохарактерными и отстранены от руководства за недалковидность. Но, как оказалось, всё это – неоправданные наветы и только благодаря им Цементно-Шиферный район ещё существует.

– Как так?! – возмутишься ты, мой дорогой читатель. – В районе не стало шифера и цемента, не стало домостроительного комбината, а также совхозов и многого другого, а ты вместе с Неугомонным пытаешься разместить на наши уши лапшу.

– Не мешай ровно бегущим мыслям Петра Петровича, повремени с выводами, и ты скоро всё узнаешь.

«Так вот, – продолжал думать Неугомонный, не справившись с этими мыслями и не сумев от них отделаться, он позволил им полностью завладеть своими мозгами, – в районе ни чего не осталось»...

Действительно, в районе ничего не осталось, но осмелюсь тебе напомнить, дорогой мой читатель, о том маленьком заводике, что разместился за дряхлым заборчиком на окраине Цементно-Шиферного посёлка. Этот заводик не производил свечи для церковных нужд, как у Ильфа и Петрова, но обладал не меньшей ценностью, чем тот. А производил он в три

смены баранки, да-да, те самые, без которых русский человек к самовару и близко не подойдёт. И вот это-то заводик сохранили вышеозвученные главы. Мало того, они ещё выгодно продали его в частные руки, которые принадлежали умелым людям. И если раньше этот заводик кое-как сводил концы с концами, то теперь он стал приносить огромные доходы и обеспечил большое количество жителей района работой.

А всё почему? Да потому, что голова у этих людей работала неплохо. Раньше выпекались просто баранки, для низших слоёв населения, а теперь стали выпекать баранки с маком, а для олигархов мак – это самое потребное вещество для организма. И попёрли эти баранки везами на Москву. А когда объединились с заводом «Тульский самовар», дела пошли ещё лучше. Везут баранки из Энской области в Москву, заезжают в Тулу, берут самовары и надевают на них связку баранок с маком. Что тут сразу творится! Московские олигархи в очередь! Подай им самый большой самовар с самыми большими баранками, густо обсыпанными маком, а иначе они жить не желают. Вот и попёрла прибыль на заводик, а он разросся и стал уже комбинатом, налоги платит исправно, район-то ожил, так, правда, слабенько, но дышит. А эти ребята – Романовский да Шарабановский – пошли дальше, продали тем же частным лицам птицефабрику «Золотое яйцо», после того как умер Колотозов Павел Иванович, царство ему небесное. Фабрика тоже ожила, стала давать крупные яйца, иногда их даже путали с индюшиными. Вот и думай после этого, стоит ли делать скоропалительные выводы о людях. Ты о них с обидой, а им в пору памятники ставить.

2

Пришедший на смену Шарабановскому Ископаемый, понимая приносимую комбинатом пользу, осо-

бого вреда ему не чинил. Потихоньку добивал своих подчинённых: сказал не так – в чёрный список, имешь своё мнение – туда же. Постепенно руководителей с этим их мнением всех выставил с занимаемых ими насиженных мест. Пригрелся на месте – сиди и не твяккай, скажут к ноге – значит, к ноге, не подполз вовремя – получишь сапогом в ры..., то есть в лицо.

Так пинал-пинал Ископаемый страдальцев, да и самого пнули, как не оправдавшего надежды, потому как зерна не стало совсем, а всего прочего уже не было давно. Но перед этим он успел начать строительство часовни, прямо рядом с администрацией. Хотел, наверное, отмолить грехи, но не успел.

И пришёл ему на смену господин Коровин Н. А. Как пришёл? Опять же через выборы. Первым пунктом в его программе был лозунг: «Каждому жителю района – баранку в руки!» Ну как тут не согласиться? Некоторые поняли, что получают в руки баранку от автомобиля, и за три дня до выборов организовали дежурство у избирательных участков, надеясь проголосовать первыми. А то вдруг автомобили кончатся.

Приступил господин Коровин к исполнению обязанностей главы района и, странное дело, начал сразу достраивать часовню у стен районной администрации, будто бы заранее намекая на то, что грешить он будет напропалую, безостановочно, а часовня строится для отпущения грехов, ходить далеко не нужно, согрешил, выскочил из администрации – и в часовню.

Второе, что предпринял новый глава, у многих вызвало приступ одобрения. Коровин, озабоченный отсутствием зерна и скота в районе, немедленно пригласил из института профессора по фамилии Мурлы-Баянов. Нет, не для того чтобы тот мурлыкал либо играл на баяне, а затем, чтобы с его помощью возродить былую славу сельскохозяйственного производ-

ства. И в общем-то кое-что начало возрождаться, появился господин Скоморохов и начал доить коров в одном из брошенных хозяйств. Стали строить мельницу на полях другого брошенного хозяйства и сеять долгожданную пшеницу.

Хотел новый глава и добратся до директора птицефабрики «Петушок – золотой гребешок», так как уже ясно было видно, что этому объекту птицеводства приходит каюк. Вроде шло всё к улучшению дел во вверенном ему районе. Но, видно, не зря Коровин Н. А. строил часовню у стен районной администрации. Вдруг неожиданно он отступился от советов профессора Мурлы-Баянова и стал прислушиваться к совету другого индивидуума. Пётр Петрович точно не знал, профессор тот был или академик, но точно знал, что он в области занимал высокую должность.

Так вот, новый консультант – Бесфамильный стал советовать господину Коровину окончательно удивить жителей Цементно-Шиферного района тем, что уголь в Энской области покупать нельзя. А эта область как раз стоит на угле: пошёл в огород, капнул лопатой – получи пачку угля. А покупать его здесь нельзя, так как он является пожароопасным. И, чтобы обезопасить район от возникновения очагов возгорания, нужно возить уголь из другой области, где его никогда ранее не было, но теперь он появился, правда, в два раза дороже энского. Но, как сказал господин Бесфамильный, овчинка выделки стоит.

И он оказался прав, уголь был совершенно безопасен, он не только не воспламенялся, но и не горел совсем, в принципе он и не мог этого делать, так как представлял собой кучи болотной грязи. Учёный Бесфамильный быстро смылся, получив гонорар за своё открытие, а Коровин завяз в привезённом им угле по самую репицу, к тому же в часовню его теперь батюш-

ка не пускает, да и ходить до неё стало далеко, кресло в администрации пришлось освободить.

Вспомнился Петру Петровичу и другой «подвиг» господина Коровина, о котором ему рассказал бывший директор птицефабрики «Петушок – золотой гребешок» Божков А. Н. Ранее, до того, как Коровин стал главой, они с Божковым были приятелями, но, как говорится, хочешь узнать человека лучше, напои его вином или дай ему портфель руководителя. Портфель в руках приятеля появился, и воодушевлённый этим Божков решил обратиться к нему с просьбой. Нет не для себя, а для бывшего работника печатного слова, редактора газеты «Цементная правда» Маковой Т. В. Она всю свою сознательную жизнь отработала в данном районе, писала райкомовские вести, затем административные, в общем, делала имидж различного рода управленцам, в том числе Коровину. Так вот, суть просьбы заключалась в том, что этой пожилой женщине нужна была однокомнатная квартира, она осталась без жилплощади. Как это случилось, неважно, осталась, и всё. Божков с большим уважением относился к ней и пошёл к Коровину. Тот принял старого приятеля хорошо, напоил чаем, обещал оказать помощь Маковой. Стукнули по рукам и разошлись. Через несколько дней Божков зашёл в редакцию и обнаружил там рыдающую Макову Т. В.

– В чём дело? – спросил озадаченный Божков. – Тебе что, отказали в помощи?

– Нет, – ответила рыдающая Макова, – оказали. Вызвал меня Коровин и выдал билет на деляну с хвойным лесом на корню. «А остальное делай сама», – сказал он. Взяла я в руки топор, а он из них выпал. В общем, надсмеялся твой приятель надо мной.

А в район прибыл новый глава, по фамилии Учёный. Так как баранки стали дорогими, то всем жите-

лям района обещать их стало накладно. И тогда был брошен лозунг: «Каждому депутату – по баранке с маком, но без самовара!». Они-то и избрали единогласно нового главу. Говорят, он вроде строгий и деловой, но нашим некоторым особям не угодись.

«Чтой-то он строгий, другие нестрогие, а он...» И назло ему то стекло выбьют где-нибудь, то ножичком машину царапнут чью-нибудь. В общем, не перевились ещё пакостники на ... (везде их, к сожалению, можно встретить).

«А я так размышляю, – подумал Пётр Петрович, – пусть будет строгий и деловой, лишь бы, не дай бог, не начал эксперименты проводить с углём, а того хуже – с баранками. Кончатся баранки – и нам каюк».

Пётр Петрович отложил пчелиные рамки в сторону, отогнал, наконец, обуявшие его голову мысли и пошёл пить чай с мёдом, а может быть, и с баранками, густо посыпанными маком.

Глава семнадцатая. Страдания села Горёвки

Всякие мысли в конце концов можно отогнать от своей головы, как назойливую муху. Если, допустим, привязались они на пасеке и вьются вокруг, как пчёлы, возьми и уйди с этой самой пасеки куда-нибудь в лес, желательно, чтобы он был погуще. Запутаются эти мысли в кустах и отвяжутся от тебя.

Но есть такие, от которых ни в кустах, ни на пасеке отделаться невозможно. Вот такие мысли обуревали последние годы умную голову (надеюсь, это правда) Петра Петровича Неугомонного. Прямо так и лезли, днём и ночью задавали одни и те же вопросы:

«Как так получилось, что какой-то паршивый Маратка Ильдусов разорил село Горёвку до основания? Оставил людей этой несчастной деревни без работы, а некоторых без пенсии. Где были эти многочислен-

ные районные и областные руководители? Неужели никто не видел, что творит этот прощельга, прикрываясь лохматыми областными и районными руками? Зачем их тогда выбирали? Не за шифер же и баранки, а надеялись на их ум, честь и совесть. А они, оказывается, просто сидели и протирали свои китайские штаны.

Пётр Петрович видел, к чему приведёт безумное управление производством Маратки Ильдусова, и вместе с бывшим директором Божковым ходил по инстанциям и бил в тревожные колокола. Их успокаивали, что всё, мол, происходит под их неусыпным контролем и опасаться нечего, намекая при этом на то, что дело-то теперь не ваше, валите и не лезьте не в свои дела. А один областной вождь прямо заявил:

– Господин Божков А. Н., не думай, что ты самый умный, таких управленцев, как Ильдусов, надо ещё искать. Это отличный хозяйственник, который добьётся высокого подъёма вверенного ему производства!

Добился – разорил птицефабрику и смылся.

Но, дорогой мой читатель, давай проследим за мыслями Петра Петровича по порядку. Итак, глава Горёвской администрации Неугомонный и глава Цементно-Шиферного района Ископаемый не сошлись, как говорится, характерами, и неуступчивый Пётр Петрович попал в немилость на почве земельного конфликта. Затем этот конфликт усугубился неправильно проведёнными выборами в думу по Горёвскому избирательному участку. Так вот на этом конфликт не закончился, а всё нарастал, как вулкан, который вот-вот должен был рвануть. И это произошло.

Последней каплей, взорвавшей этот вулкан, как ни странно звучит, оказалась бесхозная электроподстанция (попросту – трансформаторная будка) в селе Горёвка. Как так получилось, что эта будка не имела своего хозяина, никто до сих пор не знает, Энский

энергосбыт от неё отказался, птицефабрика «Петушок – золотой гребешок» во главе с Мараткой – тоже. Казалось бы, отказались – и дьявол с ними, но беда в том, что через этот трансформатор получали электроэнергию жители трёх улиц в Горёвке, кроме того, детский сад, школа искусств, библиотека и сельская администрация. А за использованную электроэнергию нужно было куда-то платить. Но оплату принимать отказывались и Энергосбыт, и птицефабрика, мотивируя отказ тем, что трансформатор данный им не принадлежит. Зная, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, Пётр Петрович каждый отказ фиксировал на бумаге и заставлял представителя данной организации ставить свою подпись и штамп. В результате этих письменных отказов набралось не менее дюжины. Затем с помощью юриста районной администрации он подготовил акт, в котором, согласно заключённому договору, сторона, отказывающаяся принять оплату за отпущенную электроэнергию, в дальнейшем не имеет права предъявлять какие-либо претензии к потребителю. Прости меня и Петра Петровича, мой уважаемый читатель, за этот казённый язык.

В один из дней Неугомонного срочно пригласили в районную администрацию, в кабинет к главе, по вопросу оплаты использованной электроэнергии. Зайдя в кабинет, Пётр Петрович увидел представителей Энского энергосбыта и Ископаемого, которые мирно вели беседу, мило улыбаясь друг другу.

– Неугомонный, ты подтверждаешь сумму долга за использованное электричество? – спросил глава района.

А сумма за несколько лет сложилась приличная. С бюджетных учреждений – около миллиона и столько же с частных лиц.

– Да, подтверждаю, – ответил Пётр.

– А как же ты собираешься её выплатить? – последовал новый вопрос.

– Никак!

– Ты что, сегодня выпил, что ли? – возмущённо воскликнул Ископаемый.

Представители энергоснабжения насторожились.

– Платить мы не будем, – снова сказал Неугомонный и положил на стол подготовленные документы.

Ознакомившись с ними, представители заскучали, перестали мило улыбаться и дальнейшая беседа не клеилась.

«Что, съели? – подумал Пётр Петрович и единственный в данном кабинете улыбнулся. – Ну вот, сейчас, наконец-то, шеф оценит мои действия положительно».

Но «шеф» повёл себя как-то странно, потупил взор и с глубокой ненавистью посмотрел на Пётра Петровича из-под насупленных бровей. Представители распрощались и вышли, вместе с ними вышел и Неугомонный.

– Вы что, вместе никогда не собираетесь, что ли? – спросил один из представителей у него.

– Почему вы так решили?

– Потому что ваш районный глава не знает о существовании этих бумаг.

– Не знаю. Этот акт мы готовили вместе с юристом районной администрации, он не мог не сказать Ископаемому об этом, к тому же печать на акте районная. А почему вас это интересует? – в свою очередь спросил Пётр.

– Так он согласился уже выплатить всё. А ты его поставил в неловкое положение.

Теперь Пётр Петрович понял, почему неласков был взор «шефа», и ждал ответного удара с его стороны. Ждать долго не пришлось, наутро раздался телефонный звонок, и скрипучий голос Ископаемого задал вопрос:

– Ты что, самый умный, что ли? – И, не дожидаясь ответа, последовал приговор: – Но ничего, ты допрыгался, ждать осталось недолго.

И действительно, всё произошло скоро, довольно неожиданно и в то же время мерзко. Приближались выборы глав местного самоуправления, в том числе и села Горёвка. Пётр Петрович начал готовиться к ним, помогала ему специалист первой категории Власова Галина Васильевна, надеюсь, ты вспомнил её, уважаемый читатель. Пётр доверял ей как себе, обговорили предвыборную программу, все нюансы возможных препятствий на пути к избранию и прочее, и прочее. Оставалась неделя до начала предвыборной агитации, и тут произошёл неожиданный поворот в этом деле, да такой, что у Петра Петровича закружилась голова от развивающихся событий.

Пётр Петрович сидел в своём кабинете, обдумывая план дальнейших действий. Вдруг дверь открылась, и в кабинет вошёл глава районной администрации Ископаемый В. А.

– Ты на выборы не идёшь! – с порога заявил он. – Ты пойдёшь ко мне заместителем!

– Каким заместителем? – опешил Неугомонный. – Мы за всё время совместной работы не сказали друг другу ни одного доброго слова. И как будет выглядеть моё замещение? Через неделю одному из нас нужно будет уходить, естественно, не тебе. А потом, на работу за тридцать километров я буду каждый день ездить на Рыжке, что ли, а зимой сорок градусов мороза!

– Ничего слышать не хочу! Сказал, будешь заместителем, значит, будешь! – ещё раз твёрдо заявил Ископаемый и покинул кабинет.

«К чему вся эта комедия?» – недоумевал Неугомонный.

Но вторая часть этой комедии повергла его в шок. Оказывается, его верная помощница Галина

Васильевна втихаря встретила с Мараткой Ильдусовым и его другом, или сообщником, Ископаемым, и они уговорили Галину стать главой администрации села Горёвки. Так всё и случилось.

– А куда Петра Петровича? – спросишь ты, уважаемый. – Неужели в заместители?

– Нет, мой читатель. Пётр Петрович по этому поводу решил посоветоваться со своим старым другом Рыжкой. Когда рассказал ему, зачем пришёл, мерин захохотал, а может, заржал, и тут Неугомонный заметил, что у его друга осталось всего три зуба, ему так стало жалко коня, что он чуть не заплакал.

– А ты-то лучше меня, что ли? – видя, как опечалился Пётр, сказал Рыжка. – Какие уж нам заместители, я и за три дня теперь до районной администрации не дойду.

И отправили Петра совсем в другое место.

Пока не скажу куда, возможно, на том попроще родится другое повествование, не сатирическое, а юмористическое, уж в том месте юмора достаточно, на три книги. Но об этом как-нибудь после... Единственное утешение для Пётра Петровича – из специалиста первой категории Власовой Галины Васильевны получился хороший глава Горёвской администрации.

А вот после её деятельности главой стал бывший участковый Горохов Михаил Михайлович, чёрт его туда понёс, не иначе. Хороший был мужик, нет, надо было влезть не в свои сани. При решении каких-то возникающих проблем он, как всегда, хватался за кобуру, в которой не было пистолета, затем махал рукой и успокаивался, а проблемы оставались. Ну да таких глав по области полно, не он один.

В мыслях своих Пётр Петрович вернулся опять к судьбе птицефабрики «Петушок – золотой гребё-

шок». Углубляясь в его размышления, ты, уважаемый читатель, можешь склониться к тому, что Маратка-то не такой уж и плохой хозяин, как о нём думает Неугомонный, фабрика-то пропала не сразу, а длительное время держалась на плаву. Да, держалась, но это как раз и погубило её окончательно и бесповоротно.

У господина Ильдусова оказалось большое самолюбие, он страдал манией величия. Если хозяева, купившие птицефабрику «Золотое яйцо», сразу сократили аппарат управления на восемьдесят процентов в целях экономии, то Маратка, наоборот, раздул этот аппарат в два раза, и всех отраслевых специалистов сделал директорами: зоотехник – директор по производству, инженер – технический директор. Директора по экономике, финансовые, ветеринарные, короче все директора, кроме технички, а себя он гордо объявил генеральным директором, хотя владельцу хозяйства это звание совсем ни к чему. Ну раз все директора, соответственно, и заработная плата приличная, бог бы с ней, если бы она соответствовала пользе от этих званий. В общем, ни один умный предприниматель так разбрасываться финансами не будет. И финансирование фабрики осуществлялось не от производственной прибыли, а исключительно только кредитами. Все объекты, существующие на её территории, были переведены в отдельные хозяйства: автомобильный гараж становился автобазой; кормоцех с оборудованием доисторических времен – комбинатом по производству комбикормов; убойный цех – комбинатом по переработке мяса; котельная – тепловой станцией. И так далее и тому подобное.

Под эти якобы отдельные хозяйства делался план производственного развития с огромной перспективой на будущее и получался кредит. Обанкротится одно фиктивное хозяйство, делается перспективный план под другое. И по причине проведённых машина-

ций стоимость основных фондов птицефабрики возросла примерно до полумиллиарда.

Можно было ещё спасти хозяйство, продав его другому хозяину, находились и покупатели. Но узнав остаточную стоимость, хватались за голову и бежали без оглядки.

А Маратка продолжал пускать людям пыль в глаза. Перед тем как окончательно стало ясно (*руководству, конечно*), что производство терпит крах, всех рабочих птицефабрики собрали в Доме культуры, где хозяин объявил перспективный план развития хозяйства, он, конечно, был грандиозный. После чего всем вручили изготовленные в Москве медали (*можно себе представить, в какую сумму вылилось их изготовление*) и всем было наливо по бокалу шампанского. Кстати сказать, бывшему директору Божкову Маратка медаль тоже вручил и, наклонившись к его уху, прошептал:

– Ну вот, старина, и ты получил свою долю от производства!

Через несколько месяцев птицефабрика приказала долго жить.

Божков уже после гибели птицефабрики, ещё на что-то надеясь, встретился с главой района Учёным, который подтвердил огромную стоимость основных фондов хозяйства и безнадёжность покупки его новым владельцем. Вместе погоревали, на том и встреча закончилась.

Но пресс-секретарь, нет, это не тот секретарь, который таскает пресс для подшивки документов, это секретарь по связям с прессой, газетами «Шиферный вестник» и «Цементная правда». Так вот этот пресс-секретарь районной администрации нашла через некоторое время директора Божкова и рассказала ему, что птицеводство – невыгодная отрасль и что правильно сделал Маратка, вовремя разорил хозяй-

ство. Божков очень удивился: он двадцать пять лет отработал в птицеводстве и не было ни одного года, чтобы хозяйство не получало прибыли, а тут какая-то пигалица учит его жить. Но после он раскаялся, был не прав не в отношении птицеводства, а в отношении пигалицы. Оказалось, она в своё время была пресс-секретарём у самого Маратки Ильдусова. Вот от него и нахваталась мудрости и опыта.

«Хотелось оставить след на Земле», – с горечью думал бывший директор Божков. Да, видно, мы с Колотозовым и Леваковым незаметные оставляли следы, строили корпуса, дома, дороги, но в наше время все строили или хотя бы пытались это делать, на общем фоне строительства наши дела не заметны, стоят дома, производственные корпуса, ну и ладно. А вот Маратка Ильдусов глубокие следы о себе оставил, идёшь по бывшей птицефабрике, а корпуса стоят, ощерившись выбитыми дверями, оцетинились голыми стропилами, далеко видно. Под ногами глубокие ямы от выкопанных из земли глубинных насосов, труб и всего прочего. Вот это – след, след дьявола! Долго будет беречь раны на опустошённой земле и в душах обиженных людей.

А в Москве тем временем взлетают к небу изумительные фейерверки многомиллионной стоимости, сияют разноцветные фонари и гирлянды. Ежедневные шоу и светские рауты. Строятся дворцы и дачные посёлки в трёхуровневом исполнении. Вечный праздник. А в сибирском селе Горёвка, пытаюсь подражать московским сияниям, на административных зданиях тоже разместили китайские гирлянды, по сто рублей за штуку, похожие на тонкий отдел кишечника, хотели порадоваться, но гирлянды оказались бракованные и быстро перегорели. Что говорить про эту Сибирь, всегда сюда ссылали «неблагонадёжных» человеческих особей. Которые, однако,

в трудный для России момент всегда появлялись вовремя на поле брани для её спасения и с честью исполнили свой ратный подвиг на благо Отечества, несмотря на то что правители этого Отечества в своё время отправили их в Сибирь в ссылку за неповиновение и вольность. Ещё совсем недавно кругом располагалась колючая проволока, какие вам, к дьяволу, фейерверки. Глухомань. Одним словом, «Сиблаг». Попытались приблизиться к цивилизации, стали подниматься на ноги, а тут подножка, хрясь – и мы опять на боку.

И всё же надежда совсем не потеряна, прочна ещё сибирская таёжная вольница, многое пережила она, да люди здесь крепкие, выдержат всё, лишь бы жила матушка Россия! А Москва пускай веселится, на то она и столица, чтобы пускать пыль в глаза иностранным варягам. А наше дело – добывать уголь, нефть и газ для пополнения казны государственной да в нужный момент показать мощные мышцы врагам нашим, чтобы вздрогнули они и замерли в страхе!

Вот и пришло время нам расстаться с тобой, мой дорогой читатель, на минорной ноте, но что есть, то есть, ничего не напишешь. Если же тебе понравился Пётр Петрович Неугомонный, ты только подмигни, и мы вновь вытащим его на страницы нашего повествования.

Да, ещё, если тебе показалось, что имена и фамилии очень знакомы либо описываемая местность расположена слишком близко от твоего жилья, уверяю тебя, ты ошибаешься, заверни при случае в любую область нашей страны, и ты, несомненно, услышишь рассказ точно о таких же событиях, что описаны в этом повествовании.

2000–2017 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
----------------	---

СТИХИ

«Не пишется, все мысли заржавели...»	10
Свидание	10
Возвращение.....	11
«Печалью осень дышит за окном...»	11
«А календарь всё тоньше и всё легче...»	12
Первый звонок.....	12
Последний звонок	13
«Отец сказал: «Иди, сынок, пора...»	14
«Я женщин не люблю на пьедестале...».....	15
Праздник души	15
Речка Чиндат	16
Ольговка.....	17
Ольговские «громобойцы».....	18
«На Россию война надвигается...»	19
«Тихо и плавно жёлтые листья...»	20
Гроза.....	20
«Пятьдесят так быстро пролетели...».....	21
«Слезами дождь осенний по стеклу...».....	22
Бабочка.....	23
Рассказ лётчика штурмовика Ил-2	23
Танковая атака.....	25
А память прошлое хранит.. ..	27
Новогодняя сказка.....	28
«Жил человек, и вдруг его не стало...»	29
Откровение.....	30
Родной язык.....	31
«Звездой яркою на небесах сияя...»	31

БАСНИ

Новые ворота	33
Осёл и Хрюшка.....	34
Камень и Змея	35
Чиж и Сова.....	36
Необдуманный совет.....	36
Волк и Коза	37
Лев и Обезьяна.....	38
Строптивая лошадь	38
Овцы и Свинья.....	39
Лошадь и осёл.....	40
Сорока и Лиса.....	40
Погостила!	41
Козёл и Лисица	42
Собачка и осёл.....	43
Мышиный совет.....	43
Лев и Волк	44
Ворона, возомнившая себя орлом	45
Звездочёт.....	46
Конь и Осёл	47
Трагическая ошибка	48
Как Ёжик превратился в колобка	48
Жертвы импичмента.....	49
О взятке.....	50

САТИРА И ЮМОР

Кошка.....	52
Ваучер (Полная версия)	53
Панегирик президенту.....	55
Двойной стандарт.....	56
Андрею Малахову и студии «Пусть говорят».....	58
Напрасный труд	59
Про дядю Сэма	59

С Днём работника культуры	61
«Обидно мне, что я не первый...»	62
«Мелькают быстро леса и пустошь...»	62
Печальное сообщение	62
Гардеробщик у портрета актрисы	64
Геннадию Малахову, эскулапу, народному целителю	64
Счастливый случай	65
Когда же?	65
«Могучий кедр, взмахнув крылами...»	68
Игра «Поле чудес» (И её ведущий Леонид Якубович).....	68
Всё по сценарию	70
Нигилист	71

ЭПИГРАММЫ

Геннадию Малахову (Народному целителю)	72
Поэту.....	72
Писателю.....	73
Избраннику.....	73
Нагиеву.....	73
Престарелым женихам	74
Любителю лестии.....	74
Эстрадной звезде	74
Завистнику	74
Сплетнику	75
Правительству.....	75
Оппозиции.....	75
Владимиру Жириновскому (Вождю ЛДПР)	76
Геннадию Зюганову (Лидеру КПРФ)	76
Миرونору (Лидеру партии «Справедливая Россия»).....	77

ПАРОДИИ

О пародии	78
Молись и кайся.....	79
Вспучилась рябина	80
Приземлённые мечты	81
Грустное вино, весёлый огурец.....	82
Заплутавший рыцарь.....	83
Сухой сквозняк.....	83
Я – самолётник.....	84
Опять гудки.....	84
Обида	85
Сон в руку	85
Вера на показ	86
Как давить клопов.....	86
Где же суть?.....	87
Метеозависимость.....	87
Обама промахнулся	88
Тяжёлое похмелье.....	88
Тяжёлая жизнь.....	89
Утренний бред.....	89
С молитвой и матом	90
Злые козлы.....	90
Однажды сильно угорел.....	91
Рукописи отсырели	92
Агент-неудачник.....	93
Дорогой букет.....	93
Психологическая фантастика.....	94
От женщины не спрятаться, не скрыться.....	94
Неслабая баба	95
Я ударился в грёзы.....	95
Лошадь в шапке	96
Звёзды одичали	96
Чубатые орлы	97

Я не лошадь.....	98
Не кушайте грецких орехов.....	98
Не пейте керосин.....	99
Прокажённые жёны.....	99
Телёнок с бельмом.....	100
Как стать эффективным.....	100
То ли это, то ли то.....	101
В обиде я очень опасен.....	102
Драма в пивном баре.....	102
Кто же я?.....	103
Астрономическая заманиха.....	103
Непрактичная ворона.....	104
Учиться нужно!.....	105
У порога не целуйся.....	105
Замерзая, не потей.....	106
Абракадабра.....	106
Блеснувший щит.....	107
Утонувший водолаз.....	107
Хватил лишнего.....	108
Клоун не в себе.....	108
Изделия зимы.....	109
Правители не забыли.....	109
Стоя повзрослели.....	110
Я плевался в потолок.....	110
Страсти на улице Тихой.....	111
Видно, снял я с белых яблонь дым.....	112
Я хотел расквитаться со всеми.....	113

Похождения Петра Петровича Неугомонного (Сатирическое повествование с политическим уклоном).....	114
---	-----

Литературно-художественное издание

Башев Николай Алексеевич

ЭПОХА АРИТМИИ

Стихи, басни, эпиграммы, пародии, проза

Редактор *Е. В. Фефелова*

Корректор *Т. Э. Панибратова*

Компьютерная верстка,

дизайн обложки – *П. Б. Исаков*

Подписано в печать 12.04.2018. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «NewBaskerville». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,38.
Тираж 320 экз. Заказ № 44

Адрес издательства и типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»:
650099, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б.
Тел. 8 (3842) 36-36-00.

E-mail: 58293469@mail.ru, vuzizdat@gmail.com